

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

2

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

2

2023

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

2

2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Панин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синекокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru
Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Спиридонова В.И.** Современное противостояние Запада и России
как этап столкновения цивилизаций и его особенности 7

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

- Григорьев М.С.** Украинский национализм первой половины XX века
как разновидность нацизма 21
- Килимник Е.В.** Роль Й. Басанавичюса в формировании
литовского национализма 39

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Рогинко С.А.** «Зеленая» повестка Дж. Байдена: лозунги и реалии 56
- Белов В.Б., Котов А.В.** Экономические связи ЕС и России
в условиях ограничительных мер 72
- Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Ослон А.А.** Адаптация российского
малого бизнеса к шокам пандемии COVID-19: первые данные
лонгитюдного исследования 90

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Паухофова И., Бухарбаева Л.Я., Ибрагимова З.Ф., Франц М.В.**
Возможности и достижения в области образования:
Россия и Вишеградская группа стран 111

Трибуна молодого ученого

- Ян Шупин.** Евразийская интеграция в новых геополитических реалиях 129

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- Spiridonova V.** Modern West-Russia Confrontation as a Stage of the Clash of Civilizations and Its Peculiarities 7

STUDIES OF ETHNIC NATIONALISM

- Grigoriev M.** Ukrainian Nationalism in the First Half of the XX Century as a Variant of Nazism 21
- Kilimnik E.** The Role of J. Basanavičius in the Making of Lithuanian Nationalism 39

WORLD ECONOMY

- Roginko S. J.** Biden's Green Agenda: Slogans and Realities 56
- Belov V., Kotov A.** EU-Russia Economic Relations in Conditions of Restrictions 72
- Chepurens A., Galitsky E., Oslon A.** Adaptation of Russian Small Business to COVID-19 Pandemic Shocks: The First Evidence of a Longitude 90

PROBLEMS OF EDUCATION

- Pauhofová I., Bukharbaeva L., Ibragimova Z., Frants M.** Opportunities and Achievements in the Field of Education in Russia and the Visegrad Countries 111

ROSTRUM OF A YOUNG SCHOLAR

- Yang Shuping.** Eurasian Integration in the New Geopolitical Realities 129

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original Article

Современное противостояние Запада и России как этап столкновения цивилизаций и его особенности

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Попытка создать «универсальное государство» в виде американской империи, по методологии А. Тойнби, стала «ответом» на глобальный вызов всемирной взаимозависимости. Американская империя была оформлена как мировая диктатура, которая игнорировала интересы новых мир-цивилизаций Востока. В результате возникла ситуация «надлома» в развитии евро-атлантической цивилизации, которая выразилась в серии локальных военных конфликтов. На современном этапе они переросли в макрорегиональный – украинский конфликт. На этом фоне в рамках мобилизационной стратегии в российской научной литературе переосмысливают идею «осажденной крепости». В Европе формулируется концепция «осажденного Запада», которая развивает представления об агрессивном «восточном варварстве» и стимулирует политику «сдерживания России». Одной из проблем внутренней жизни России стал «негативный патриотизм», генезис которого обусловлен, по А. Тойнби, имитационным характером русской элиты. Российские исследователи считают, что данное явление стало результатом обесценивания исторической значимости русской национальной идентичности.

Ключевые слова: цивилизация, концепция «осажденной крепости», Запад, концепт «восточно-го варварства», негативный патриотизм, национальная идентичность, Россия

Цитирование: Спиридонова В.И. (2023) Современное противостояние Запада и России как этап столкновения цивилизаций и его особенности // Общественные науки и современность. № 2. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049923020016, EDN: CDYSGE.

Modern West-Russia Confrontation as a Stage of the Clash of Civilizations and Its Peculiarities

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
vspirid@yandex.ru. ORCID:0000-0002-6774-7203

Abstract. The attempt to create a “universal state” in the form of an American empire was the response to the global challenge of world interdependence according to A. Toynbee’s methodology. It was designed as a unipolar dictatorship, ignoring the interests of the new “world-civilizations” of the East. This matter led to the decline of Euro-Atlantic civilization’s development. The stage of “collapse” is accompanied by a number of local military conflicts that grew into a macro-regional one – the Ukrainian conflict. As part of the mobilization strategy, the idea of a “besieged fortress” is being rethought in the Russian academic literature, and the concept of the “besieged West” was invented in the West. The latter uses the concept of aggressive “oriental barbarism” and stimulates the policy of “detering Russia”. The phenomenon of “negative patriotism” has become one of the problems of Russia’s public life. A. Toynbee assigned the genesis of this concept to the imitative nature of Russian elites. Russian researchers see it as a result of the devaluation of the historical significance of Russian national identity.

Keywords: civilization, besieged fortress, West, oriental barbarism, negative patriotism, national identity, Russia

Citation: Spiridonova V.I. (2023) Modern West-Russia Confrontation as a Stage of the Clash of Civilizations and Its Peculiarities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049923020016, EDN: CDYSGE.

Современное столкновение между Западом и Россией, которое переросло в острую фазу на территории Украины, стало предметом научных дискуссий о причинах и ходе вооруженного противостояния, а также характере и формах этого конфликта [Кремнев 2019]. Между тем подобного рода конфликты есть противостояние ценностей и убеждений, которые составляют глубинный «геоисторический» стержень цивилизаций. Мир осознает, что евроатлантическая цивилизация – не единственный образец для подражания, ее все меньше ассоциируют с «факелом» всеобщего прогресса. На первые места на мировой арене выходят иные «мир-цивилизации» – китайская, российская, индийская. Однако рождение нового мирового порядка вновь происходит в ходе военной конфронтации, которая угрожает перерасти в мировую войну. История повторяется, хотя текущее противостояние между цивилизациями обладает качественно иными основаниями и характеристиками, изучение которых может сыграть важную роль в преодолении современных вызовов.

Макрополитические истоки современной битвы цивилизаций

Стремление окончательно утвердить однополярный мир в конце XX – начале XXI вв. фактически стало проявлением новых мегатоталитарных тенденций. Как отметил в 2014 г. профессор В.Н. Расторгуев, ссылаясь на рассуждения И. Канта, под однополярным миром подразумевалась модель мирового «планетарного единодержавия» [Расторгуев 2014, 45].

И. Кант считал «всеобщее единодержавие», которое формируется посредством международных союзов, самым большим злом. Стремящееся к нему государство, писал философ, хочет стать «универсальной монархией» и поглотить все остальные страны, превращаясь в чудовище, «в котором законы постепенно теряют свою силу» [Кант 1965, 37]. Тем не менее именно этому негативному сценарию следуют сегодня США. Его опасность заключается в возможном развязывании масштабной войны для расчистки «жизненного пространства» под новый глобальный проект наддержавного, надгосударственного единовластия» [Расторгуев 2009, 45].

Составной частью сценария в наше время становятся так называемые «этнотемократические революции» по установлению режимов прозападного образца (в том числе на постсоветском пространстве) через поддержку радикальных националистов. Такие искусственно создаваемые кризисные ситуации должны стать (и отчасти уже стали) подготовительным этапом к большой войне, о чем в ином контексте предупреждал А. Тойнби. Согласно теории английского историка, развитие больших цивилизаций, к которым относятся и евро-атлантическая, имеет циклический характер. Одной из стадий процесса выступает так называемый «надлом»: он происходит тогда, когда цивилизации не удается дать адекватный ответ на очередной «вызов». «Наше исследование надломов, из которых происходят распады, – пишет Тойнби, – показало, что частым поводом, симптомом или даже причиной надлома являлась вспышка особенно яростной войны» [Тойнби 2009, 713].

Исследуя историческую динамику западной цивилизации в формате «вызов-ответ», который соответствует динамике «рост-надлом-падение», А. Тойнби пишет, что первым историческим вызовом для западной цивилизации стало нашествие варваров, преодолеть который удалось с помощью экуменического церковного института папства. Следующим вызовом исследователь называл усиление единого церковного мира. Ответом на него должны были стать новые экономические и политические решения – концепты локальных «государств-наций» и парламентской системы управления – а также промышленная революция. Однако затем возник очередной вызов – всемирная взаимозависимость. А. Тойнби приходит к выводу, что его современники (середина XX в.) не нашли решения этой важной для западной цивилизации проблемы. Опираясь на логику английского историка, можно констатировать, что в конце прошлого столетия США предприняли попытку создать универсальное государство на основе глобализации. Однако «ответ» в виде однополярного мира с жестким диктатом, который игнорирует интересы поднимающихся новых «мир-цивилизаций» Востока, оказался неэффективным. В результате псевдоуниверсальное государство США, в соответствии с историческими ритмами и законами эволюции цивилизации по А. Тойнби, не справилось с макровывозом и пошло по классическому для этой схемы пути. США развязали ряд локальных военных конфликтов на Ближнем Востоке, а завершающим аккордом стал макрорегиональный конфликт в Восточной Европе на пространстве Украины. Он постепенно трансформируется в мировое противостояние между Западом и Востоком. Согласно идеям А. Тойнби, данные процессы можно расценивать как признак начала распада самой евроатлантической цивилизации. Многие европейские континентальные державы ранее также пытались создать универсальные государства, в частности, такие попытки делали в Испанской империи, Франции Людовика XIV и Наполеона, Германии Вильгельма II и А. Гитлера.

Каждый раз такие инициативы разрушали мировое «политическое равновесие». Следует отметить, что с каждым новым случаем масштаб мирового охвата неуклонно расширялся. Сначала подобные мировые катаклизмы инициировали представители европейской цивилизации. В XX в. такие инициативы вышли за пределы Атлантики и выросли до планетарного масштаба. Протекторат США над Старым Светом после

1945 г. сделал евроатлантическое пространство единым объектом, что стало своеобразной экстраполяцией доктрины Монро на европейский субконтинент [Тойнби 2009, 780]. Новая вариация этого контракта декларировала защиту объединенного евро-американского жизненного пространства от «советской угрозы», как некогда первый вариант концепции Монро предполагал оградить южно-американские земли от испанских и иных европейских претензий.

Американский политолог С. Хантингтон, который опирается на методологию А. Тойнби в своем анализе цивилизаций, подчеркивает, что западная фаза международной политики подходит к концу. «На вершине своего могущества, – пишет он, – Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов для того, чтобы придать миру незападный облик» [Хантингтон 1994, 35–36]. В контексте данного исследования особо значимо утверждение о завершенности определенного этапа развития Запада: когда он единолично определял вектор эволюции мира, понятия «мировое сообщество» и Запад были тождественны, а под понятием универсальной цивилизации скрывалась идея господства западных ценностей. Происходящие процессы соответствуют тезису А. Тойнби о приближении западной цивилизации к фазе «надлома».

О наступлении такого момента также свидетельствует ощущение завершения исторического цикла развития. Заявление Ф. Фукуямы о «конце истории» можно считать выражением такого чувства [Фукуяма 2010].

В цивилизационном контексте «кризиса-надлома» такое представление далеко не ново. Непоколебимая вера в то, что «история закончилась», возникает не в первый раз. В Великобритании в период наивысшего подъема Британской империи в конце XIX в. средний класс считал, что для него наступил золотой век. По тем временам он представлял собой аналог современного гипотетического «золотого миллиарда», который не желал принимать во внимание чаяния и нужды жителей колоний и бедных стран. Передел мира начинается с войн – сначала локальных, которые Тойнби именует «предварительными», подготавливающими большую мировую войну [Тойнби 2009, 764–765]. Малые подготовительные столкновения рискуют перерасти в глобальный конфликт. Самым ярким примером такого рода стали мировые войны 1914–1945 гг., происходившие с паузой на межвоенное перемирие. Первой войне 1914–1918 гг. предшествовала серия турецко-итальянской и балканских войн. Вторую мировую войну 1941–1945 гг. предваряли локальные войны – Японии в Маньчжурии, Италии в Абиссинии, гражданская – в Испании.

Помимо очевидного военного импульса развития событий, на который указывал А. Тойнби, сценарий глобального господства XX в. предполагал раздробление крупных имперских образований на множество мелких «национальных государств», которые были бы образованы на моноэтнической основе. В реальности мировые акторы не руководствовались заботой о сохранении культурно-национального своеобразия народов в рамках глобализации. Как отмечал британский исследователь Э. Хобсбаум, «нация, будучи извлеченной из твердой оболочки государства, как моллюск из своей раковины, превращается в нечто пластичное и желеобразное» [Thiesse 2014]. Цель модели моноэтнического государства – раздробить большие многонациональные политические формы, чтобы лишить существующую в них систему управления скрепляющей наднациональной функции. В результате эти образования становятся беспомощными и безвольными перед лицом жесткого мирового диктата главного «центра силы» – США, которые в противовес международному праву продвигают «порядок, основанный на правилах», никем не сформулированных и не кодифицированных. На фоне этой аргументации исторически присущее России стремление к сильной государственности с ее охранительно-цементирующей функцией на Западе толковали как проявление тоталитаризма и архаики, как попытку

сохранить «авторитарную систему правления». На самом деле, как отмечал Н. Данилевский, объединяющее многонациональный народ государство в России было оболочкой, которая защищала внутреннее содержание. «Твердость наружной скорлупы» препятствовала попыткам завоевания России, которые неоднократно принимали обманчивую форму «европеизации» – на самом деле она означала ликвидацию субъектности и политического суверенитета [Данилевский 1991, 68–69]. В 1990-е гг. XX в. внутрироссийские элиты переняли матрицу «государства-нации» европейского образца, не учитывая интересы и исторические особенности развития России. Сегодня коллективный Запад предполагает в качестве следующего этапа завоевания России сценарий образования на ее территории мелких «этнонациональных государств» по образцу «парада суверенитетов», «отколовшего» от государственного ядра национальные республики. Военное противостояние на Украине становится промежуточным рубежом этого процесса. В качестве реакции на создавшуюся ситуацию в России и Европе появились внешне схожие, но, по сути, противоположные концепции, которые должны мобилизовать население в рамках нарастающей угрозы конфликта мирового масштаба.

Россия и Запад – две «осажденные крепости»

В рамках обострения ситуации на Украине в России возникла острая необходимость перейти к государству мобилизационного типа, что привело к возрождению идеи «осажденной крепости» – с определенными коррекциями [Шевченко 2020; Шевченко 2022]. Она стала ответом на вызов беспрецедентных санкций, которые, по замыслу их западных инициаторов, должны сковать страну по всему ее геополитическому периметру. Естественной реакцией в сложившихся условиях становится круговая оборона, которая и отражена в концепции «осажденной крепости».

Российский ученый В.Н. Шевченко рассматривает три последовательных этапа реализации идеи «осажденной крепости» в России – при Николае I, во времена СССР и «возникающие контуры осажденной крепости у нынешнего российского государства» [Шевченко 2022, 70]. Автор связывает это явление с необходимостью обрести независимость от Запада в условиях внешнего давления. Как отмечает исследователь, конкретные проявления такого давления различались на каждом историческом этапе. В николаевскую эпоху они были результатом торговой политики России, которая снижала конкурентные преимущества Англии. Для СССР выстраивали препятствия идеологического характера, которые были обусловлены противостоянием двух систем – капитализма и социализма. Сегодня, пишет автор, «Россия стала врагом, потому что она хранит традиционные ценности!.. Вновь осажденная крепость, но уже в XXI в. На страну обрушилось огромное давление – разрыв отношений, блокада и санкции, политический шантаж и обман, нечестная конкуренция, насильственный отъем российских финансов» [Шевченко 2022, 85]. Следует добавить, что в основе современного конфликта, как и в предыдущие периоды, лежит колониальная парадигма западной цивилизации, усиленная проблемами с ресурсами, что порождает стремление овладеть природными богатствами России. В.Н. Шевченко перечисляет главные цели государства в сложившейся ситуации: «национальная безопасность, защита суверенитета, сохранение права на собственный путь развития» [Шевченко 2022, 81].

Можно дискутировать о том, нужна ли России изоляция в подобных обстоятельствах. В то же время следует признать, что в условиях избавления от подчиненного положения по отношению к евро-американской цивилизации изживается ментальная зависимость от западных установок и ценностей. Взамен общество должно обрести важное для

успешного развития народа углубленное осознание собственной идентичности. В данном смысле такой этап эволюции экзистенциально необходим и неизбежен.

Ренессанс тезиса об «осажденной крепости» в российской научной литературе некоторые интеллектуальные круги привычно воспринимают как «фантомные тоталитарные боли». Однако парадокс ситуации состоит в том, что такой же «ответ» рождается «здесь и сейчас» в благополучной Европе, которую сегодня называют «осажденным Западом» (*un Occident assiégé*) [Dhume 2019, 31]. Тем не менее, этот феномен имеет другие истоки. Он структурирован в рамках фундаментальной исторической дилеммы «цивилизация-варварство».

Российская идея «осажденной крепости» имеет оборонительный и вынужденный характер, она появилась в результате внешнего давления. Концепция «осажденного Запада» родилась как реакция на неудачи его собственной внутренней политики мультикультурализма, когда в обществе начали усиливаться страхи распространения «восточного варварства». Данный тезис имеет исторические корни: в Римской империи различали два типа варварства – «северное» и «восточное». Первое отождествлялось с нашествием германцев и скандинавов и было психологически родственно римлянам. Оно ассоциировалось с жесткостью воинских сражений, агрессивностью, но одновременно с мужеством и стойкостью. «Восточное» или «азиатское» варварство воспринимали как рожденное полностью иррациональным с точки зрения европейцев поведением – леностью, изнеженностью, чрезмерной чувственностью, развращенностью. Носители таких характеристик подлежали физическому истреблению как варвары-«орки», «не поддающиеся перевоспитанию».

В современной Европе «восточное варварство» соотносили именно с таким классическим историческим дискурсом. Авторы ссылались на великие миграционные и завоевательные движения в Центральной и Восточной Европе между IV–VII вв. Современное «восточное» варварство представлялось первоначально как «мусульманская проблема». Из контент-анализа СМИ – в частности, архива газеты «Le Monde» с 1944 г., – можно составить «портрет» такого «восточного варвара», который пресса сформировала для широкой общественности. Он – «захватчик», «жестокий враг», «чуждый прогрессу», «приносящий продолжительный хаос», «угрожающий цивилизованному раю» и стремящийся установить «анархию на руинах европейской цивилизации»; «орды, приходящие с Востока», «кровавые фанатические убийцы», которые «насилуют, казнят, пытаются и расстреливают». Они одержимы «низменными инстинктами», представляют собой «тупые» орудия «репрессивных режимов» и «уничтожают все и вся, свирепо и без малейшего на то повода» [Dhume 2019, 26–27]. Как отмечает исследователь этих процессов Ф. Дюм, подобная риторика подготавливала общественное мнение в европейских странах к возможному силовому противостоянию и войне.

В реальности эта ментальная предвоенная подготовка оказалась полезной для мобилизации населения в условиях вооруженного конфликта на Востоке Европы. Лексику «восточного варварства» и созданную картину мира перенесли на представителей России и ее политику. Последняя якобы несет миру «распространение русского империализма», от которого избавить человечество может только «Новый Рим» в лице Соединенных Штатов – «единственной державы, способной сдерживать набеги» восточных варваров [Dhume 2019, 30]. Портрет «восточного варвара», созданный в прессе ранее для описания «восточных деспотических режимов», даже не нужно было радикально корректировать. Следовало только повторять утвердившиеся клише, дополняя их свежими «иллюстрациями». Переосмысление «восточного вопроса» на основе концепции «осажденного Запада» имело мобилизационно-наступательный характер, цель которого – консолидировать население Европы для политики сдерживания России.

Идеологизированное использование «восточного вопроса» в мусульманском варианте с последующим его распространением на Россию имеет глубокие исторические корни. Изначальная его цель – придать масштабный объединительный импульс в Европе в целом. По мнению Ф. Гизо, противостояние христианской идеи, христианского мировоззрения мусульманскому миру стало сильнейшим толчком к тому, чтобы европейское общество осознало себя единой цивилизационной общностью. Объединение европейских государств как качественно новое явление в жизни западной цивилизации произошло во времена крестовых походов. Французский философ описывает это событие следующими словами: «Повсеместность, всеобщность – вот первый характер крестовых походов; в них участвовала вся Европа, они были первым европейским событием. До крестовых походов Европа никогда не приводилась в движение одним и тем же стимулом, никогда не участвовала в одном и том же деле; Европы, можно сказать, вовсе не было» [Гизо 2007, 188]. Идеиное противостояние в характерной для той эпохи религиозной форме предвещало рождение «общеевропейской» нации. В крестовых походах участвовали французы, германцы, итальянцы, испанцы, англичане. Эти походы затрагивали не только все нации, но и все сословия, на определенном временном отрезке устраняя даже социально-классовые противоречия. Они создали основу сначала для внутринациональной, а затем и для общеевропейской солидарности.

Данный пример демонстрирует основы, из которых вырастает европейская солидарность. Героическое событие, которое сформировало «новую объединенную Европу», в соответствии с современными воззрениями представляло собой агрессивный акт, насильственное действие, проходящее в формате мировой войны, войны цивилизаций. Помимо прочего, крестовые походы Европы, которая уже тогда считала себя, по свидетельству Ф. Гизо, образцом для подражания и моделью развития человечества в целом, призваны были утверждать исключительность и лидерство Европы по отношению к другим народам. В данном аспекте концепция Гизо предвосхитила современные теории универсализации и мессианства, плавно перерастающие в расовый фундаментализм. «Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, – писал французский философ, – к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями» [Гизо 2007, 43].

Европейская мысль с начальных этапов своего развития воспринимала «восточные народы» как варварские и низшие. Она игнорировала целые главы чужой истории в случае, если они не вписывались в созданную западной цивилизацией концепцию. Данное явление не укладывается в понимание Запада как изобретателя передовых политических форм. Даже столь далекая от этих достижений область вероисповедания рассматривается предвзято и прагматически – Запад оценивал конфессии исключительно с точки зрения их применимости для достижения своих целей. Так, восточную ветвь христианства, как пишет А. Тойнби, изначально считали «временным наростом на теле западного общества... Православное христианство, по этой версии, зародившись, служило оплотом западного общества в борьбе с Востоком» [Тойнби 2010, 88]. Исчерпав свои функции, этот «нарост» должен был исчезнуть за ненужностью, «подобно тому как у головастика отваливаются жабры или хвост на стадии превращения его в лягушку» [Тойнби 2010, 88]. Точно в такой же логике рассматривалось и существование России как самостоятельного государства. Запад никогда не считал восточного соседа суверенным политическим субъектом, рассматривая его как удобный расходный инструмент в борьбе с остальным Востоком – в зависимости от ситуации исламским, индуистским или дальневосточным. Соответственно, России также отказывали в цивилизационном статусе, определяя составляющие ее народы как полу-

варварские и туземные, которые могут быть только ресурсом по отношению «к колеснице западного общества» [Тойнби 2010, 88].

Главная проблема Запада состоит в том, что он исходит из особенностей собственного развития, в котором наиболее заметные и эффективные для европейского континента трансформации происходили в политической области. Соответственно, такие достижения исследователи рассматривают как приоритетные для развития всего остального человечества. В то же время они не обращают должного внимания на сферу культуры, которая в реальности более важна для эволюции, нежели инструментальная по своей сути сфера политики. В современном мире эта особенность выражается в утверждении о неоспоримом преимуществе демократических и парламентских форм правления над остальными, которые именуют деспотическими. Динамизм западных обществ противопоставляется кажущейся статичности восточных.

На самом деле такие доводы опираются на идеи абстрактного прогресса, которые намеренно исключают из рассмотрения природный фактор – сложности географической среды, характерные, в частности, для российских регионов; трудные условия существования в зонах евразийского пространства с резко континентальным климатом и постоянной борьбой за выживание в зонах Севера или степи. На данный аспект обращает внимание А. Тойнби, заявляя, что жизнь на этих пространствах – «это постоянная схватка с Природой, которая неизбежно ведет к поражению, как только человек разрушает свою организацию или ослабляет дисциплину» [Тойнби 2010, 90]. Соответственно, тактика проживания на подобных землях отличается от жизни в Европе с ее мягким климатом, и она порождает иные политические формы адаптации к среде. В таких условиях государство воспринимается как «добродетель», как охранителя и защитника социума. Появляется акцент на идее общего блага и прагматической общенациональной координации усилий, следствием которых становится логика сильной вертикали власти. Она характерна не только для России, но и для других незападных государств со «сверхбольшими» национальными территориями и многоликим этническим и культурным фундаментом.

Запад трактует экзистенциальную необходимость учитывать вариативность политических систем в соответствии с условиями не-Запада как негативную политическую ригидность – «деспотизм». Отсюда исходит стратегия разрушения того типа государственности, который был представлен в Российской империи и Советском Союзе. Подрыв проверенной в этих особых условиях организации общества, которая основана на более жестком соподчинении регионов и более строгой дисциплине, приводит к саморазрушению такого общества. Итоги и последствия подобной социально-политической катастрофы могут быть временными или окончательными, что зависит, в конечном счете, от жизнеспособности данного образования.

Росту витальности государства способствует, в первую очередь, давление извне. А. Тойнби выделяет пять типов вызовов, которые усложняют условия существования, но в итоге приводят к зарождению жизнестойких великих цивилизаций: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов военных ударов, вызов давления и вызов ущемления. Россия за свою историю успешно справлялась со всеми пятью типами, что не сравнимо ни с одной из ныне существующих цивилизаций. Английский историк относит Россию к государствам, которые испытывают непрерывное давление извне на протяжении длительного времени, называя такого рода страны цивилизациями-«форпостами» [Тойнби 2010, 148]. Из-за сильнейшего внешнего воздействия то с Востока, то с Запада Россия была вынуждена вести многочисленные войны, чтобы обезопасить себя. Ему же она обязана своим географическим расширением, а вовсе не абстрактному импульсу «имперского величия».

Долговременная историческая схватка пришла к частичному краткосрочному перемирию только в середине XX в. В тот период сформировалось политически лояльное пространство в восточных и южных регионах России, а позднее образовался пояс восточноевропейских государств, который отделил ее от великих держав западного мира.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что Россия не могла избежать военной оборонительной реакции на новые, невиданные по мощи «вызовы внешнего давления», которые выражаются в приближении блока НАТО к ее границам. Давление сопровождается «вызовом ущемления» – введением беспрецедентных по масштабам экономических и торговых санкций, которые полностью соответствуют тактике блокады морских держав. По логике А. Тойнби, одним из вариантов ответа в таких условиях выступают военные действия. Этот вариант стал для России единственной возможностью перестать ощущать себя отстающей, «незавершенной» [Д'Анкокс 2005], «вторичной» по отношению к Западу цивилизацией.

Негативный патриотизм

Ощущение «вторичности», которое гипнотически владеет частью российского общества, привело к тому, что некоторые его представители принципиально желают проигрыша собственной стране и поддерживают врага – открыто или скрытно. В случае, если бы эта ситуация была единичным и современным историческим прецедентом, можно было бы искать причины ее возникновения в неких конкретных обстоятельствах. Однако это явление уже встречалось в истории России. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. оно получило название «обратного патриотизма», «патриотизма наизнанку» [Перцов 2004]. О том, что этот эффект появился из-за российского самоощущения второсортности по отношению к европейским процессам, свидетельствует замечание В.В. Розанова: «...У нас самое слово “патриотизм” и “патриот” печатается и произносится в презрительно-безграмотном виде. Ибо подразумевается: “кто же из грамотных русских людей, поучившихся в гимназии и университете, может принадлежать к патриотам”. Во Франции – патриотизм, в Германии – патриотизм, в Англии – патриотизм. Им – позволено» [Розанов 2008, 197].

Другой русский философ начала прошлого века В.Ф. Эрн также указывал на «духовное отступничество» части русской интеллигенции того времени, которая так же, как и сегодня, печалилась только о том, как скоро «все водворится на свои старые места» [Эрн 1991а, 302], и не замечала падения и внутреннего одичания противника. Такая позиция, полагал он, «объясняется лишь установившимися навыками априорно, наперед презирать всякое русское дело, щедрым авансом обливать подозрительным недоверием всякое русское начинание» [Эрн 1991б, 349]. В.Ф. Эрн называл такие выступления в обществе «обходом с тыла» и считал их результатом того, что в предшествующие годы Россия и ее интеллигенция бездумно «шла на буксире европейской истории» [Эрн 1991а, 303].

А. Тойнби рассматривает этот феномен в более широкой перспективе предательства своего государства внутренней элитой. Он объясняет это патологическое явление искусственным характером рождения самого российского интеллигентского сословия, которое появилось в условиях конкуренции с классическими западными обществами. Современный характер западной цивилизации он связывает с возникновением в ней среднего класса или буржуазии. Как он утверждает, в России Петр I создал «заменитель доморожденного среднего класса», который и стал представлять собой то, что впоследствии называли интеллигенцией. Однако «современный западный средний класс был автохтонным элементом в обществе, в котором стал господствовать» [Тойнби 2009, 581],

в то время как российская интеллигенция сформировалась в рамках догоняющего развития, стремления копировать европейские успехи, и в этом смысле она была плодом «поражения собственного общества в столкновениях с современным Западом» [Тойнби 2009, 582]. Такая «родовая травма», своего рода комплекс неполноценности и привели к ситуации, когда «суррогат» среднего класса восстал сначала против своего создателя – Петра I (с временной задержкой – в эпоху Декабристского восстания 1825 г.), а впоследствии – против государства как такового. Отголоском такого положения можно считать явление «обратного патриотизма».

Психоаналитическое объяснение негативного патриотизма отчасти проясняет истоки проблемы. Однако тот факт, что негативный патриотизм традиционно проявляет себя во время войны, требует отдельного рассмотрения.

Всякую войну ведут ради целей несравненно более широких, чем те, во имя которых она была объявлена, отмечал русский правовед начала прошлого века Д.Д. Муретов, анализируя ментальные последствия войны 1914 г. В ту эпоху суть проблемы состояла в том, что конфликт разгорелся вокруг ценностей, поступиться которыми уже не могла ни Россия, ни Запад, представленный в тот период Германией. «...Германский мир обратился в одно целое, и не случайно то, что с этого приблизительно времени... мы находимся с этим германским миром, выражаясь дипломатическим языком, в непрерывном “состоянии войны”» [Муретов 2004б, 180], – делал вывод ученый. Та же ситуация наблюдается и сейчас. Сегодня стало ясно, что аспект отстаивания цивилизационной идентичности России в ее противостоянии давлению западной цивилизации делает само противостояние (пусть и не в горячей его фазе) процессом длительным, если не перманентным.

В начале прошлого века война потребовала от российского общества ответить на вопрос об объективной ценности русской народности, о важности ее места и роли в мировом порядке. Под народностью понималась совокупность ценностей, общее духовное достояние данного народа, его совокупное творчество. Народ не есть суммарное количество людей, проживающих на определенной территории; он обладает «исторической глубиной», его формирует «единство, уходящее в прошлое и смотрящее в будущее» [Муретов 2004б, 175]. Тем не менее, «если народное единство охватывает не только живых, но и мертвых и еще не родившихся, то сознание требует указать нечто общее всем членам данного народа» [Муретов 2004а, 196]. В результате формируется духовная сущность, которая представляет собой совокупность всех поколений – уже ушедших предков, живущих в настоящем и будущих потомков – и представляет самую суть их единства. Именно такую сущность сегодня называют цивилизационной идентичностью, и именно за существование этой идентичности сегодня Россия вступила в противоборство с Западом точно так же, как сто лет назад.

Несмотря на терминологические расхождения, речь фактически идет о праве и о возможности сохранять и развивать собственную цивилизацию, самостоятельно выбирать путь в мире. Следует признать, что в начале Первой мировой войны еще не было очевидно, что вопрос может стоять о существовании страны. Считалось, что «столкновение ни с одним из государств... не может грозить России гибелью» [Муретов 2004б, 175]. В настоящее время ситуация меняется. Сегодня битва идет за две главные ценности: во-первых, за существование самой России и, во-вторых, за право России и русского народа на свое место в мировой истории, за признание ценности своего существования как своеобразной русской цивилизации, не менее важной для человечества, истории и культуры, чем евро-американская, китайская или индийская.

«Негативный патриотизм» как реакция на нынешний конфликт, как и тогда, возникает из-за утраты чувства исторической ретроспективы и перспективы. «...Почувствуйте

себя поколением, не помнящим родства, и война делается для вас внутренне безразличной», – писал Д.Д. Муретов [Муретов 2004б, 176]. Логическому развитию неолиберализма мешают природно-исторические различия наций и народов. В результате возникает стремление заменить органически разные народные личности унифицированными гражданскими единицами, которые превращают людей в «членов акционерной компании». Отношения строятся не на важности существования в рамках общего духовно-ценностного пространства и общего достояния, а на основе интересов и выгоды. Пропадает ценностно-объединяющая основа жизни. Размывается понятие исторического единства, а с ним исчезает и ощущение уникальности данной народной личности, которую нужно беречь и охранять.

Проблема гуманистической оценки вооруженного конфликта по-прежнему стоит. Ценность существования народности, сохранение своей цивилизационной идентичности, верности своей уникальной исторической коллективной личности – все это обоснование необходимости его принять. «Принятие войны..., – писал Д.Д. Муретов, – возможно лишь в том случае, если нами принята наша народность, как ценность, достойная жертв и греха войны» [Муретов 2004а, 189]. В контексте нынешнего противостояния «негативный патриотизм» означает либо отрицание ценности существования российского народа в истории и нравственной ценности его исторического пути, либо, если носитель принадлежит к данной нации, самоуничтожение себя как народа. Отрицание праведности и правды данного противостояния равносильно допущению возможности существования мира без России, без российской цивилизации.

Заключение

Сегодня мы переживаем одно из тех роковых событий, которые знаменуют собой поворотные пункты в истории мировых цивилизаций. Смысл происходящего, как и сто лет назад, выходит за пределы материального столкновения двух вооруженных сил. Схватка приобретает высший духовный смысл отстаивания бытия русского народа, его уникальной цивилизационной идентичности. В 1914 г. В.Ф. Эрн называл Первую мировую войну высшей духовной борьбой, тяжбой всемирно-исторических начал. «Столкновение духа Германии и духа России, – писал он, – мне представляется внутреннею осью европейской войны» [Эрн 1991б, 297]. Цивилизационное противостояние Запада и Востока мыслители воспринимали как грандиозную перестройку всего мирового процесса. Оно представляло собой грань двух эпох, когда рушатся великие царства и возникают новые возможности для мира. Роль и значимость действий России как тогда, так и сегодня определяются тем, что она взяла на себя ответственность за судьбу мира, будучи вовлеченной в гущу событий. От исхода этого противоборства зависит не только ее собственное будущее, но и контуры зарождающегося нового мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гизо Ф. (2007) История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего». 336 с.
- Д'Анкокс Э.К. (2005) Незавершенная Россия. М.: Росспэн. 192 с.
- Данилевский Н.Я. (1991) Россия и Европа. М.: Книга. 574 с.
- Кант И. (1965) Об изначально злом в человеческой природе // В: Кант И. Соч. в 6-ти томах. М.: Мысль. Т. 4. Ч. 2. С. 5–57.
- Кремнев П.П. (2019) Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины: Правовая квалификация и последствия // Вестник РУДН. Политические науки. Т. 23. № 3. С. 394–412.
- Муретов Д.Д. (2004а) О понятии народности // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 189–204.
- Муретов Д.Д. (2004б) Правда нашей войны // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 169–181.
- Перцов П.П. (2004) Обратный патриотизм // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 156–158.
- Расторгуев В.Н. (2014) Все ли войны кончатся миром? // Пространство и время. № 3. С. 45–53.
- Расторгуев В. Н. (2009) Единодержавие: новые лики тоталитаризма // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. № 1. С. 43–50.
- Розанов В.В. (2008) Кн. Е. Н. Трубецкой и его «развенчание национализма» // В: В.В. Розанов. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. Собр. Соч. М.: Изд-во «Республика», Спб.: Изд-во «Росток». Т. 24. С. 196–197.
- Тойнби А. Дж. (2009) Исследование истории: цивилизации во времени и в пространстве. М.: АСТ. АСТ МОСКВА. 863 с.
- Тойнби А. Дж. (2010) Постижение истории. Избранное. М.: Айрис Пресс. 640 с.
- Фукуяма Ф. (2010) Конец истории и последний человек. М. Изд-во АСТ: Полиграфиздат. 588 с.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // Полис. № 1. С. 33–48.
- Шевченко В.Н. (2020) К современным дискуссиям вокруг «особого пути» развития России // Вестник РФО. Вып. 1-2. С. 39–51.
- Шевченко В.Н. (2022) Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. Т. XXIV. Вып. 2. № 2. С. 70–86.
- Эрн В.Ф. (1991а) Голос событий // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 299–303.
- Эрн В.Ф. (1991б) Меч и крест // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 297–298.
- Эрн В.Ф. (1991в) Ненужные рыдания // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 348–353.
- Dhume F. (2019) Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'unappel à la guerre identitaire? // Sens-Dessous. No. 24. Pp. 25–34.
- Thiesse A.-M. (2014) Nations, internationalismes et mondialisation // Romantisme. No. 17. Pp. 15–27. (<https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm>).

REFERENCES

- D'Ankoss E.K. (2005) *Nezavershennaya Rossiya* [Unfinished Russia]. Moscow: Rosspen. 192 p.
- Danilevskij N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga. 574 p.
- Dhume F. (2019) Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'unappel à la guerre identitaire? *Sens-Dessous*. no. 24, pp. 25–34.
- Ern V.F. (1991a) Golos sobytij [Voice of Events]. In: V.F. Ern. *Sochineniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 299–303.
- Ern V.F. (1991b) Mech i krest [Sword and Cross]. V.F. Ern. *Sochineniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 297–298.
- Ern V.F. (1991c) Nenuzhnye rydaniya [Unnecessary Sobbing]. V.F. Ern. *Sochineniya*. M.: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 348–353.
- Fukuyama F. (2010) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: Izd-vo ACT: Poligrafizdat. 588 p.
- Gizo F. (2007) *Istoriya civilizacii v Evrope* [The History of Civilization in Europe]. Moscow: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego». 336 p.
- Hantington S. (1994) Stolknovenie civilizacij? [The Clash of Civilizations?]. *Polis*. no. 1, pp. 33–48.
- Kant I. (1965) Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoj prirode [About the Inherently Evil in Human Nature]. In: Kant I. *Soch. v 6-ti tomah*. Moscow: Mysl'. vol. 4, chapter 2, pp. 5–57.
- Kremnev P.P. (2019) Vooruzhennyj konflikt na YUgo-Vostoke Ukrainy: Pravovaya kvalifikaciya i posledstviya [Armed Conflict in the South-East of Ukraine: Legal Qualification and Consequences]. *Vestnik RUDN. Politicheskie nauki*. vol. 23, no. 3, pp. 394–412.
- Muretov D.D. (2004a) O ponyatii narodnosti [About the Concept of Nationality]. In: *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 189–204.
- Muretov D.D. (2004b) Pravda nashej vojny [The Truth of our War]. *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 169–181.
- Percov P.P. (2004) Obratnyj patriotizm [Reverse Patriotism]. In: *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 156–158.
- Rastorguev V.N. (2014) Vse li vojny konchayutsya mirom? [Do All Wars End in Peace?]. *Prostranstvo i vremya*. no. 3, pp. 45–53.
- Rastorguev V. N. (2009) Edinoderzhavie: novye liki totalitarizma [Monocracy: New Faces of Totalitarianism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*. no. 1, pp. 43–50.
- Rozanov V.V. (2008) Kn. E. N. Trubeckoj i ego «razvenchanie nacionalizma» [Duke E. N. Trubetskoy and his «Debunking of Nationalism»]. In: V.V. Rozanov. *V chadu vojny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. Sobr. Soch.* Moscow: Izd-vo «Respublika», Spb.: Izd-vo «Rostok». vol. 24, pp. 196–197.
- Shevchenko V.N. (2020) K sovremennym diskussiyam vokrug «osobogo puti» razvitiya Rossii [Towards Modern Discussions around the «Special Way» of Russia's Development]. *Vestnik RFO*. vol. 1-2, pp. 39–51.
- Shevchenko V.N. (2022) Osobennosti civilizacionnogo razvitiya Rossii v kontekste protivostoyaniya s Zapadom. Fenomen rusofobii [Features of Russia's Civilizational Development in the Context of Confrontation with the West. The Phenomenon of Russophobia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. vol. XXIV, no. 2, pp. 70–86.
- Thiesse A.-M. (2014) Nations, internationalismes et mondialisation. *Romantisme*. no. 17, pp. 15–27. (<https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm>).
- Toynbee A.J. (2009) *Issledovanie istorii: civilizacii vo vremeni i v prostranstve* [A Study of History: Civilizations in Time and Space]. Moscow: AST. AST MOSKVA. 863 p.
- Toynbee A.J. (2010). *Postizhenie istorii. Izbrannoe* [Comprehension of History]. Moscow: Ajris Press. 640 p.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240. E-mail: vspirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IF RAS). Address: 109240, Moscow, GoncharnayaSt., 12-1. E-mail: vspirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 11.01.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 24.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 17.04.2023

УДК 321.64

DOI: 10.31857/S0869049923020028
EDN: CECEKZ

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА STUDIES OF ETHNIC NATIONALISM

Оригинальная статья/ Original article

Украинский национализм первой половины XX века как разновидность нацизма

© М.С. ГРИГОРЬЕВ

Григорьев Максим Сергеевич, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), 79646492606@yandex.ru. ORCID: 0009-0006-5873-8085

На основе исследований российских и зарубежных историков, анализа архивных источников, изданий и документов выявлены ключевые характеристики фашизма и нацизма. В них входят: радикальный национализм и расизм, геноцид и этнические чистки, репрессивная и тоталитарная диктатура, парамилитарные образования, антикоммунизм и антидемократизм, трансцендентность, реваншизм и др. Проведен компаративный анализ идеологии и практик украинского национализма первой половины XX в., немецкого национал-социализма и итальянского фашизма. Установлено соответствие украинского национализма данного периода ключевым признакам нацизма.

Ключевые слова: украинский национализм, фашизм, нацизм, национал-социализм, Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия

Цитирование: Григорьев М.С. (2023) Украинский национализм первой половины XX века как разновидность нацизма // Общественные науки и современность. № 2. С. 21–38. DOI: 10.31857/S0869049923020028, EDN: CECEKZ.

Ukrainian Nationalism in the First Half of the XX Century as a Variant of Nazism

© M. GRIGORIEV

Maxim Grigoriev, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), 79646492606@yandex.ru. ORCID: 0009-0006-5873-8085

Abstract. On the basis of analysis of archive sources, publications, documents and historians' research, key features of fascism and Nazism have been identified. Such features include: radical nationalism and racism, genocide, ethnic purges, repressive and totalitarian dictatorship, paramilitary formations, anticommunism, antidemocracy and revanchism. A comparative analysis of ideology and practice of the Ukrainian nationalism in the first half of the XXth century, German national-socialism and Italian fascism has been carried out according to these criteria. The analysis demonstrates direct correspondence between Ukrainian nationalism of this period and Nazism.

Keywords: Ukrainian nationalism, fascism, nazism, National Socialism, Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian insurgent army

Citation: Grigoriev M. (2023) Ukrainian Nationalism in the First Half of the XX Century as a Variant of Nazism. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 21–38. DOI: 10.31857/S0869049923020028, EDN: CECEKZ.

В данной работе нацизм¹ и итальянский фашизм рассматриваются как разновидности более общего понятия «фашизм». Такого рода подход разделяет целый ряд историков. Например, данной позиции придерживается известный американский исследователь фашизма М. Манн, который подчеркивает, что «сами Гитлер и Муссолини считали, что принадлежат к одному движению» [Манн 2023, 23]. На основе анализа официальных документов, заявлений и выступлений, практических действий лидеров украинского национализма, а также структур и организаций, созданных ими, предполагается установить вероятность их принадлежности к нацизму и фашизму².

С исторической точки зрения следует отметить, что одной из политических структур, участвовавших в создании Организации украинских националистов (ОУН³), был и существовавший с начала 1920-х гг. Союз украинских фашистов⁴ (наряду с Украинской военной организацией (УВО)). Его руководитель П. Кожевников, который встречался с Б. Муссолини, стал членом «провода» (высший управленческий орган организации) ОУН. Тот факт, что сооснователем ОУН выступал Союз украинских фашистов, показателен сам по себе. Он означает, что фашистские подходы и организации были не просто приемлемы, но и желательны в 1930-х гг.

Следует отметить, что спецслужбы нацистского рейха не сомневались, что украинские националисты – фашисты, и прямо так их называли. Например, в своих показаниях отве-

¹ В данной статье нацизм, национал-социализм, гитлеризм и немецкий фашизм рассматриваются как синонимы.

² В данной работе под украинским национализмом главным образом понимается украинский национализм первой половины XX в.

³ В данной работе (если это не оговорено отдельно) под ОУН имеется в виду как часть организации под руководством А. Мельника, так и часть под руководством С. Бандеры.

⁴ В 1925 г. Союз украинских фашистов стал соучредителем Лиги украинских националистов.

чавший за проведение диверсионных актов за рубежом в Абвере (орган военной разведки и контрразведки нацистской Германии) полковник Э. Штольце прямо называл украинских националистов «националистическими фашистскими группировками», а их руководителей А. Мельника и С. Бандеру «германскими агентами»⁵. В 1945 г. на допросе Э. Штольце свидетельствовал: «В работе полковника Коновальца, как нашего агента, для сохранения условий конспирации был завербован по его рекомендации украинский националист – ротмистр петлюровской армии Ярый, под кличкой “Консул-2”, который использовался нами как агент-связник между нами и Коновальцем, а Коновальцем, в свою очередь, как связник с националистическим подпольем. Еще при жизни Коновальца Ярый был известен Мельнику и другим националистам как близкий Коновальцу и как активный националист. Поэтому Канарис поручил начальнику “Абвера 2” полковнику Лахаузену через Ярого связаться с Мельником, который, к этому периоду переехал из Польши в Германию. Таким образом, в конце 1938 года или в начале 1939 года Лахаузену была организована встреча с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку “Консул”. Поскольку Мельник должен был состоять на связи как агент лично у меня, то во время его вербовки я также присутствовал».

Для уверенности нацистов в украинских националистах были все основания. Первый руководитель ОУН Е. Коновалец, как и большинство из его окружения, с 1922 г. был агентом немецких спецслужб. Последние начали финансировать ОУН еще до Второй мировой войны.

В написанной в 1935 г. и принятой на II съезде ОУН (Рим, 1939 г.) одной из основных идеологических концепций украинских националистов «Нациократия» Н. Сциборского указано, что «фашизм – это прежде всего национализм». Украинский национализм, в свою очередь, «признает за фашизмом большую историческую заслугу» и «приближается к нему своим идеологическим содержанием». Следует указать, что в идеологических документах украинских националистов до 1945 г. выражено открытое восхищение фашизмом. Например, в «Нациократии» утверждается, что «фашизм выступает в роли творческого реформатора», «объединяет вокруг общего национального идеала все социальные слои нации», а «сам фашизм, прежде всего национализм, – любовь к собственной родине и патриотическое ощущение... Источниками его рождения есть национальный инстинкт, национальный дух и национальное сознание»⁶. Таким образом, в сущность фашизма включили все те черты, которые украинские националисты признавали основными ценностями и в своих концепциях. В соответствии с концепцией «нациократии» и в духе восхищения нацизмом украинские националисты собирались строить свое «государство». В разработанном заместителем председателя ОУН Н. Сциборским проекте конституции Украины указано, что «устройство украинского государства строится на основах нациократии»⁷.

Идеологические концепции второй фракции ОУН под руководством С. Бандеры также были проникнуты восхищением фашизмом и нацизмом. Например, данная тенденция заметна по публикациям журнала «Литературно-научный вестник». Его главным редактором с 1922 г. был один из основных идеологов украинского национализма Д. Донцов, которого назначили на пост по рекомендации руководителя УВО и будущего руководителя ОУН Е. Коновальца. Одна из статей Донцова в журнале носила характерное название

⁵ Нюрнбергский процесс (1989) Сб. материалов в 8 т. Т. 3. Отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: Юрид. лит. С. 530–532.

⁶ Сциборский М. (2007) Нациократия. Вінниця: ДП «Державна картографічна фабрика». С. 95

⁷ Очерк проекта основных законов Конституции Украинского государства. DIASPORIANA.ORG.UA. С. 1. (<https://diasporiana.org.ua/politologiya/16540-stsiborskiy-m-naris-proektu-osnovnih-zakoniv-konstitutsiyi-ukrayinskoyi-derzhavi>).

«Чи ми фашисти?» (Фашисты ли мы?)⁸. На поставленный вопрос в ней был дан однозначный ответ: «Политический и морально психологический дух, которым дышат украинские националисты, бесспорно, является фашизмом». Символично и то, что редакция журнала издавала книги о А. Гитлере, Б. Муссолини и Ф. Франко.

Шведско-американский историк П.А. Рудлинг, называя концепцию украинского национализма Д. Донцова «интегральным национализмом», подчеркивает, что «между фашизмом и интегральным национализмом (т.е. украинским национализмом) нет противоречий, он является одной из форм фашизма... националистические тексты 1930 и 1940 изобилуют ссылками на фашизм и национальный социализм» [Rudling 2011, 3]. Немецко-польский историк Г.Ж. Россолински-Либе пишет, что Д. Донцов нередко называл украинский национализм украинским фашизмом. Затем предпочтение начали отдавать термину «активный национализм», но в 1930-х гг. Донцов и другие украинские националисты снова вернулись к нацизму и стали продвигать его, используя термин «гитлеризм». Он также провозгласил, что «те, кто против фашизма, работают на большевиков, хотя они это или нет» [Rossoliński-Liebe 2015, 9–10]. Другие известные идеологи украинского национализма также открыто восхищались А. Гитлером. Например, автор целого ряда расистских книг и статей, который открыто придерживался русофобских и антисемитских взглядов, Р. Ендик, написал восторженную книгу об А. Гитлере⁹. Бывший член Центральной Рады, представитель ОУН в Риме Е. Онацкий, в доме которого в 1939 г. прошел «II Великий сбор ОУН», еще в декабре 1929 г. восхвалял фашизм в своей статье «Фашизм и мы» в официальном издании ОУН «Розбудованації»¹⁰.

В целом ряде изданий украинских националистов прямо говорилось, что их национализм фактически представляет собой то же самое, что фашизм и нацизм. Так, еженедельник ОУН «Наш клич» еще в 1933 г. писал: «В одной стране он проявился как фашизм, в другой как гитлеризм, а у нас просто как национализм» [Бовдаренко 1934, 10]. Идеолог украинского национализма О. Чемеринский утверждал, что «украинский национализм использует термин национализм таким же образом, как немецкие и итальянские националисты используют термин «национал-социализм» или фашизм» [Rudling 2011, 3]. Сходство специально подчеркивали руководители самих украинских националистов. Например, в письме И. Риббентропу руководитель ОУН А. Мельник заявлял, что возглавляемая им организация «идеологически сродни аналогичным движениям в Европе, особенно национал-социализму в Германии»¹¹. Фактически, только претензия на собственную уникальность (понятие «украинская нация» ставится на первое место) мешала им самим назвать украинский национализм нацизмом.

Сами украинские националисты первой половины XX в. нередко квалифицировали свое движение как фашистское. Они восторгались нацистской Германией, которая финансировала их организации и массово сотрудничала с ними, призывали использовать (и использовали) ее методы, включая геноцид и этнические чистки, а также принимали присягу нацистскому государству и лично А. Гитлеру. Однако с научной точки зрения перечисленных фактов недостаточно, чтобы отнести украинский национализм к одной из разновидностей нацизма. Необходимо провести анализ и констатировать наличие основных признаков фашизма и нацизма в данном движении и идеологии, что и будет сделано ниже.

⁸ Донцов Д. (1935) Чи ми фашисти? Вісник. Кн. 4. С. 915.

⁹ Ендик Р. (1934) Гітлер. Львів. 66 с.

¹⁰ Онацкий Е. (1929) Фашизм и мы. Розбудованації. № 12.

¹¹ Andrij Mel'nyk, "An Seine Excellenz Reichsaussenminister von Ribbentrop". 2 May 1939. R104430/1–2. Political Archives of the Foreign Office in Berlin (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, PAAA).

Одно из марксистских определений фашизма связывают с Г. Дмитриевым. На VII конгрессе Коминтерна и XIII пленуме Исполкома Коммунистического интернационала он охарактеризовал его следующим образом: «Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала...»¹². В данной формулировке следует обратить внимание на наличие таких признаков, как террористическая диктатура и шовинизм – в данном случае национализм. М. Манн выделяет следующие характеристики: радикальный национализм (стремление к органической нации), этнические чистки, парамилитаризм и трансцендентность. Другой исследователь из США С. Пэйн в своем фундаментальном исследовании «История фашизма, 1914–1945» [Payne 1980, 7] перечисляет цели фашизма: «создание нового националистического авторитарного государства»; «организация некоего нового типа регулируемой, многоклассовой, интегрированной национальной экономической структуры, называемой национальной корпоративистской, национальной-социалистической или национал-синдикалистской»; создание «империи или радикальное изменение отношений нации с другими государствами»; антилиберализм, антикоммунизм, антиконсерватизм (однако отмечается, что фашистские группировки были готовы вступать во временные союзы с группами из других политических движений); позитивная оценка насилия и его использование и т. д. Британский историк Й. Кершоу называет целый ряд признаков ультраправых движений, к которым он относит и фашистов: «гипернационалистический акцент на единстве целостной нации, которая обрела самобытность благодаря “чистке” тех, кого считали чужими – иностранцев, этнических меньшинств, нежелательных; расовая исключительность (хотя и не обязательно биологический расизм, как разновидность нацизма), выраженная в настойчивой уверенности в “особом”, “уникальном” и “высшем” качестве нации; радикальная, крайняя и насильственная приверженность к полному уничтожению политических врагов – особенно марксистов, но также и либералов, демократов и “реакционеров”; упор на дисциплину, “мужественность” и милитаризм (обычно с участием военизированных организаций); вера в авторитарное лидерство» [Kershaw 2016, 194]. В Большой советской энциклопедии в статье о фашизме¹³ указано, что в «центре фашистской идеологии – идеи военной экспансии, расового неравенства, вождизма», а «созданный национал-социализмом механизм диктатуры включал в себя отличавшийся крайней жестокостью террористический аппарат». Там же в статье о национал-социалистической партии¹⁴ говорится, что термин «нацизм» возник от сокращения этого названия. В энциклопедии приведено, что для партии был характерен «антидемократизм, крайний антикоммунизм, шовинизм и расизм», а также то, что она подогревала «расизм, антисемитизм, распространяя миф о превосходстве немцев над другими народами». В целях «разжигания реваншизма» НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) апеллировала к национальным чувствам немцев, которые были недовольны результатами Версальского договора. В Большом энциклопедическом словаре выделены такие признаки фашизма, как «расизм», «открытая террористическая диктатура», «применение крайних форм насилия», а также указано, что «внешняя политика фашизма – политика империалистических захватов»¹⁵.

¹² XIII Пленум ИККИ. Стенографический отчет (1934) Москва: Партиздат, («Образцовая» типография). С. 589.

¹³ Большая советская энциклопедия (1974) С. 27, С. 323.

¹⁴ Большая советская энциклопедия (1974) Т. 17. С. 359.

¹⁵ Большой энциклопедический словарь (2000) С. 1403.

Итальянский исследователь фашизма Э. Джентиле отмечает, что данная идеология носит прагматичный характер и провозглашает себя «антиматериалистической, антииндивидуалистической, антилиберальной, антидемократической, антимарксистской» [Gentile, 2005, 380]. Профессор Колумбийского университета Р. Пакстон определяет фашизм как «форму политического поведения, отмеченную навязчивой озабоченностью упадком общества, унижением или статусом жертвы, а также компенсаторными культами единства, энергии и чистоты, в которых массовая партия убежденных националистических активистов, работающих в непростом, но эффективном сотрудничестве с традиционными элитами, отказывается от демократических свобод и с помощью насилия, без этических или правовых ограничений преследует цели внутреннего очищения и внешней экспансии» [Paxton 2004, 218].

Ниже подробно рассмотрены такие признаки фашизма и нацизма, как радикальный национализм и расизм, геноцид и этнические чистки, репрессивная и тоталитарная диктатура, парамилитарные образования, антикоммунизм, антидемократизм и др.

Радикальный национализм, расизм и идея расового превосходства

Общепринято мнение о том, что основными признаками фашизма и нацизма выступают радикальный национализм и расизм. Например, известный советский и российский исследователь нацизма и фашизма А. Галкин рассматривал расизм как крайнее выражение национализма. По его словам, идеологи фашизма трактовали расовый фактор как решающую движущую силу развития нации и человеческого общества [Галкин 1989, 288–289]. Ученый отмечал, что расизм должен иметь объект фокуса, а «в качестве такого объекта фашистами с самого начала были избраны, с одной стороны, евреи и цыгане, с другой – славянские народы» [Галкин 1989, 290]. Расовую исключительность, выраженную в уверенности в высшем качестве своей нации, и гипернационализм в качестве признаков фашистского движения также выделяет уже упомянутый Й. Кершоу [Kershaw 2016, 194]. Историк М. Манн называл данную характеристику стремлением к «органической нации» [Манн 2023, 28–29]. Британский профессор Р. Гриффин делал акцент на национализме в фашизме, который он называет «революционной формой национализма» [Griffin 1991, 26]. Советский и российский историк Б.Л. Хавкин считает, что «расизм стал самой основой» нацистского государства [Хавкин 2017]. Академик РАН В.А. Тишков также отмечает, что «расизм сыграл ключевую роль в возникновении и политическом возвышении германского фашизма» [Тишков 2011, 263]. Секретарь ИККИ П. Тольятти в своих «Лекциях о фашизме» отмечал, что, несмотря на крайнюю эклектичность фашистской идеологии, «крайний национализм – повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений. В Германии эта особенность была выражена еще сильнее»¹⁶. По мнению профессора Университета Кардиффа К. Пассмора, «расовая политика была фундаментальной для нацизма» [Passmore 2002, 70]. В своем более литературном, чем научном, эссе «Вечный фашизм»¹⁷ итальянский ученый, философ, писатель и публицист У. Эко также указывает на такие признаки, как расизм и национализм. Определение русского писателя Б. Стругацкого еще сильнее сфокусировано на национализме и репрессивном характере фашизма: «Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист – это человек, испове-

¹⁶ Тольятти П. (1974) Лекции о фашизме. М.: Политиздат. С. 16.

¹⁷ Eco U. Ur-Fascism. Freedom and liberation are an unending task. The New York Review of Books. 22 June 1995. (<https://www.nybooks.com/articles/1995/06/22/ur-fascism/>).

дующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими и при этом активный поборник «железной руки»¹⁸.

Расизм нацистов был основан на теориях расового превосходства и отнесении целых народов к категории «недолюдей». Из данных принципов вытекала концепция «сохранения чистоты расы». Она выразилась в принятых нацистами Нюрнбергских законах о «защите немецкой крови», которые запрещали браки между евреями и немецкими гражданами, а также вводили уголовную ответственность за отношения между этими группами, называя их «расовым загрязнением», а затем эти принципы допустили геноцид евреев и русских. Перечисленные характеристики были одними из основополагающих составляющих и украинского национализма с его зарождения. Еще в 1904 г., когда Гитлер только поступил в четвертый класс школы, лидер Украинской народной партии Н. Михновский сформулировал расистские «10 заповедей Украинской народной партии». Среди прочего в документе евреи, русские, поляки и венгры были названы врагами, и в нем содержался призыв «выгнать их с украинской земли». Также он представлял собой украинский вариант расовых Нюрнбергских законов: «Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами». В 1944 г. авторы брошюры ОУН «Нация как биологический вид», ссылаясь на С. Рудницкого, уже пишут о том, что смешанные браки – преступление, которое должно быть наказано: «Украинская нация против смешанных браков и рассматривает их как преступление... Состав наших семей должен быть украинским (отец, мать и дети). Семья – это важнейшее органическое единство, высшая ячейка национального коллектива, и поэтому мы должны сохранить ее чисто украинской»¹⁹.

Превосходство «украинской расы» (украинские националисты массово использовали это словосочетание наряду с «украинской нацией») было неотъемлемой частью идеологии украинского национализма. Так, один из основных идеологов ОУН Д. Донцов еще в 1920-х гг. писал, что украинскую культуру якобы отличает индивидуализм, а русскую – «идеалы орды (охлократии и деспотизма), порабощение единицы и космополитизм»²⁰. Аналогично нацистам, он подразделял нации на господ («нации-завоеватели, которое творят историю... главной целью наций-завоевателей является царствование») и рабов. К первым Донцов относил украинцев, ко вторым – русских, евреев, поляков и т. д. Уже упоминавшийся ранее С. Рудницкий еще в 1923 г. писал в своей книге «К основам украинского национализма», что украинцы принадлежат к «арийской или динарской расе» и «не могут ни москали, ни поляки, ни мадьяры, ни жида равняться с украинцами»²¹. Также он подчеркивал расовую неполноценность русских²². Рудницкий совершенно не случайно был учеником М. Грушевского (многие из его расистских и русофобских теорий были основаны на работах последнего). С 1895 г. во всех своих работах он пытался доказать превосходство украинцев над русскими. Его теория заключалась в том, что украинцы имеют древнюю многовековую историю и сохранили свою «чистую кровь» без каких-либо смешений с другими народами, а русские произошли от татаро-монголов, финнов и мордвы.

¹⁸ Газета «Невское время». 8 апреля 1995 г.

¹⁹ Orhanizatsiia Ukraïns'kykh Natsionalistiv: Natsiia iak spetsies. Rodyna v systemi orhanizovanoho Ukraïns'koho natsionalizmu," HDA SBU, f, 13, spr. 376, Vol. 6, 6v.

²⁰ Донцов Д. (1921) Підстави нашої політики. Відень. С. 109.

²¹ Рудницький С. (1994) Огляд національної території України // В: Рудницький С. Чому ми хочемо Самостійної України? Львів: Світ. С. 71–72.

²² Рудницький С. (1923) До основ українського націоналізму. Відень, Прага. С. 52, 76, 104.

Следует отметить, что в проекте конституции Украины, подготовленном заместителем председателя ОУН Н. Сциборским, прямо указано, что «лица жидовской национальности исключаются из раздела, где говорится об украинском гражданстве»²³. Такой подход полностью копировал нацистский Закон о гражданстве Рейха, принятый в 1935 г. В нем было указано, что гражданами являются лишь лица «германской или родственной крови».

Геноцид и этнические чистки

В научной литературе геноцид и этнические чистки также считаются одним из основных признаков нацизма и фашизма, а термин «нацистский геноцид» имеет устоявшийся характер. Его использовали в названиях многих современных исторических исследований, книг, фильмов [Friedlander 2000; Lang 1990; Walke 2018; Burleigh 1997; Blatman 2011; Breitman 1992]. Аналогично нацистам, а часто и предвосхищая их, геноцид и этнические чистки стали частью идеологии и практики украинского национализма. Впервые украинские националисты участвовали в геноциде русскоязычного населения Галиции еще в период Первой мировой войны. Общественный деятель, житель Галиции тех времен И.И. Терех писал, что «австрийские власти арестовывают почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами»²⁴. Следующий геноцид, организованный украинскими националистами, произошел после их прихода к власти в Киеве в 1917 г. По данным Красного Креста, только войска С. Петлюры, председателя Директории, которая управляла Украиной, убили более 50 тыс. евреев. Историки отмечают, что геноцид этого народа поддерживала украинская националистическая пресса²⁵, например, газета «Нова Рада», которую возглавлял заместитель председателя Центральной Рады Украины А. Никовский.

Наиболее массовый геноцид украинские националисты провели во время Великой Отечественной войны (ВОВ). ОУН спланировала его задолго до ее начала. В подготовленной в 1938 г. «Военной доктрине украинских националистов» было указано: «польский элемент, который будет оказывать сопротивление, должен полечь в борьбе, а остальных надо затерроризировать и принудить к бегству за Вислу... нельзя допустить, чтобы польский элемент мог жить здесь рядом с украинцами. Западноукраинские земли будущей Украинской державы должны быть чистыми с национальной точки зрения», а также «... чем больше погибнет евреев во время восстания, тем будет лучше для украинского государства» [Зайцев 2013, 257–295]. В 1941 г. в письме С. Бандере один из основных идеологов ОУН Я. Стецько писал: «Мы создаем милицию, которая поможет убрать евреев»²⁶. Террор украинских националистов по отношению к различным народам сопровождался невиданными зверствами: польские историки установили 135 способов пыток и убийств мирного населения [Katchanovski 2015; Korman 1999].

Геноцид начался практически сразу после того, как украинские националисты вошли на территорию СССР вслед за нацистами. Так, после захвата Львова 30 июня 1941 г.

²³ Сциборський М. Нарис проекту основних законів Конституції Української Держави. DIASPORIANA.ORG. UA. С. 13. (<https://diasporiana.org.ua/politologiya/16540-stsiborskiy-m-naris-proektu-osnovnih-zakoniv-konstitutsiyi-ukrayinskoyi-derzhavi>).

²⁴ Свободное слово Карпатской Руси (1960) № 9–10.

²⁵ Н. Полетика. Воспоминания. Павло Гай Нижник: історія, політика, поезія. (<http://hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1890-1960.poletika.php>).

²⁶ TsDAVO Ukrainy, f. 3833, op. 1, spr. 12, l. 10. Telegram Iaroslav Stest'ko no. 13. 25.6.1941.

вместе с немецко-фашистскими войсками в город вступили колонны ОУН и батальон «Нахтигаль», которые уничтожили тысячи поляков, евреев и русских. Украинские националисты приняли самое активное участие и в уничтожении мирного населения в Бабьем Яру в Киеве.

Важно отметить, что ОУН создала на оккупированных немецкими нацистами территориях собственную систему управления, которая и проводила запланированный ими геноцид. Предложим несколько примеров из польских источников [Siemaszko, 2000, 56] и из советских архивов: «Осенью 1941 года на территории около Боремеля было создано гетто, в котором содержалось не менее 1000 евреев. В июне 1942 года немцы и украинская полиция несколько дней убивали население гетто. Раздетых евреев гнали в район глубоких Яров близ села Новоселки (г. Боремель) и там расстреливали. Заместитель начальника полиции Волочаев, член ОУН, использовал захваченных евреев в качестве живых щитов на учениях полиции в стрельбе»; «...националисты в селах Лаврув (38 км юго-западнее Луцка), Полонка (18 км южнее Луцка) и Золотинка (на карте нет) вырезали всех поляков, многих жителей бросали живыми в огонь, все указанные села сожгли»²⁷; «по неполным данным за три месяца в Тернопольской области националистическими бандами убито 436 чел. мирных жителей»²⁸.

Практика геноцида не вызывает сомнений у объективных историков и специалистов. Например, автор детального труда по истории ОУН германский историк Франциска Брудер писала: «Этнические чистки поляков Украинской повстанческой армией на Волыни и в Галиции продолжались в течении 1943 г. и на протяжении почти всего 1944 г., до прихода Советов... “Да здравствует великая независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляков – вон, немцев – в Берлин, а евреев – на виселицу”, – говорил один из лозунгов ОУН»²⁹. Нидерландский историк К. Беркхоф отмечает, что «бандеровцы наложили коллективный смертный приговор полякам “Западной Украины” в марте 1943 г. и в апреле прислали ему список требований по осуществлению “чистки”, поручив завершить операцию “чистки” как можно раньше» [Berkhoff 2004, 291]. «Между 30 июня и 3 июля 1941 г. массивные погромы унесли жизни 4 000 евреев во Львове. Участие милиции ОУН в убийствах евреев хорошо задокументировано в переписке ОУН с нацистами, в их собственных листовках и директивах, а также в видео- и фотоматериалах участия украинской милиции в акциях», – рассказывает американо-канадский историк Дж.-П. Химка [Himka 2011]. Даже русофобски настроенный профессор Йельского университета Т. Снайдер пишет, что «в апреле 1943 г. Николай Лебедь, тогдашний лидер ОУН (6), выступал за политику “очистки всей революционной территории от польского населения”» [Snyder 2003, 165].

Репрессивная и тоталитарная диктатура

Другим неотъемлемым признаком фашизма и нацизма считается репрессивная система и стремление к тоталитарной диктатуре. Э. Джентиле указывает на тоталитарную концепцию политики и государства (наряду с радикальным национализмом) в фашизме, который он определяет как «современное политическое явление, националистическое и револю-

²⁷ Цит.по: Украинские националистические организации в годы Второй Мировой Войны. Том 1. 1939–1943. (2012) Москва: РОССПЭН. С. 665–666.

²⁸ Украинские националистические организации в годы второй мировой войны. Том 2. 1944–1945 (2012) Москва: РОССПЭН. С. 484–489.

²⁹ Bruder, “Den ukrainischen Staat,” 166, citing Ereignismeldung UdSSR Nr. 126 of October 27, 1941, Meldung der Kommandeurs der Sipo und des SD in Lemberg, BArch Berlin-Lichterfelde, R 58/218, Bl. 323.

ционное, антилиберальное и антимарксистское, организованное в форме парамилитарной партии с тоталитарной концепцией политики государства, с идеологией, сакрализуемой в виде политической религии и утверждающей абсолютное первенство нации, понимаемой как этнически однородное органическое сообщество» [Gentile 2004, 329]. М. Манн использует понятие «этатизм», уточняя, что он «включает в себя и цель, и организационную форму. Фашисты поклонялись государственной власти... Поскольку государство представляет нацию, которая мыслится как органическая по своему существу, государство должно быть авторитарным» [Манн 2023, 29]. Й. Кершоу описывает данный признак фашистского движения, как полное уничтожение политических врагов радикальными и насильственными средствами [Kershaw 2016, 194].

Подобно нацистам, украинский национализм не только декларировал свое стремление к построению тоталитарного государства в идеологических документах, но и строил необходимую для него репрессивную систему на подконтрольных территориях. В упомянутом выше проекте конституции Украины (1939 г.) описано, каким видят украинские националисты свое государство. В первой статье указано, что «Украина является авторитарным, тоталитарным, профессионально-сословным государством»³⁰. Согласно идеологии украинского национализма, также должны быть запрещены все политические партии и общественные организации, кроме ОУН: «Существование политических партий, групп и организаций, и идеологических свободных обществ – Запрещено в Украинском государстве». Так же, как и классические тоталитарные государства, но публично, украинские националисты декларировали свое стремление к цензуре: «Государство контролирует все роды издательской деятельности, в частности прессу». Аналогом немецкого фюрера с его непререкаемостью в идеологии украинского национализма был «Вождь Нации», который должен быть выбран пожизненно и ни перед кем не будет нести ответственность, кроме нации и «собственной совести»³¹. В плане тоталитаризма в ряде случаев украинские националисты идут даже дальше нацистов и фашистов. Например, частную собственность предлагают конфисковать не только за нарушения закона, а и в случае «его бесполезного для Нации применения».

Во время Великой Отечественной войны украинские националисты создали свою, параллельную немецкой, тоталитарную и репрессивную систему управления на оккупированных территориях. Основной карательной структурой ОУН и УПА стала «Служба безопасности». За малейшее неповиновение или несогласие украинские националисты убивали самих украинцев, не говоря уже о русских, поляках и евреях. Террор был документально зафиксирован во множестве исторических свидетельств. Например, так описывают их методы: «Мобилизация в УПА происходила следующим образом – находящийся в селе войсковик выделял из села по несколько человек для службы в УПА, преимущественно из лиц, служивших в Красной Армии или в польской, и эти лица повесткой вызывались в определенное место на сборный пункт. Лиц, которые не являлись на сборный пункт, “СБ” вылавливало и избивало шомполами. Не явившийся на сборный пункт получал в наказание 50 ударов шомполом. Дезертиров из УПА избивали шомполами и отправляли в концентрационные лагеря, а более злостных – физически уничтожали. Из-за экономии патронов их душили так называемым “путем” (петлей, сделанной из веревки)... “СБ” пользуется неограниченной властью – за малейшее неповиновение, советские высказы-

³⁰ Очерк проекта основных законов Конституции Украинского государства. DIASPORIANA.ORG.UA. С. 2. (<https://diasporiana.org.ua/politologiya/16540-stsiborskiy-m-naris-proektu-osnovnih-zakoniv-konstitutsiyi-ukrayinskoyi-derzhavi>).

³¹ Там же.

вания, за какую-либо связь с партизанами и прошлую активную советскую деятельность, за неявку на сход эти бандиты избивали, душили и даже вешали людей. Бандеровцы беспощадно уничтожали польское население, военнопленных и лиц, выходцев из восточных областей Украины»³².

Парамилитарные образования

Парамилитарные образования были одной из важнейших составляющих как фашистского режима в Италии, так и нацистского – в Германии. За ними был закреплён ряд функций: запугивание и уничтожение политических противников, воспитание и психологическая обработка членов самих парамилитарных структур, реклама партии и привлечение новых членов и др. Немецкий историк В. Випперман писал о том, как фашистские отряды «скаудри» производили «карательные экспедиции», нападая на профсоюзы, кооперативы, партийные комитеты и редакции, пытая и убивая политических противников [Випперман 2000, 85]. А.А. Галкин отмечал, что штурмовые отряды СА использовали как для подготовки фашистского переворота, так и для террора, направленного против политических противников [Галкин 1989, 308]. М. Манн включает парамилитаризм в свое определение фашизма: «фашизм представляет собой радикальную парамилитарную версию национального государства», «Парамилитаризм – и ключевая ценность, и ключевая организационная форма фашизма... Фашистское движение никогда не было всего лишь партией. В сущности, итальянские фашисты много лет существовали именно в форме парамилитарных отрядов». Он также указывает, что «СС, вторая парамилитарная организация, до переворота не слишком многочисленная, слила воедино понятия порядка и насилия. Эсэсовцы верили, что именно упорядоченное насилие создаст новую общественную, политическую и расовую элиту» [Манн 2023, 12, 33].

Аналогично нацистам, украинские националисты с начала XX в. опирались на целый спектр парамилитарных образований. Одними из первых примеров таких организаций стали военно-спортивные общества галицко-украинской молодежи: «Украинский Сокол» (1894 г.) и «Сечь» (1900 г.). Следует кратко рассмотреть их историю [Григорьев 2022].

К 1910 г. «Соколов» и «Сечей» (были объединены в центральный «Сокол-Отец») насчитывалось уже 601, а к 1914 г. – 974 отрядов. Они не преследовали информационно-пропагандистские цели и имели военизированный характер. Структура галицких «Сечей» внешне копировала Запорожскую Сечь. Во главе каждого такого отряда «Сечи» стоял кошевой атаман, который подчинялся уездному. Уездные составляли «Главный Сечевой комитет» под руководством атамана, символом власти которого была позолоченная булава. В структуре царил жесткая дисциплина, регулярные маршировки, смотры и парады. Форма одежды сечевиков – казацкие шаровары, гуцульский топорик за поясом и широкая малиновая лента через плечо. Австрийские власти прямо поддерживали эти организации, рассматривая их как подразделения по борьбе как с галицкими русскими, так и Россией.

К лету 1914 г. в украинских парамилитарных структурах – «Пласт», «Сокол», «Сечь» и др. – состояло около 135 тыс. членов [Манько 2016, 341]. На общем слете сечевиков летом 1914 г. присутствовали австрийские генералы. В дальнейшем члены этих организаций вошли в следующую парамилитарную структуру украинских националистов – «Украинские сечевые стрелцы» (УСС). 6 августа 1914 г. украинские националисты призвали создать военизированное формирование Украинских сечевых стрелцов (УСС), которые

³² ЦА ФСБ России, ф.100, оп. 3, д. 818.

позже принимали участие в боевых действиях против русской армии. В 1918 г. руководителями 1-го куреня УСС стали будущие руководители ОУН и будущие агенты немецких спецслужб – Е. Коновалец и А. Мельник.

После прекращения существования Украинской Народной Республики значительное количество членов УСС перешло в другую парамилитарную структуру украинских националистов – УВО под руководством Е. Коновальца (а позднее и в ОУН). Организация вела активную деятельность на территории Польши. Аналогично нацистским парамилитарным организациям, она запугивала и уничтожала своих политических противников, занималась воспитанием и психологической обработкой украинцев, а также террором и диверсиями против польского государства. К наиболее шумевшим терактам этой структуры следует отнести неудавшееся покушение на руководителя польского государства Ю. Пилсудского в 1921 г. В 1922 г. боевики УВО убили кандидата в Сейм С. Твердохлеба за то, что он отказался саботировать польские выборы. Также УВО активно занималась грабежами, для чего в ее составе была создана так называемая Летучая бригада во главе с Ю. Головинским. Последний был крайне радикально настроен по отношению к полякам – он предлагал отравлять должностных лиц Польши, а также водопроводы и колодцы по всей Польше. Его бригада совершила несколько громких налетов на кассы и почты в середине 1920-х гг. Структура и террористический опыт УВО послужили основой для создания и ОУН.

Во время ВОВ именно такие парамилитарные структуры, как ОУН, Украинская повстанческая армия (УПА)³³, Полесская сечь и другие активно участвовали в геноциде евреев, поляков, русских и массовом терроре самих украинцев, что было рассмотрено выше.

Антикоммунизм/антибольшевизм

Одной из основных составляющих нацистской идеологии также выступал антикоммунизм или антибольшевизм. Еще в «Майн Кампф» А. Гитлер называл большевизм главным врагом: «Германия сегодня – очередная великая боевая цель большевизма». Один из основных идеологов нацистской Германии А. Розенберг утверждал: «Коммунизм, господствующий уже на одной шестой части земного шара под непрекращающимся давлением политических и финансовых требований, бесспорно перенесся бы и на Среднюю Европу. Поэтому мы рассматриваем приостановку этой всемирно-разрушительной идеи в Германии не только как спасение для самой Германии, но и как спасение для всей Европы» [цит. по: *Бовдаренко* 1934, 89]. Многие исследователи считают этот признак фашизма и нацизма основным. Например, немецкий историк Э. Нольте отмечал, что фашизм – это антимарксизм, который стремится уничтожить врага [*Nolte* 1965]. А.А. Галкин писал: «Антикоммунизм, проповедь национальной и расовой нетерпимости, объяснение всех неугодных событий “заговором сил зла” используются в качестве идеологической отмычки, призванной завоевать массы» [*Галкин* 1989, 351].

Как и в нацизме, антикоммунистические или антибольшевистские идеи были составной частью идеологии украинского национализма. Так же, как и нацизм, украинский национализм пытался показать себя защитником Запада и Европы от коммунизма. Так, 23 сентября 1941 г. митрополит Греко-католической церкви А. Шептицкий в хвалебном письме А. Гитлеру заявлял, что он «будет молить Бога о благословении германской нации»,

³³ В начале название «Украинская повстанческая армия» использовала украинская националистическая структура под руководством Т. Бульбы-Боровца, которая заявила о своем подчинении «Правительству УНР в изгнании». С 1943 г. данное название присвоили себе подразделения ОУН, связанные со С. Бандерой.

и говорил о деле «искоренения большевизма» [Сергийчук 2006, 179]. 1 августа 1941 г. один из идеологов ОУН Я. Стецько призвал украинцев «помогать всюду Немецкой армии разбивать Москву и большевизм»³⁴. Важно отметить, что украинскому национализму также было свойственно глубокое неприятие демократии. Данный факт не вызывает удивления, учитывая, что в разработанной ОУН конституции Украина должна была стать авторитарным и тоталитарным государством. Антидемократические идеи настолько укоренились в украинском национализме, что его идеолог Д. Донцов публично проповедовал их даже в 1950-х гг., после поражения в ВОВ. В своей книге «Дух нашої давнини», изданной в Германии в 1951 г., он резко негативно оценивал демократический строй. Донцов сравнивал демократию с маскарадом, называл демократического избирателя бездумным, парламентских деятелей – демагогами, и утверждал, что ей свойственна «культура грядущего хама» и отвращение ко всему героическому³⁵. По его мнению, украинский народ не видит идеала государственного устройства в «демократически-парламентарном балагане»³⁶.

Целый ряд исследователей также выделяют реваншизм как необходимый признак нацизма. В 1920 г. А. Гитлер сделал его частью своей программы «25 пунктов»: требование отмены Версальского договора и полного «самоопределения» для всех немцев. Под последним подразумевалось создание «великой Германии» за счет земель, принадлежащих другим странам, и необходимость расширения германской территории [Бланк 1978, 50].

Аналогично итальянскому фашизму и немецкому нацизму, идеи реваншизма были глубоко укоренены в украинском национализме. Прежде всего, имелся в виду реванш за поражение украинских националистов в Первой мировой войне, в которой они воевали на стороне блока Центральных держав. Следующим поводом стал проигрыш в гражданской войне, когда различные правительства украинских националистов так и не смогли удержать власть. Показательно, что еще в 1929 г. в своих заповедях украинского националиста С. Ленкавский упоминает о «великих днях нашей освободительной борьбы» и призывает «отомстить за смерть Великих рыцарей».

Реванш за эти поражения стал важным элементом идеологии ОУН, которая, как и нацисты, выдвигала свою программу захвата советских земель. Сторонник геноцида и этнических чисток М. Колодзинский – автор «Военной доктрины украинских националистов» – пишет о планах захватить русские земли до Волги, затем «бросить все способное к бою население на линию Могилев – Саратов и перенести войну в Казахстан», а также то, что восточные границы украинского государства «должны проходить по Алтайским горам и Тянь-Шаню»³⁷. Стремление к реваншу украинских националистов естественно усилилось после поражения в ВОВ, в которой они выступали на стороне нацистов.

М. Манн также выделяет такой признак фашизма и нацизма, как «трансцендентность», под которым он понимает заявку на «преображение общества» с целью «превзойти» общественную борьбу» [Манн 2023, 30]. Он не относится к их основным характеристикам, однако также применим и к украинскому национализму. В Постановлениях II Конгресса украинских националистов прямо указано, что «ОУН борется за... уничтожение всех разниц на классы»³⁸. Базовая для идеологии украинских националистов концепция «Нациократия» позиционировалась как универсальное решение, которое позволит пре-

³⁴ ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

³⁵ Там же. С. 7, С. 270.

³⁶ Донцов Д. (1951) Дух нашої давнини. Мюнхен, Монреаль. С. 304, 44, 55.

³⁷ Колодзинський М. (2019) Военна доктрина українських націоналістів. Київ: ТОВ «Основа». с. 133–191.

³⁸ Постановления II Конгресса украинских националистов (1941) С. 13.

взойти имеющиеся классовые противоречия. В ней изложены «нациократические принципы сверхклассности и национальной солидарности» и провозглашено «государство выше классовых партий» вкупе с заявкой на «реформаторскую миссию». Наличие данного признака позволяет сделать вывод, что украинский национализм соответствует и тому определению фашизма, которое предложил М. Манн: «попытки создать трансцендентное национальное государство при помощи парамилитаризма, проведя народ через чистки» [Манн 2023, 28].

В завершение необходимо отметить, что целый ряд зарубежных историков не имеют никаких сомнений в том, что украинский национализм близок фашизму и нацизму. О данном сходстве пишет Гж. Россолински-Либе в своей статье «Фашистское ядро украинского геноцидного национализма» [Rossoliński-Liebe 2015, 27]. Ф. Брудер относит ОУН к классическим представителям националистического движения с характерными чертами фашизма. П.А. Рудлинг отмечает, что ОУН была «тоталитарной, антисемитской и фашистской» организацией, которая разделяла такие «фашистские атрибуты, как тоталитаризм, антикоммунизм, антисемитизм, принцип фюрерства» [Rudling 2011, 2].

Приведенные выше данные убедительно показывают, что украинский национализм первой половины XX в. обладает основными признаками как фашизма, так и нацизма. В его основу и практики легли радикальный национализм и расизм: идея расового превосходства, геноцид, этнические чистки, репрессивная и тоталитарная диктатура, парамилитарные образования, антикоммунизм и антидемократизм, реваншизм и др. Вместе с тем многочисленные документы показывают, что понятие «нация» являлось важнейшей частью ядра идеологии украинских националистов и немецких нацистов. При этом первые нередко использовали термин «украинская раса»³⁹. Историк М. Манн отмечает, что как фашизм, так и национализм «разделяли одни базовые ценности», но «в нацизме на первом месте стоял национализм, в итальянском фашизме – этатизм. Но это лишь вариации одной темы». Соответственно, квалифицировать украинский национализм первой половины XX в. как разновидность нацизма точнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бланк А.С. (1978) Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М.: Мысль. 208 с.
- Бовдаренко С. (1934) Германский фашизм и советская Украина. М., Л.: Соцэкгиз. 104 с.
- Випперман В. (2000) Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск: Сибирский хронограф. 234 с.
- Галкин А.А. (1989) Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М.: Наука. 352 с.
- Григорьев М.С. и др. (2022) История Украины: монография. М.: Международные отношения. 648 с.
- Липовецький С. (2010) Організація Українських Націоналістів (бандерівці) фрагменти діяльності та боротьби. Київ: Наш Формат. 96 с.
- Зайцев О. (2013) Воєнна доктрина Михайла Колодзінського // Україна модерна. № 20. С. 257–295.
- Манн М. (2023) Фашисты. Пер. с англ. Ред.: А.Р. Дюков. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память». 592 с.

³⁹ Липа Ю. (1936) Українська раса. Львів. 13 с.

- Манько С. А. (2016) Краткие очерки истории Галицкой земли (IX – 1918 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 444 с.
- Сергійчук М. (2006) Ліквідація УГКЦ (1939–1946). Документи радянських органів державної безпеки. Том 1. Київ. 920 с.
- Тишков В.А., Шабает Ю.П. (2019) Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета. 416 с.
- Хавкин Б.Л. (2017) Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М.: Товарищество научных изданий КМК. 377 с.
- Berkhoff K.C. (2004) *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under the Nazi Rule*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 480 p.
- Blatman D. (2011) *The Death Marches: The Final Phase of Nazi Genocide*. Cambridge: Beknap Press of Harvard University Press. 561 p.
- Breitman R. (1992) *The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution*. Waltham: Brandeis University Press. 352 p.
- Burleigh M. (1997) *Ethics and Extermination: Reflections on Nazi Genocide*. Cambridge: Cambridge University Press. 261 p.
- Carynnyk M. (2011) Foes of our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929–1947 // *Nationalities Papers*. No. 39. Pp. 315–352.
- Friedlander H. (2000) *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. London: University of North Carolina Press. 421 p.
- Gentile E. (2005) *The Origins of Fascist Ideology 1918–1925*. Enigma Books. 405 p.
- Gentile E. (2004) Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation // *Totalitarian Movements and Political Religions*. No. 5. Pp. 326–375. DOI: 10.1080/1469076042000312177.
- Gentile E. (1996) *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge: Harvard University Press. 208 p.
- Griffin R. (1993) *The Nature of Fascism*. London, NY: Routledge. 249 p.
- Golczewski F. (1993) Politische Konzepte des ukrainischen Nationalismus // In: G. Hausmann, A. Kappeler. *Ukraine – Gegenwart und Geschichte eines neuen Staates*. Baden-Baden. 402 p.
- Himka J.-P. (2011) The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 53. No. 2/4. Pp. 209–243.
- Katchanovski I. (2015) Terrorists or National Heroes? Politics of the OUN and the UPA in Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 48. No. 2/3. Pp. 217–228. (<https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.06.006>).
- Korman A. (1999) 135 tortur i okrucieństw stosowanych przez terrorystów OUN-UPA na ludność polskiej Kresów Wschodnich // *Na Rubieży*. No. 35.
- Kurylo T. (2014) The “Jewish Question” in the Ukrainian Nationalist Discourse of the Inter-War Period // In: Polin: *Studies in Polish Jewry Volume 26: Jews and Ukrainians*. Pp. 233–258.
- Lang B. (1990) *Act and Idea in the Nazi Genocide*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press. 258 p.
- Nolte E. (1966) *Three Faces of Fascism: Action Française, Italian Fascism, National Socialism*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 561 p.
- Passmore K. (2002) *Fascism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 176 p.
- Paxton R.O. (2004) *The Anatomy of Fascism*. New York: Vintage. 321 p.
- Payne S. (1980) *Fascism. Comparison and Definition*. Madison: The University of Wisconsin Press. 234 p.
- Rossoliński-Liebe G. (2015) The Fascist Kernel of Ukrainian Genocidal Nationalism. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. No. 2402. 65 p.

Rudling P. (2011) *The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths*. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 2107. 72 p.

Shkandrij M. (2015) *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956*. New Haven: Yale University Press. 344 p.

Siemaszko W., Siemaszko E. (2000) *Ludobójstwo ukraińskich nacjonalistów na ludności polskiej w latach 1939–1945*. Warszawa: Wydawnictwo «von Borowiecki». 474 p.

Snyder T. (2003) *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, Conn.: Yale University Press. 367 p.

Walke A. (2018) *Pioneers and Partisans: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia*. Oxford: Oxford University Press. 352 p.

Wysocki R. (2003) *Organizacja ukraińskich nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939: geneza, struktura, program, ideologia*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 433 p.

REFERENCES

Berkhoff K.C. (2004) *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under the Nazi Rule*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 480 p.

Blank A. S (1978) *Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizacija. Ideologija. Metody* [From the History of Early Fascism in Germany. Organization. Ideology. Methods]. Moscow: Mysl. 208 p.

Blatman D. (2011) *The Death Marches: The Final Phase of Nazi Genocide*. Cambridge: Beknap Press of Harvard University Press. 561 p.

Bovdarenko S. (1934) *Germanskij fashizm i sovetskaja Ukraina* [German Fascism and Soviet Ukraine]. Moscow, Leningrad: Socjkgiz. 104 p.

Breitman R. (2022) *The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution*. Waltham: Brandeis University Press. 352 p.

Burleigh M. (1997) *Ethics and Extermination: Reflections on Nazi Genocide*. Cambridge: Cambridge University Press. 261 p.

Carynnyk M. (2011) *Foes of our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929–1947*. *Nationalities Papers*. no. 39, pp. 315–352.

Friedlander H. (2000) *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. London: University of North Carolina Press. 421 p.

Galkin A. A. (1989) *Germanskij fashizm* [German Fascism]. Izd. 2-e., dop. Moscow: Nauka. 352 p.

Gentile E. (2005) *The Origins of Fascist Ideology 1918–1925*. Enigma Books. 405 p.

Gentile E. (2004) *Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation*. *Totalitarian Movements and Political Religions*. no. 5, pp. 326–375. DOI: 10.1080/1469076042000312177.

Gentile E. (1996) *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge: Harvard University Press. 208 p.

Griffin R. (1993) *The Nature of Fascism*. London, NY: Routledge. 249 p.

Grigoriev M. (2022) *Istoriya Ukrainy: monografija* [History of Ukraine]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 648 p.

Golczewski F. (1993) *Politische Konzepte des ukrainischen Nationalismus*. In: G. Hausmann, A. Kappeler. *Ukraine – Gegenwart und Geschichte eines neuen Staates*. Baden-Baden. 402 p.

Havkin B. (2017) *Germanskij nacional-socializm i antigitlerovskoe Soprotivlenie* [German National Socialism and Anti-Hitler Resistance]. Moscow: Tovarišhestvo nauchnyh izdanij KMK. 377 p.

Himka J.-P. (2011) *The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd*. *Canadian Slavonic Papers*. vol. 53, no. 2/4, pp. 209–243

- Katchanovski I. (2015) *Terrorists or National Heroes? Politics of the OUN and the UPA in Ukraine*. Communist and Post-Communist Studies. vol. 48, no. 2/3, pp. 217–228. (<https://doi.org/10.1016/j.post-comstud.2015.06.006>).
- Korman A. (1999) 135 tortur i okrucieństw stosowanych przez terrorystów OUN-UPA na ludności polskiej Kresów Wschodnich. *Na Rubieży*. no. 35.
- Kurylo T. (2014) The “Jewish Question” in the Ukrainian Nationalist Discourse of the Inter-War Period. In: *Polin: Studies in Polish Jewry Volume 26: Jews and Ukrainians*. Pp. 233–258.
- Lang B. (1990) *Act and Idea in the Nazi Genocide*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press. 258 p.
- Lipovec’kij S. (2010) *Organizacija Ukraïns’kih Nacionalistiv (banderivci) fragmenti dijal’nosti ta borot’bi* [Organization of Ukrainian Nationalists (Banderivtsi) Fragments of Activity and Struggle]. Kyiv: Nash Format. 96 p.
- Man’ko S. (2016) *Kratkie ocherki istorii Galickojzemli (IX – 1918 g.)* [Brief Essays on the History of the Galician Land (IX – 1918)]. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t. 444 p.
- Mann M. (2023) *Fashisty* [Fascists]. Translation from English. Ed(s): A. R. Djukov. SPb.: Piter; Fond «Istoricheskajapamjat’». 592 p.
- Nolte E. (1966) *Three Faces of Fascism: Action Française, Italian Fascism, National Socialism*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 561 p.
- Passmore K. (2002) *Fascism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 176 p.
- Paxton R.O. (2004) *The Anatomy of Fascism*. New York: Vintage. 321 p.
- Payne S. (1980) *Fascism. Comparison and Definition*. Madison: The University of Wisconsin Press. 234 p.
- Rossoliński-Liebe G. (2015) The Fascist Kernel of Ukrainian Genocidal Nationalism. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. no. 2402, 65 p.
- Rudling P. (2011) The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. no. 2107, 72 p.
- Sergijchuk M. (2006) *Likvidacija UGKC (1939–1946). Dokumenti radjans’kih organiv derzhavnoi bezpeki* [Liquidation of the UGCC (1939–1946). Documents of Soviet State Security Agencies]. Vol. 1. Kïiv. 920 p.
- Shkandrij M. (2015) *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956*. New Haven: Yale University Press. 344 p.
- Siemaszko W., Siemaszko E. (2000) *Ludobójstwo ukraińskich nacjonalistów na ludności polskiej w latach 1939–1945*. Warszawa: Wydawnictwo «von Borowiecki». 474 p.
- Snyder T. (2003) *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, Conn.: Yale University Press. 367 p.
- Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. (2019) *Etnopolitologija: politicheskie funkcii jetnichnosti: Uchebnik dlja vuzov* [Ethnopolitics: Political Functions of Ethnicity: Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel’sтво Moskovskogo universiteta. 416 p.
- Vipperman V. (2000) *Evropejskij fashizm v sravnenii* [European Fascism in Comparison]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. 234 p.
- Walke A. (2018) *Pioneers and Partisans: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia*. Oxford: Oxford University Press. 352 p.
- Wysocki R. (2003) *Organizacja ukraińskich nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939: geneza, struktura, program, ideologia*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 433 p.
- Zajcev O. (2013) Voenna doktrina Mihajla Kolodzins’kogo [Military Doctrine of Mikhail Kolodzin-sky]. *Ukraina moderna*. no. 20, pp. 257–295.

Информация об авторе

Григорьев Максим Сергеевич, кандидат политических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125047 Москва, Миусская площадь, д.6. E-mail: 79646492606@yandex.ru

About the author

Maxim S. Grigoriev, Candidate of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities. Address: 125047 Moscow, Miusskaya Square, 6. E-mail: 79646492606@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 08.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 11.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 04.04.2023

УДК 32.019.5

DOI: 10.31857/S086904992302003X
EDN: CEDFWV

Оригинальная статья / Original article

Роль Й. Басанавичюса в формировании литовского национализма

© Е.В. КИЛИМНИК

Килимник Евгений Витальевич, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), kilimnik_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2949-465X

На основе культурно-философского подхода исследовано формирование идеологии литовского национализма во второй половине XIX – начале XX вв. Теоретико-методическим фундаментом исследования стал анализ публицистической и общественной деятельности «отца литовского народа» Йонаса Басанавичюса. Поставлена задача выявить основные этнические несоответствия и культурно-исторические противоречия в созданной Й. Басанавичюсом идейной концепции происхождения литовского языка и национальной самоидентификации литовцев. Установлено, что Йонас Басанавичюс искусственно сформировал литовскую национальную идентичность, которая не находит документально-исторического подтверждения. Определено, что его идеология заключалась в противодействии российской национальной политике и поддержке создания независимого государственного образования – Литвы.

Ключевые слова: Йонас Басанавичюс, культура, язык, идеология, ценности, этнонационализм, нация, политика, Литва, Россия

Цитирование: Килимник Е.В. (2023) Роль Й. Басанавичюса в формировании литовского национализма // Общественные науки и современность. № 2. С. 39–55. DOI: 10.31857/S086904992302003X, EDN: CEDFWV.

The Role of J. Basanavičius in the Making of Lithuanian Nationalism

© E. V. KILIMNIK

Evgeniy V. Kilimnik, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia), kilimnik_06@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2949-465X

Abstract. Based on the cultural-philosophical approach, the shaping of the ideology of Lithuanian nationalism in the second half of the 19th – early 20th centuries are examined. The theoretical and methodological foundation of the study consists of the analysis of journalistic and social activities of the “father of the Lithuanian people” Jonas Basanavičius. The task is set to identify the main ethnic inconsistencies and cultural and historical contradictions in the ideological concept of the origin of the Lithuanian language and Lithuanian national self-identification theory created by J. Basanavičius. It is revealed that in his ideological and nationalist works J. Basanavičius artificially formed the Lithuanian national identity, which does not have documentary and historical confirmation. The purpose of J. Basanavičius’ work was to counteract Russian national policy, as well as to create an independent state entity – Lithuania.

Keywords: Jonas Basanavičius, culture, language, ideology, values, ethno-nationalism, nation, politics, Lithuania, Russia

Citation: Kilimnik E.V. (2023) The Role of J. Basanavičius in the Making of Lithuanian Nationalism. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 39–55. DOI: 10.31857/S086904992302003X, EDN: CEDFWV.

Исследуя историю возникновения идеологии литовского национализма, необходимо остановиться на причинах его генезиса. Во второй половине XIX в. политический ландшафт Восточной Европы начал меняться в результате социальных волнений в Польско-Литовско-Белорусском регионе. Местные интеллектуалы и политические деятели, недовольные ассимиляционной политикой Российской империи, начали искать способы обрести национальную независимость. Процесс ее идейной актуализации начинался в этот период и шел достаточно медленно, так как его ограничивало законодательство Российской империи, направленное против нарушения целостности государства. В то же время росту национального самосознания литовцев сопутствовал ряд исторических событий в Прибалтийском регионе. Во-первых, в 1863 г. регулярные войска Российской империи подавили польское национальное восстание, ставившее целью восстановление независимости, величия и былой славы Речи Посполитой в границах 1772 г. «od morza do morza» («от моря до моря»). Александр II был вынужден отойти от своих либеральных взглядов и радикально изменить основы государственной политики в национальных политически нестабильных частях империи. Новая имперская стратегия предусматривала превентивное подавление национальных движений, которые угрожали порядку и самой имперской системе национальных движений [Капеллер 2000, 182–203]. Кроме того, в своей политике Российская империя традиционно играла на национальных, сословных и религиозных противоречиях, чтобы вносить раскол между этноконфессиональными группами и народностями, которые были подвластны империи. Примером подобного межэтнического многовекового латентного конфликта могут служить взаимоотношения между западно-украинцами и поляками, кульминацией которых стала Волынская резня 1943–1944 гг.

Жесткая имперская политика подавления этнонационализма была характерна и для других государств Европы на определенных этапах своего существования – Австро-Венгрии Габсбургов, Пруссии Гогенцоллернов или Османской империи [Миллер 2008, 33]. «Шляхетский гонор» польской аристократии отчасти перенимала и литовская знать, язык и обычаи которой с XV по XVIII в. были во многом польскими. Кроме того, росту этнического самосознания сопутствовала память о могуществе Великого княжества Литовского, соперничество которого с Московским государством часто перерастало в кровопролитные войны.

Во-вторых, в середине – второй половине XIX в. ускорился экономический рост в регионе. Российская империя, в том числе и литовские области, перешла к новой экономической формации – капитализму. В результате социально-экономического развития улучшилось техническое оснащение крупных литовских городов, в частности, появился телеграф, по всему течению Немана наладили паровое сообщение. Уже в 1860–1870 гг. в литовских землях построили железнодорожные пути сообщений, которые вели из Санкт-Петербурга в Варшаву. В конце XIX в. была проложена железная дорога к Кенигсбергу, которая проходила через Ковно и Либаву (Лиепая). В 1860 гг. в Литве была установлена телефонная и телеграфная система коммуникаций. Чтобы улучшить свое экономическое положение, литовцы массово переселялись в Санкт-Петербург, Ригу, Одессу. Миграция стала наиболее заметной с конца 60-х гг. XIX в. Тогда десятки тысяч уехали в Соединенные Штаты Америки (207 тыс.), где начали появляться этнические типографии с профильными изданиями, национальные общества, а также христианско-демократические и социалистические организации. Одновременно литовские эмигранты активно переводили средства на покинутую ими малую родину и участвовали в политических мероприятиях, протестуя против притеснений по национальному признаку в России [Эйдинтас 2015, 135]. В результате во второй половине XIX – начала XX вв. одной из консолидирующих основ в формирующемся национально-буржуазном литовском социуме стала капиталистическая трансформация, которую сопровождали рост националистических настроений, миграционные процессы в новых экономических условиях и критика российской действительности из-за рубежа.

В-третьих, следует отметить влияние в литовском обществе Римско-католической церкви, которая активно противилась стремлению российского самодержавия «оправославить» литовцев (с конца XVIII в.), хотя внешне и сохраняла политическую лояльность к Российской империи и ее властям [Beresnevičius 2004]. Однако литовские ксендзы старались напоминать прихожанам о былом могуществе Великого княжества Литовского. Этнонациональная политика сопротивления привела к тому, что католические священники после Второй мировой войны часто поддерживали вооруженный сепаратизм литовских «Лесных братьев» в их борьбе с представителями уже Советской Литвы, благословляя паству на вооруженное противостояние безбожной, инокультурной [Lietuvių... 1934, 20] и инациональной власти [Поцюс 2009, 134]. Традиционализм настолько велик в литовском обществе, что и сегодня 94% жителей Литвы по-прежнему формально идентифицируют себя с религиозной общиной, а 77% – с Римско-католической церковью, о чем свидетельствуют данные переписи населения Литвы 2011 г. [Gailienė 2018].

Российское правление в Литве оспаривали разными методами. Например, ряд газет и издательских групп, начиная с третьей четверти XIX в., предоставили возможности для публикаций авторских заметок и статей националистического профиля. Они дали оппозиционно-настроенным лицам возможность распространять антироссийскую литературу среди широкой местной аудитории. Некоторые литовские историки и писатели начали переосмысливать историю своего края и интерпретировать исторические факты таким

образом, чтобы создать и поддерживать новые националистические идеи. Изначально из-за запрета печати на местных языках в этих обсуждениях обычно использовали русский. Активисты сначала оспаривали право публиковаться на других языках, затем боролись за включение национального языка в дошкольное местное образование. В результате подобные культурные сообщества в регионах Восточной Европы постепенно стали лингвистически обособленными. Соответственно, изменилось и направление дискурса обретения независимости. Первые национальные политики, которые провозгласили независимость от Российской империи и основали первое независимое литовское государство в начале 20-х гг. XX в., объясняли свою нацию и язык в терминах, принципиально отличных от языка их предков – подданных Речи Посполитой и Российской империи. Национальные группы из прибалтийских регионов Восточной Европы больше не стремились к культурной автономии в рамках существующей государственной системы – они искали новую независимую идейную форму.

Анализируя вторую половину XIX в., некоторые местные исследователи преимущественно обращают внимание на политические и социальные аспекты проблемы формирования литовской идентичности. Изменение роли национального языка они часто представляют эпифеноменом культурной трансформации, спровоцированным политическими движениями и проблемами формирования любой национальной идеи. Однако такая позиция принижает символическое значение языка в построении групповой идентичности. Именно он во многих смыслах выступает самым податливым символическим фактором националистических движений.

Соответственно, необходимо рассмотреть значение языка для литовского националистического движения в период со второй половины XIX в. до создания Литовской Республики в 1918 г. Особое внимание в анализе формирования националистической идеологии будет уделено работам «отца литовского народа» Йонаса Басанавичюса, которые он написал в период запрета на использование литовского языка в официальной печати Российской империи.

Деятельность Йонаса Басанавичюса стала объектом исследования потому, что он лично участвовал в каждом этапе формирования государственной независимости Литвы в 1918 г. – с философско-идеологического осмысления национальной идентичности до переговоров о создании независимого государства.

Важно отметить, что язык играет более сложную роль в национальной идентичности, чем представлено в исследованиях национализма. Например, он повлиял на трансформацию Литвы из разрозненных поселений малочисленных средневековых балтийских племен в современное градообразующее состояние. Также важно отметить, что в контексте национализма идея уникальности языка может быть реальной или воспринимаемой. В ситуации, когда представитель малой нации считает, что его язык неповторим, и приписывает своей речевой группе уникальные особенности, он начинает действовать в этом направлении, пропагандируя свою этническую уникальность.

Теоретические основы идеологии литовского национализма

Язык – одна из многих составляющих общей идеи национализма. Литовские националисты начали с языкового вопроса, а в итоге стали пропагандировать идею выхода из Российской империи. Соответственно, его влияние следует рассматривать как часть общей доктрины формирования национализма, а не изолированно.

Данное исследование рассматривает формирование литовского национализма и национальной идентичности. Соответственно, в первую очередь необходимо определить, что

подразумевается под «нацией» и ее истоками. В своей основополагающей работе 1991 г. «Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении национализма» британский социолог Б. Андерсон описал нацию как политическое сообщество одновременно воображаемое, ограниченное и суверенное [Anderson 1991, 7–10]. Он рассматривает нацию как социум, даже малый, все члены которого могут знать (или даже слышать) о каждом другом члене. Все представители понимают, что вместе они составляют «горизонтальное товарищество», принадлежность к которому одинаково ощущают все его члены.

В свою очередь, британский социальный антрополог Э. Геллнер отмечает: «национализм – это не пробуждение нации к самосознанию: он сам изобретает нации» [Цит. по: Савельева, Полетаев 2006, 22]. Б. Андерсон утверждает, что нация ограничена набором конечных границ (не только территориальных, но и культурных), которые отделяют «Самость» от «Другого» [Anderson 1991]. Кроме того, националисты не пытаются расширить представления о национальной принадлежности граждан своей страны до членов всего общества, как религиозные фундаменталисты; скорее, границы нации установлены и признаны членами этого сообщества. Наконец, нация выступает сувереном в том смысле, что ее члены обладают юридическими полномочиями. Андерсон связывает происхождение такого суверенитета с отделением церкви от государства в период Просвещения. Духовенство больше не имело власти оценивать новые законы как адекватные с точки зрения церкви или неадекватно отражающие религиозный диктат. Возникла идея, что нет более высокой власти, чем наделенная ею нация.

В основе концепции нации также лежит принципиально определенное понимание социального времени. Католическая церковь в Литве понимала его как некую синтезированную божественным промыслом единовременность, в рамках которой прошлое и будущее существуют одновременно (на уровне сознания) в мгновенном настоящем. Община, понимаемая в первую очередь через ее религиозную принадлежность, существовала в настоящий момент на пути между прошлым и будущим. Однако со временем возникли концепции линейного, параллельного, циклического и социального времени. Центральное место в развитии понимания времени занимает культурное и интеллектуальное влияние идей гуманизма.

По мнению американского мыслителя Д. Баркера, нация – это некая сущность, которая, по сути, в первую очередь озабочена своей самоидентификацией через сформированный в прошлом исторический образ. Он представляет уникальное этническое и территориальное объединение, которое пронесит свои родовые черты из прошлого в настоящее и будущее. Это важно для понимания, поскольку политическое самовыражение было необходимым сопутствующим структурным элементом культурного сознания¹. Американский политолог У. Коннор предполагал, что политическая воля людей, которые определяют себя как нацию, неразрывно связана с осознанием культурного бытия народа [Conversi 2002, 1–2].

Литовский национализм следует понимать скорее как нерациональную философию, чем иррациональную. Национальные акторы и члены националистических сообществ создают воображаемую историю, которая часто не отражает исторические факты, чтобы обратиться к нерациональным мотивам. Они пытаются переписать историю своей страны в таком осмыслении, которое оправдывает их политические цели. Национал-интеллек-

¹ Washington Journal. David Barker on One Nation, Two Realities. C-SPAN. MAY 31, 2019. (<https://www.c-span.org/video/?461161-4/washington-journal-david-barker-discusses-book-one-nation-realities>).

туал, который мыслит нерационально, не воспринимает существенное различие между собственнo историческим фактом и восприятием этого факта.

Преобразование протонации в нацию зависит от самих сторонников этой идеи. Наличие определенной географической «родины» значительно усиливает привязанность отдельного индивидуума к воображаемому сообществу. Однако сообществу необязательно иметь свою территорию, чтобы быть нацией с политической властной надстройкой. В таких условиях представители этнонациональных меньшинств меньше привязаны к государству, чем члены доминирующей группы. Приоритеты, которые национальные лидеры выбирают в качестве определяющих для своей страны, способны либо приспосабливать, либо отчуждать индивида. Язык же можно считать одной из национальных характеристик, которая не требует принятия какого-либо набора национальных идеалов. Владеющий им человек способен просто присоединиться к структурному большинству населения. В случае с литовской территорией язык сыграл решающую роль в охвате всего населения при построении доктрины национальной самоидентификации в конце XIX – первой трети XX вв.

Роль языка в публицистике, направленной на создание нации

Чтобы понять, как появляется национальная идентичность, а также ее особые качества, следует рассмотреть процессы, с помощью которых этнокультурную идентичность предлагают политикам и пропагандируют в обществе, которое впоследствии принимает ее как абсолютную истину. Литература оказалась наиболее важным средством передачи национальных настроений в условиях, когда националистические идеи литовской исключительности формировались сначала в составе Российской империи, а затем СССР.

Причиной успеха этнолингвистического национализма в Литве стала память о периоде истории этого региона, когда он именовался Великим княжеством Литовским. Оно объединяло все средневековые литовские племена, а также включало в себя русские княжества от Балтики до Черного моря.

Как говорилось ранее, движущей силой националистических движений выступают общинные воспоминания о воображаемом прошлом. Осмысливая не до конца ясное историческое наследие, нация начинает определять себя в своем современном контексте. Изучая развитие национализма, прежде всего необходимо понять прошлое, которое националистически ориентированные политики и интеллектуалы представляют обществу как обоснование своим действиям.

Романтические представления об историческом прошлом Литвы воплощались в отсылках к средневековому Великому Княжеству Литовскому и его значимой (по мнению литовских мыслителей) роли в составе Речи Посполитой. Для литовских националистов XIX–XX вв. эти исторические сущности стали символизировать автономию и самоопределение, в котором, по их мнению, им отказали как подданным Российской империи и гражданам СССР в дальнейшем.

В рамках данной националистической философии следует рассматривать ранние публикации главного идеолога литовского национализма Й. Басанавичюса. Он известен как «отец национального возрождения Литвы», «отец литовского народа» и как первый литовский автор-националист, получивший широкую аудиторию. Он был самым влиятельным участником дискурса о литовской национальной идентичности. Популярность Басанавичюс получил уже в конце XIX в. благодаря публикациям в издаваемом в Германии журнале «Aušra» – самом распространенном издании на литовском языке на латинице (в период запрета в Российской империи печати на литовском языке латинским шрифтом).

Археологи немного знают о людях, которые до середины XII в. населяли территорию современной Литвы. Однако сохранились исторические записи, в частности, датчан и русинов, которые часто совершали набеги на эти территории и требовали дань с населявших их племен. Упоминаются литовские племена, платившие дань Киевской Руси в X и XI вв., но в хрониках не указаны специфические культурно-исторические характеристики людей, которые населяли эти территории до обращения местных князей в христианство.

Националисты XIX в. редко ссылались на этот исторический период в своих работах, предпочитая называть дохристианские литовские племена просто «древними» [Baronas 2010, 27]. Однако исторические данные становятся более полными с периода коронации короля Миндаугаса, который объединил многочисленные литовские племена и стал первым Великим князем Литовским.

Данный период стал идеальной отправной точкой для создания национальных мифов по ряду разных причин [Baronas 2010, 27]. Во-первых, Миндаугас был первым великим князем Литовским, который объединил разрозненные балтийские племена региона в одну политическую общность. Он создал единство там, где раньше существовали только слабо структурированные, временные племенные союзы.

Во-вторых, Миндаугас был христианином, которого после коронации в 1253 г. официально поддержал и признал Папа Иннокентий IV. Взамен Миндаугас и объединенные литовские племена участвовали в серии крестовых походов против татар. Данные кампании не были особо выдающимися в военном плане, однако они имели культурное значение, доказав желание Литвы принадлежать к христианскому, западноевропейскому миру. Й. Басанавичюс в своих работах ставил особый акцент на этой идее. Хорошие отношения между литовскими племенами и христианским миром просуществовали недолго. После убийства Миндаугаса соперничество за власть между языческими князьями привело к роспуску созданного им политического объединения. Вслед за смертью короля литово-балтийские племена снова стали раздробленной массой, пока в середине XIV в. их вновь не объединил Великий князь Ягайло.

Последний не был христианином по рождению, однако быстро осознал всю ценность и выгоду обращения в католическую веру. Столкнувшись с перспективой конфликта с сильными армиями тевтонских рыцарей, Ягайло перешел в христианский мир через брак с представительницей польской королевской семьи принцессой Ядвигой в 1385 г. Тогда Великое княжество Литовское и Королевство Польша объединились впервые за свою историю. Обеспечив политическую стабильность благодаря союзу с Польшей, литовские правители стали уделять больше времени законотворчеству. Именно в этот период обретает приоритет литовский язык как инструмент управления государством. Его роль усилилась по сравнению с повсеместно распространенным славянским. Ранее его использовало не только простонародье, но и княжеский двор (в том числе во всех королевских указах) с церковью. Литовский язык в те времена тоже существовал. Националисты во второй половине XIX – первой четверти XX вв. заявляли, что он был предшественником современного литовского языка. Однако на самом деле он представлял собой не самый значимый диалект русинского.

Несмотря на повышение роли собственно литовского языка, в системе управления на всей территории Великого княжества продолжали употреблять славянский язык. К середине XV в. королевский двор в своей деятельности заменил его на польский. Тем не менее, к образованию единой Речи Посполитой в 1569 г. многие официальные правительственные документы писали на канцелярском славянском языке или переводили на него. Соответственно, он сохранял значимость в системе управления Литовским княжеством.

В результате в период пребывания в составе Речи Посполитой не появились никакие собственно литовские национальные письменные материалы вплоть до начала XIX в. Соответственно, у литовских националистов фактически отсутствовала доказательная база, которая могла бы подтвердить их утверждения о существовании особого исторического этнокультурного мира в северо-западной части Восточной Европы, который возник уже в XV в. Литовскую культуру того периода полностью поглотили престижный в русино-литовском обществе польский язык, польские обычаи и традиции, которые вытеснили все национальное литовское. Только после окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 г. литовский язык вновь начали употреблять на региональном сельском уровне, поскольку государственный русский язык конкурировал с польским во всех административных учреждениях Литовского княжества – а также в области культуры, особенно среди представителей высшего общества [Zinkevičius 1987, 86–88].

Независимо от реальной истории Великого княжества Литовского или роли славянского языка в делопроизводстве, сам факт существования этого государственного образования в составе Речи Посполитой дал литовским националистическим лидерам материал для построения нарратива о национальной преемственности, которая начинается с периода Средневековья. Позже Й. Басанавичюс перенял эту трансформированную историю и присоединил ее к созданному им современному литовскому языку – в том числе для того, чтобы провоцировать националистическое противостояние литовского населения и Российской империи.

Рассматривая вопросы искусственного развития литовского национализма, необходимо также изучить политику, которую Россия проводила на территории Литвы в период своего правления, наступившего после третьего раздела Польши в 1795 г.

Внутреннюю политику Российской империи в 1863 г. в целом можно охарактеризовать, как достаточно мягкую в соответствии со стандартами тех времен. Россия контролировала большое количество этнических и религиозных групп, находившихся под ее властью [История Литовской ССР... 1978, 653–656]. Изначально в своей внутренней политике она не была склонна к насильственному насаждению религиозной однородности. Православие, безусловно, было предпочтительной религией, однако приверженцев других религий не наказывали и не подвергали гонениям. В России существовала значительная мусульманская диаспора, которая традиционно проживала в Нижнем Поволжье, лютеранство было распространено в прибалтийских губерниях. В обоих случаях имперское правительство не дискриминировало население и не пыталось обратить его в православную веру. Кроме того, Российская империя часто предоставляла завоеванным и присоединенным народам определенную степень свободы в виде местного самоуправления. Например, в рамках империи существовало полуавтономное католическое Польское герцогство, которое включало территории современной Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Толерантная властная позиция резко изменилась с началом национального восстания в январе 1863 г. Большое количество участников национального восстания были литовцами, в то же время многие из бунтовавших служили ранее в императорской армии и считались лояльными подданными. Российские власти немедленно начали ограничивать привилегии этнических меньшинств, чтобы уменьшить вероятность нового бунта или антиправительственных заговоров между потенциальными союзниками. Ориентируясь на национальную позицию литовцев, российское правительство запретило печать изданий на литовском языке на неопределенный срок, фактически тем ограничив публикацию любых националистических материалов. В результате внезапной смены курса правительства России возник определенный раскол между имперской администрацией и подданными империи. В дальнейшем его

использовали националистические авторы, которые сознательно нарушали запрет на подобную печать.

На большей части современной Литвы проживало преимущественно не собственно литовское население. Так, литовцы исторически жили в основном на малонаселенных участках лесов, которые располагались вдоль берегов Балтийского моря, на западной окраине всей территории бывшего Литовского княжества. Данный исторический факт повлиял на литовский национализм и национальную историю. Исходя из националистической убежденности и собственной интерпретации национальной истории, литовские националисты в первую очередь предъявляли претензии к наиболее крупным городским центрам – Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс). Они стремились присоединить их к своей исторической территории. Однако эти города нельзя было считать этнически литовскими, так как в них большая часть их населения принадлежала к другим народностям. Этнические литовцы не составляли большинство населения Вильнюса даже в 1897 г., когда издательство «Аушра» выпустило первые публикации Й. Басанавичюса [История Литовской ССР... 1978, 686–688].

Также литовским националистам приходилось бороться с политической структурой управления, установленной Российской империей. Изначально она пыталась снизить этнополитическую напряженность на этнически разнообразной территории, разделяя национальные группы на отдельные провинции. Так, территория преимущественно литовской Ковенской губернии не включала в себя сам Вильнюс: она была ограничена малонаселенной территорией на севере и западе. Даже присоединение Ковно (Каунаса) к Ковенской губернии не обошлось без сопротивления со стороны местных поляков, которые жили в этом городе, однако были мало представлены в сельской местности, расположенной на юге города.

Утверждение о численном превосходстве литовского населения на этом пространстве, которое могло лечь в основу пронационалистической идеологии, не соответствовало реальности. Й. Басанавичюсу пришлось сосредоточиться на менее доказательных аргументах для национальных претензий. Национальный литовский язык «решил проблему», став для националистов этнополитическим эталоном и основой литовской идентичности, а Вильно (Вильнюс) – идеальным центром для данного языкового сообщества. Соответственно, литовские националисты стали отрицать значимость доминирующей плотности коренного населения на определенной местности и обосновывать аргументами о языке свои политические притязания на Вильнюс и Каунас как на государственные литовские культурно-политические центры. Следует отметить, что в обоих городах лишь меньшинство жителей владело литовским языком как родным. Статус меньшинства повысил значимость национального населения в соперничестве за контроль над всей территорией по сравнению с другими этносами – например, с поляками, которые сперва не учитывали возможность законной этнической конкуренции в Литве. Отсутствие литовского этнического большинства в крупных городских центрах на территории бывшего княжества затрудняло организацию политического движения за права литовцев. В то же время некоторые польские и российские политические деятели учитывали возможность беспорядков на националистической почве на севере и западе бывшего княжества, которые могли достичь Вильно и Ковно (Вильнюса и Каунаса). Сложившаяся ситуация дала Й. Басанавичюсу и его сторонникам определенную степень анонимности, чтобы планировать и организовывать националистическое движение в период запрета печати на литовском языке: российские власти строго контролировали городские районы, но мало внимания уделяли сельским территориям и их жителям. Среди них Й. Басанавичюс и сеял семена литовского национализма; эти слои населения в итоге бросили вызов российскому административному контролю над Вильно (Вильнюсом) в первом десятилетии XX в.

Формирование литовской национальной идентичности

В рамках противодействия российскому правлению Й. Басанавичюс в своих пронационалистических трудах формировал новый облик литовского народа и искусственно создавал литовскую национальную идентичность. Глубину его влияния на формирование литовского националистического сознания отразил литовский ученый-археолог Й. Пузинас в день смерти Й. Басанавичюса в 1927 г.: «его работа была настолько всеобъемлющей, что невозможно полностью охватить все аспекты его продуктивной жизни. Именно Басанавичюс возродил сознание литовского народа, основал первую газету на литовском языке в издательстве “Аушра” (Aušra), в которой публиковался, и выступал за самоопределение Литвы» [Puzinas 1977]. Эта цитата описывает всю идейно-националистическую деятельность Й. Басанавичюса по формированию искусственной литовской исключительности и некоего «литовского национал-культурного мира». До него литовская аристократия и интеллигенция не задумывались о своей национальной идентичности, считая себя скорее частью польского культурного пространства со столицей в Варшаве, чем некоего собственного сообщества из провинциального Ковно или Вильно, к которому они никогда ментально и не принадлежали. Аристократические круги заимствовали язык, одежду, архитектуру, религию, титулы, гербы, манеры и сам образ поведения у польской шляхты с середины XV в. и пронесли это ценностное восприятие сквозь века.

В своей политической деятельности Й. Басанавичюс связал националистическую идеологию с древней культурой литовских племен раннего Средневековья. Так, литовцев из своей эпохи он воспринимал как этнокультурных наследников строителей курганов прошлого. Й. Басанавичюс говорил, что «вместе с рассказами о крестоносцах эпохи князя Миндаугаса курганы очаровывали меня с самых ранних дней. Рядом с местечком Озкабаляй, на Пилякальняйских полях у села стоит красивый курган. С юных лет я стал посещать этот большой и очень красивый холм, задумчивый, в образе невыразимой красоты и умиротворения, стоящий на берегу реки Аиста. В юности я слышал сказки о заколдованной красоте Девы, заключенной в кургане. Позже я познакомился с курганом Паевонис, еще позже с городищем Каупишкис, недалеко от границы с Пруссией, а также с курганами в Рудамине, Лакинай и другими. Именно на этих холмах, я могу с уверенностью утверждать, мое литовское сознание было разбужено и утверждено» [Basanavičius 1883a].

В отсутствие конкретных исторических свидетельств и доказательной аргументации Й. Басанавичюс самостоятельно конструировал литовскую национальную идентичность, условно называя «древними литовцами» соединение балтийских этнических народностей, которые преимущественно придерживались языческой веры и были связаны с определением «литовские» лишь относительно. Любые подобные утверждения предполагают общественное признание, основанное на исчерпывающей системе доказательств, которую Й. Басанавичюс не мог сформировать. Исследуя фольклорные традиции местного крестьянства, он пришел к выводу, что именно они представляют нацию в наиболее чистом виде и могут считаться ее ядром.

В 1882 г. историческая ситуация представила Й. Басанавичюсу первую реальную возможность распространить свое националистическое видение роли литовского народа. Так, свои националистические концепции он публикует в первом издании «Аушры». Его работа включала смесь националистических эссе, сборник литовского фольклора и поэзии. «Аушру» печатали в Германии, после чего номера подпольно переправляла в Литву группа лиц, которая впоследствии стала известна как «книжные контрабандисты».

Й. Басанавичюс поставил перед собой цель «возродить» национальное сознание литовского народа и определил литовский язык как объединяющую силу в этом процессе,

а сеть «книжных контрабандистов» позволила ему оперативно распространить свои идеи на территории Литвы. Первое издание «Аушры» включало в себя нумерованный список «вековых чаяний литовского народа», составленный Басанавичюсом:

«1. На протяжении веков наша нация подвергалась таким насмешкам, гонению и порабощению, что можно только удивляться тому, что она существует до сих пор.

2. В былые времена литовцы населяли территорию, вдвое превышающую нынешнюю; сегодня Литва это всего лишь тень древнего государства. Мы должны вернуть наши территории.

3. Сегодня просвещенные люди, знакомые с нашей жизнью и ее невзгодами, единодушно заявляют, что соседи, под игом которых живет наш народ, полны решимости, что, если не сегодня, то через год-два мы стали бы немцами или славянами. Мы не должны допустить этого, оставив нашу кровь чистой.

4. Мы такие же хорошие люди, как и наши соседи, и хотим пользоваться всеми правами, дарованными всему человечеству, равно, как наши соседи, ищущие их для себя.

5. Среди этих прав первым будет право литовцев в Литве получать все, а также обучение и образование исключительно в литовских школах.

6. Сегодня мы ясно видим, что школы с иностранным языком обычно превращают литовцев в иностранцев для Литвы. Они не нужны нам.

7. Мы сами должны заниматься своими делами и управлением страной.

8. То, что нам не предлагают школы, мы должны обеспечивать сами.

9. Нашей основной задачей будет информирование других литовцев о событиях древнего мира, временах и делах наших благородных предков, чьи дела и любовь к нашей любимой родине мы забыли. В результате, мы сами теперь не знаем, чьих родителей дети мы и внуки.

10. Если каждый хороший сын уважает своих родителей и родителей своих родителей, то и мы, современные литовцы, должны последовать хорошему примеру древних сынов литовских времен.

11. Следовательно, мы должны сначала узнать их древний образ жизни, их природу, их древние верования, их дела, их заботы.

12. Понимая их жизнь, мы лучше поймем их, а разобравшись с этим, мы поймем себя» [Basanavičius 1883a].

Этот перечень идейных задач важен по ряду причин. Прежде всего, поставлена задача создать национальное государство Литва. В процессе достижения данной цели требуется создать независимое национальное управление. Данные задачи вытекают из утверждений Й. Басанавичюса о лишении коренного народа власти и его характеристики как социума, незаконно лишенного своего законного права на историческую территорию. Также Й. Басанавичюс указывает на «элемент чуда», который позволил нации выжить в эпоху «насмешек и порабощений», что придает некую религиозную легитимность требованиям в ее националистическом видении. По словам Й. Басанавичюса, «литовский народ пережил попытки лишить его собственности и уничтожить его, поэтому он должен был выживать. Он вправе искать восстановление того, что исторически всегда принадлежало ему, т. е. независимости».

Таким образом, Й. Басанавичюс вызывает к элементу самосознания литовцев, который Б. Андерсон называет центральным для понимания роли нации в формировании ее идентичности: «нация – это как суверен, облеченный почти религиозным почтением и святостью» [Anderson 1991, 7–10]. Далее, Й. Басанавичюс выделяет присутствие чуждого этнонационального элемента («немцев и славян»), который нужно использовать как маркер для обособления уникальной литовской идентичности. Однако, как утверждали

позже сами литовские националисты, их регион в действительности был этнически и лингвистически разнообразным. Й. Басанавичюс и его сторонники стремились дифференцировать литовцев от их соседей до такой степени, чтобы отличие от других наций стало значительным аргументом в пользу политического обособления. Выделение немцев и славян как противников литовской нации также усилило нарратив лишения собственности и создавало ощущение всеобъемлющей опасности из-за угрозы того, что «истинных литовцев» окружают территориально и поглотят. Согласно этому восприятию, «хрупкая и забытая» литовская нация столкнулась с угрозами своему существованию со всех сторон, поскольку немцы пытались заявлять политические права на литовские земли с запада, поляки с юга, а русские – с востока. Как отмечал исследователь Т. Хопф в своем анализе советской национальной идентичности в середине XX в., такое концептуальное противопоставление другим, недружественным этносам необходимо для установления национального чувства собственного «Я» [Hopf 2002, 23].

Во многих своих выступлениях Й. Басанавичюс оправдывает свои притязания на исключительность Литвы и литовцев, указывая на их историческое прошлое, которое началось якобы уже с периода Античности. Однако исторические документы не раскрывают культурные характеристики местного населения, существовавшего на территории, которая сейчас является Литовской республикой. Сам Й. Басанавичюс никогда не давал четкого определения «древнему» литовскому обществу, наследником которого он считал современное общество.

Аргументы Й. Басанавичюса имели существенное идеологическое значение для литовских националистов – несмотря на почти полное отсутствие в них исторических доказательств. Для тех, кто уже идентифицировал себя как «литовских националистов», принцип преемственности и связь с прошлым оправдывали их веру в уникальность литовского этносоциума и его право на политическое выражение в границах «великой Литвы» (которая в том числе включала в себя и современную Калининградскую область Российской Федерации). Для тех литовцев, которых националисты пытались убедить присоединиться к движению по возрождению государства, концепция Басанавичюса придавала некую легитимность националистической кампании за политическую автономию и далее – независимость. Историческая достоверность концепции Й. Басанавичюса не имела никакого значения. Нерациональной привлекательности его концепции было вполне достаточно, чтобы побудить энергичные группы населения к активным политическим действиям.

В пунктах с третьего по шестой из своего списка Й. Басанавичюс прямо связывает возрождение литовского языка с выживанием нации. Он утверждает, что попытки обучать литовских детей не на родном языке представляют собой преднамеренное стирание истинной литовской идентичности. По его мнению, сам факт того, что они вырастут без влияния литовского языка, может превратить будущее поколение литовцев в немцев или славян. Соответственно, литовцы должны иметь возможность учить свою молодежь исключительно в узкопрофильных школах.

Й. Басанавичюс считал, что коренная национальность должна быть привязана к литовскому языку, так как язык – это единственная конкретная деталь, описывающая современный характер народа.

На том этапе, как показывали данные переписи населения, было мало причин полагать, что идентифицирующие себя как этнические литовцы граждане имели законные права на все спорные территории, в населении которых преобладали другие этнические группы (в частности, белорусы). Более того, собственно литовское население было «разбросано» по разным регионам и не было объединено между собой каким-либо значимым

образом. Сделав язык основным признаком принадлежности к коренной нации, литовские националисты смогли преодолеть географические разрывы между изолированными, локальными этническими сообществами литовцев. Помимо прочего, такой подход позволил значительно увеличить потенциальную территорию самой Литвы.

Представляет особый интерес тот факт, что Й. Басанавичюс также успешно интегрировал все имевшиеся на территории бывшего княжества Литовского разнородные речевые сообщества и диалекты, придав им форму стандартизированного литовского языка. Таким способом он превратил все проживавшие в Балтийском регионе малые языковые народности в коренных литовцев. Подобная всеобщая национальная унификация была первой в своем роде в Европе. Ранее в Балтийском регионе существовали три основных диалекта, которые он сгруппировал под общим названием «литовский»: аукштайтянский, жемайтийский и жемогаляский языки. Также в эту категорию попал ряд диалектов национальных меньшинств, на которых говорили в Восточной Пруссии. Последнюю «отец литовского народа» провозгласил «Малой Литвой» [Basanavičius 1883b].

Публикация и распространение «Аушры» преодолели естественный этнический разрыв между малыми национальными сообществами. Все разноречное речевое сообщество в Литве признали этнически единым – несмотря на его лингвистическое разнообразие и территориальную разобщенность проживавших в этом регионе малых народностей. Й. Басанавичюс в своих работах избегает разжигания разногласий внутри литовской народности, не отдавая предпочтения ни одному диалекту перед другим. Его версия единого современного литовского языка включала в себя синтаксические элементы аукштайтянского, жемайтийского и всех прочих местных диалектов малых народностей. В нем сохранялась также устаревшая лексика древнего литовского диалекта. В результате получился новый, искусственно образованный литовский язык. Таким образом, националистические идеи Й. Басанавичюса по созданию литовского языка удовлетворяли большинство его апологетов-почитателей. Кроме того, их привлекали идеи Й. Басанавичюса, который предлагал связать создание общего литовского языка для всех литовских и нелитовских малых народностей с воображаемым историческим прошлым, сохранив устаревший этнически разобщенный словарный запас и включив его в новый современный литовский язык.

Первоначально стратегия была направлена на то, чтобы обеспечить литовским националистам определенное положение в соперничестве за политическую власть в Вильно (Вильнюсе) – как в социальном, так и в политическом смысле. Также в обществе стали набирать популярность националистические идеи о том, что все сельские общины и фермерские хозяйства, которые расположены в провинциях изолированно, должны считаться оплотами литовского этноса. Следует отметить, что доля этнических литовцев в общей численности городского населения была незначительной и быстро сокращалась. Так, в Вильно с XV в. литовский не был государственным языком. В городе царило лингвистическое разнообразие: «треть от всеобщей языковой численности горожан составлял идиш; далее с той же пропорцией шел язык улиц, церквей и школ, который был польским, а языком городской окраины был белорусский» [История Литовской ССР... 1978, 690–691].

Примечательно, что ни в одном из своих произведений Й. Басанавичюс не говорит прямо, что литовский язык имеет значение для этнической идентичности только в том случае, если человек употребляет его в качестве основного базового и родного языка. Он представляет язык, как некий «сосуд» общенационального: любой человек в регионе, который способен выучить его, может быть членом литовской общины, то есть считается уже вполне литовцем. В результате для Й. Басанавичюса и его сторонников-националистов «люди в Вильнюсе и его окрестностях, которые с детства были поляками или белорусами, стали литовцами, которые только случайно и по необходимости говорили

по-польски или по-белорусски. Соответственно, при правильных политических обстоятельствах этнографическая Литва могла бы значительно расшириться территориально в своих границах» [*Basanavičius* 1883с]. По сравнению с другими концепциями национальных идентичностей, с которыми состязались литовские националисты (доктрины польских и белорусских националистов), литовская модель была, безусловно, самой гибкой, хитроумной и широко применимой.

Через призму групповой идентичности Й. Басанавичюс формирует этническое мифотворчество через эссенциалистскую характеристику литовского языка и его связь со Средневековьем и античным прошлым. В реальности «литовский» был не единым языком, а скорее общим термином для обозначения широкого собрания различных диалектов в районах Прибалтики, которые не всегда были взаимно понятны самим их носителям. Фактически, разработка стандартизированной формы литовского языка зародилась на основе идей другого националиста-языковеда – Йонаса Яблонскиса (*Jonas Jablonskis*). Формируя усредненный стандарт литовской языковой формы, он решил объединить западный аукштатский диалект – на нем говорили жители юго-западной части страны – в т. ч. и сам Й. Басанавичюс – с элементами прусского языка в связи с тем, что они оба поддерживали более архаичные фонетические схемы.

Заключение

Стратегия Й. Басанавичюса оказалась успешной и мобильной. За двадцать лет после первой публикации в «Аушре» были созданы достаточные предпосылки для формирования литовской общности и поддержки последующих действий литовского Сейма. Последний, находясь под прямым воздействием литовских националистов, в 1918 г. принял Акт о независимости от России.

Подводя итоги формирования идейных постулатов литовского национализма, следует отметить, что с первой публикации Й. Басанавичюса в «Аушре» в 1883 г. и до начала XX в. литовский национализм значительно трансформировался. Несмотря на то что читательская аудитория «Аушры» росла медленно (хотя и последовательно), в итоге этим публикациям удалось добиться стремления общества создать литовское политическое представительство со своей национальной властью. На протяжении этого периода Йонас Басанавичюс писал и редактировал журнал с националистическими публикациями, в котором обсуждались вопросы литовской идентичности, а также работал над созданием оппозиции российской государственной системе управления.

В результате уже к началу XX в. последовательные усилия Й. Басанавичюса привели к значительному росту политических амбиций у представителей литовской общности. Его избрали председателем Великого Вильнюсского Сейма в 1905 г. На этом съезде лидеры литовских националистов намеревались обсудить, как добиться автономного правления и обеспечить политический контроль над Вильно – будущей столицей независимого литовского государства. Первый съезд не дал значительных результатов, однако литовские националисты впервые собрались официально и выразили свои политические намерения.

Растущее политическое единство литовской общности вынудило руководство Российской империи отказаться от запрета печати на национальном языке за год до созыва Сейма. Власти боялись спровоцировать новое восстание, подобное волнениям 1863 г. Таким образом, сочинения Й. Басанавичюса стали основой не только искусственного создания литовской идентичности, что сумела заинтересовать достаточно широкую литовскую аудиторию. Его идеи привнесли уверенность в политическом успехе литовской нации, а также позволили организационно связать ее представителей, содействовав успешному

противостоянию российской имперской политической стратегии, которая ограничивала рост национального самосознания литовцев.

После отмены запрета на литовскую прессу к Й. Басанавичюсу присоединились другие пронационалистически настроенные авторы. В результате в печати постоянно стала фигурировать мысль о создании независимого Литовского государства. Литовские националисты смогли использовать идею идентичности для политического влияния на общество – несмотря на то, что в своем регионе литовцы оставались в социальном меньшинстве по сравнению с народами немецкой и славянской коренной национальности. В конечном итоге национал-идеологическая деятельность Й. Басанавичюса по формированию и внедрению концепции литовской нации в 1918 г. привела к созданию независимой Литовской республики – первого в истории суверенного Литовского государства [Strods 1996, 421].

До того, как Й. Басанавичюс внес свой вклад в развитие национального самосознания, литовская общность представляла собой небольшую разрозненную этническую группу. При этом собственно этнические литовцы были самым малочисленным этническим образованием в Балтийском регионе в середине XIX в. Их окружали представители более многочисленных и доминантных культур, им не хватало единой национальной идеологии, вокруг которой они могли бы сплотиться, чтобы иметь политическое влияние в обществе. Что более важно, до Й. Басанавичюса у литовцев отсутствовала национальная самооценка, в которой они и не особо нуждались. Создание искусственно объединенного национального этноса, вооруженного идеологией, стало главным вкладом Й. Басанавичюса в создание литовского националистического движения практически на пустом месте. Он был единственным публицистом, который осознал объединяющую силу общего языка – пусть он и был создан искусственно. Й. Басанавичюс первым предложил сформировать общую национальную идентичность для разноэтнического сообщества, проживавшего на берегах Балтии, а также искусственно расширить литовскую популяцию, чтобы преодолеть территориальные барьеры. Таким образом, к началу XX в. возникла идеология литовского национализма, которая опиралась на вымыслы, подтасовку фактов и политические устремления, а не на реальную историю литовского народа, его язык и его культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История Литовской ССР: с древнейших времен до наших дней (1978) Ред.: Б. Вайткавичюс и др. Вильнюс: Мокслас. 676 с.

Капеллер А. (2000) Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс- Традиция. 344 С.

Миллер А.И. (2008) Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение. 246 с.

Поцюс М. (2009) Обратная сторона луны: борьба литовских партизан против сотрудничества в 1944–1953 гг. Вильнюс: Издательство ЛИИ. 426 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. (2006) Национальная история и национализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». № 2. С. 18–30.

Эйдintas А. и др (2013) История Литвы. Vilnius: Eugrimas. 318 с.

Anderson B. (1991) Imagined Communities. Reflections On the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 224 p.

Baronas D. (2010) Pilėnai ir Margiris: istorija ir legenda. Vilnius: Vilniaus dailes akademijos leidykla. 633 p.

Basanavičius J. (1883a) Osenowės Lietuwoš piles // Auszra. No. 1. Pp. 15–18.

Basanavičius J. (1883b) Osenowės Lietuwoš piles // Auszra. No. 3. Pp. 60–64.

- Basanavičius J. (1883c) Osenowės Lietuwos piles // *Auszra*. No. 4. Pp. 97–102.
- Beresnevičius G. (2004) *Lietuvių Religija ir mitologija: sisteminė studija*. Vilnius: Tyto alba. 291 p.
- Conversi D. (2002) *Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connors Work*. London: Routledge. 23 p.
- Gailienė D. (2018) Why Are Suicides So Widespread in Catholic Lithuania? // *Religions*. No. 9. 71 p.
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.
- Lietuvių tautininkų sąjunga (1934) Kaunas: Vilties. 64 p.
- Puzinas J. (1977) Dr. Jonas Basanavicius– Founder of AUSRA // *Lituanus*. Vol. 23. No. 3.
- Strods H. (1996) *Latvijas nacionālo partizanu kars, 1944–1956*. Riga: Preses Latviešu val. 573 p.
- Zinkevičius Z. (1987) *Lietuvių kalbos istorija*. Vilnius: Mokslas. 189 p.

REFERENCES

- Anderson B. (1991) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 224 p.
- Baronas D. (2010) *Pilėnair Margiris: istorija ir legenda*. Vilnius: Vilniaus dailes akademijos leidykla. 633 p.
- Basanavičius J. (1883a) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 1, pp. 15–18.
- Basanavičius J. (1883b) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 3, pp. 60–64.
- Basanavičius J. (1883c) Osenowės Lietuwos piles. *Auszra*. no. 4, pp. 97–102.
- Beresnevičius G. (2004) *Lietuvių religija ir mitologija: sisteminė studija*. Vilnius: Tyto alba. 291 p.
- Conversi D. (2002) *Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connors Work*. London: Routledge. 23 p.
- Ejdintas A. et al (2013) *Istoriya Litvy History of Lithuania*. Vilnius: Eugrimas. 318 p.
- Gailienė D. (2018) Why Are Suicides So Widespread in Catholic Lithuania? *Religions*. no. 9, 71 p.
- Hopf T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.
- Istoriya Litovskoj SSR: s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of the Lithuanian SSR: From Ancient Times to Our Days] (1978) Ed(s): Vaitkyavichyus B. Vil'nyus: Mokslas. 708 p.
- Kapeller A. (2000) *Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad* [Russia – Multinational Empire. Emergence, History, Decay]. Moscow: Progress-Tradiciya. 344 p.
- Lietuvių tautininkų sąjunga* (1934) Kaunas: Vilties. 64 p.
- Miller A.I. (2008) *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 246 p.
- Puzinas J. (1977) Dr. Jonas Basanavicius – Founder of AUSRA. *Lituanus*. vol. 23, no. 3.
- Pocys M. (2009) *Obratnaya storona lunny: bor'ba litovskih partizan protiv sotrudnichestva v 1944–1953 gg.* [The Other Side of the Moon: The Struggle of Lithuanian Partisans against Cooperation in 1944–1953]. Vil'nyus: Izdatel'stvo LII. 426 p.
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (2006) *Nacional'naya istoriya i nacionalizm* [National History and Nationalism]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya "Istoriya Rossii"*. no. 2, pp. 18–30.
- Strods H. (1996) *Latvijas nacionālo partizanu kars, 1944–1956*. Riga: Preses Latviešu val. 573 p.
- Zinkevičius Z. (1987) *Lietuvių kalbos istorija*. Vilnius: Mokslas. 189 p.

Информация об авторе

Килимник Евгений Витальевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Адрес: 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66. E-mail: kilimnik_06@mail.ru

About the author

Evgeniy V. Kilimnik, Doctor of Sciences (Arts), Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Address: 620057, Yekaterinburg, Korepina St., 66. E-mail: kilimnik_06@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 07.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 23.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 12.04.2023

УДК 341.24

DOI: 10.31857/S0869049923020041
EDN: CEGVGM

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

Оригинальная статья/ Original article

«Зеленая» повестка Дж. Байдена: лозунги и реалии¹

© С.А. РОГИНКО

Рогинко Сергей Анатольевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), Финансовый Университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), roginko@bk.ru. ORCID: 0000-0003-2094-9259

Рассмотрена деятельность администрации США в области изменения климата и национальной климатической политики. Проведен анализ влияния этой политики на позицию США в мировом сообществе. Выявлен принципиально новый момент: попытка поставить климатическую повестку во главу угла внутренней и внешней политики США пока не привела к значимым практическим результатам. Изучено воздействие принятого в августе 2022 г. климатического законодательства США на динамику национальных выбросов парниковых газов. Представлен прогноз выполнения США своих обязательств по декарбонизации экономики к 2030 г. Оценена перспектива изменений роли США в глобальной климатической повестке в свете кардинальных изменений миропорядка, которые проявились в 2022 г.

Ключевые слова: парниковые газы, климатическая политика, Парижское соглашение, Киотский протокол, климатическая повестка, национальная безопасность, нефтепровод Keystone XL, план «Отстроим заново лучше», Закон о снижении инфляции

Цитирование: Рогинко С.А. (2023) «Зеленая» повестка Дж. Байдена: лозунги и реалии // Общественные науки и современность. № 2. С. 56–71. DOI: 10.31857/S0869049923020041, EDN: CEGVGM.

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Funding. The article is based on the results of research funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

J. Biden's Green Agenda: Slogans and Realities

© S. ROGINKO

Sergey A. Roginko, Institute of Europe of RAS (Moscow, Russia), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), roginco@bk.ru. ORCID: 0000-0003-2094-9259

Abstract. The activities of the US administration in the field of climate change and national climate policy are studied as well as the impact of this policy on the United States' position in the global community. A new problem has been identified: the attempt to put the climate agenda at the forefront of US domestic and foreign policy has not yet led to significant practical results. The analysis of the effect of the US climate legislation (adopted in August 2022) is given. The predictions on the dynamics of national greenhouse gas emissions and the forecast of the US' fulfillment of obligations to decarbonize the economy by 2030 are offered. The prospect of changes in the US role in the global climate agenda in the light of the fundamental changes in the world order revealed in 2022 is assessed.

Keywords: Greenhouse Gas Emissions, climate policy, Paris Agreement, Kyoto Protocol, climate agenda, national security, Keystone XL pipeline, Build Back Better Plan, Inflation Reduction Act

Citation: Roginko S. (2023) J. Biden's Green Agenda: Slogans and Realities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 56–71. DOI: 10.31857/S0869049923020041, EDN: CEGVGM.

«Зеленая» повестка (с преобладающим доминированием в ней климатической тематики) стала краеугольным камнем предвыборной программы Дж. Байдена [Рогинко 2021]. Заняв пост президента, он сразу продемонстрировал твердое намерение не отступать от этих обещаний. 20 января 2021 г., сразу после инаугурации Байден подписал исполнительный указ (Executive order) о возвращении США в Парижское соглашение, из которого они вышли в 2020 г. в президентство Д. Трампа.

27 января 2021 г. был подписан исполнительный указ о борьбе с климатическим кризисом в стране и за рубежом², который вознес климатическую повестку на небывалую прежде высоту: данную проблематику провозгласили главной для всей американской политики. Дж. Байден объявил своей целью «поставить изменение климата в центр нашей внутренней, национальной безопасности и внешней политики»³.

Президент США не ограничился декларациями о намерениях. Замысел придать климатической повестке сверхвысокий статус и приоритет над остальными направлениями деятельности администрации США был подкреплён детально проработанными организационно-управленческими решениями и механизмами координации, контроля и обратной связи. Весь государственный аппарат наделили климатическим функционалом, увязанным с «климатическими» вертикалями и горизонталями. Были расписаны подробные схемы распределения прав, полномочий и ответственности между действу-

² Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad. The White House. JANUARY 27, 2021. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/>).

³ Remarks by President Biden Before Signing Executive Actions on Tackling Climate Change, Creating Jobs, and Restoring Scientific Integrity. The White House. JANUARY 27, 2021. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/27/remarks-by-president-biden-before-signing-executive-actions-on-tackling-climate-change-creating-jobs-and-restoring-scientific-integrity/>).

ющими органами власти и новыми, специально созданными (ad hoc) структурами и формированиями.

Наконец, работоспособность перестроенного под климатические приоритеты государственного механизма была подкреплена соответствующими кадровыми решениями. Было обеспечено продвижение на высшие должности в администрации людей, которые обладают компетенциями в области климатической повестки. Кабинет Байдена стал, без сомнения, самым «климатическим» в истории США.

Данный бюрократический аппарат превосходит по масштабам и статусу все величайшие в истории США программы, включая атомную («Манхэттен») и лунную («Аполлон»). По мнению автора, создавался он под совершенно особые цели, не имеющие отношения к спасению планеты. Скорее в задачи США входят:

- внутренний контроль, который обеспечивает усиление финансового влияния «зеленого» лобби в экономике и политике, а также индоктринацию американского общества климатическим алармизмом и подавление альтернативных точек зрения. В результате обеспечивается финансовое и идеологическое господство Демократической партии и ее несменяемость в американской власти;
- внешний контроль, который позволяет США руководить экономиками всех стран мира и всех ведущих корпораций (через головы национальных правительств), включая управление приоритетами развития, механизмами регулирования национальных экономик, нормами и правилами корпоративного поведения и управления (такими, как механизм ESG – «экология, социальная политика, корпоративное управление»).

Общим названием для объявленной Вашингтоном климатической кампании можно считать термин «Нулевая мировая война» (World War Zero), который предложил Дж. Керри незадолго до своего второго прихода во власть. В администрации Дж. Байдена он занял должность Специального посланника президента США по климату со статусом члена Совета национальной безопасности.

Приготовления и меры мобилизационного типа, предпринятые Вашингтоном, создавали впечатление, что Соединенные Штаты попробуют переделать себя и мир в соответствии с климатической повесткой. Каких результатов удалось им добиться за последние два года?

Странные оттенки «зеленого»

Следует начать с ситуации внутри США. На ней климатические меры администрации Байдена должны были бы сказаться в первую очередь. На такие изменения надеялись «зеленые» движения и активисты в Штатах, которые приветствовали его приход к власти. У них были основания для надежд: получив единый контроль над Белым домом и Конгрессом, демократы объявили о быстрой декарбонизации американской экономики. К 2030 г. выбросы должны составить 48–50% от уровня 2005 г. К 2035 г. планируется перевести всю электроэнергетику на безуглеродные типы генерации, полностью отказавшись от минерального топлива. Более того, к 2050 г. выбросы, в соответствии с температурными целями Парижского соглашения, должны достигнуть чистого нуля.

Первые шаги обнадеживали: в частности, Дж. Байден начал борьбу с одиозным проектом строительства нефтепровода Keystone XL. Строительство трубопровода длиной более 3 тыс. миль (от нефтяных месторождений Альберты (Канада) до техасских нефтеперерабатывающих заводов) на протяжении многих лет было знаковым для Америки предметом острой полемики, судебных разбирательств и даже протестов с массовыми арестами. Проект в свое время запретил Б. Обама, но возобновил Д. Трамп. На время предвыборной

кампании Дж. Байдена он находился в «замороженном» состоянии после серии судебных процессов, которые начали Совет по защите природных ресурсов (Natural Resources Defense Council) и другие «зеленые» НПО.

Кампания против Keystone XL обладала существенным медийным ресурсом: достаточно упомянуть, что письма протеста против его сооружения подписывали Далай-лама, архиепископ Д. Туту, Дж. Картер и другие знаменитости. В 2014 г. в течение 30-дневного периода общественного обсуждения в Государственный департамент США было направлено более двух миллионов комментариев с призывом отказаться от строительства трубопровода⁴. Понятно, что пренебречь такой популярной темой предвыборный штаб Дж. Байдена не мог: запрет на строительство нефтепровода стал одним из заметных пунктов в предвыборных обещаниях Байдена. Свое обещание он выполнил: в первый же день пребывания в должности объявил об отзыве данного Трампом разрешения на строительство Keystone XL. Поняв, что сопротивление бесполезно, в июне 2021 г. инициатор проекта – компания TC Energy – объявила, что навсегда отказывается от планов построить трубопровод.

Данный шаг имел широкий резонанс и повысил репутацию администрации Байдена у электората. Не меньший отклик имело распоряжение президента США приостановить бурение всех нефтяных и газовых скважин на федеральных землях (на них добывают 22% всех углеводородов Соединенных Штатов). Громких комментариев удостоились президентские планы обязать всех федеральных чиновников использовать в качестве служебных машин исключительно электромобили. Некоторые политики отреагировали на эти планы еще до их объявления: например, спикер Палаты представителей Н. Пелоси купила акции производителя электрокаров Tesla на 500 тыс. долл накануне этого решения.

Тем не менее, скоро для многих «зеленых» энтузиастов эйфория сменилась разочарованием: реальные шаги администрации стали расходиться с объявленным курсом. Первым таким решением стала отмена Дж. Байденом судебного запрета на добычу углеводородов в Мексиканском заливе. Речь идет о крупнейшей продаже прав на разработку нефте- и газоносных участков в американской истории (Lease Sale 257). Объектом сделки выступали 80 млн акров поверхности (0,324 млн кв. км). Во время президентства Трампа контракт одобрило Министерство внутренних дел США, но его отменил федеральный суд. После решения Байдена Министерство внутренних дел США (Department of the Interior) объявило о распродаже прав на аренду наиболее привлекательных участков, расположенных на мелководье (с глубиной до 200 м). На первых торгах в Новом Орлеане были проданы права на разработку первых 308 участков на общую сумму 191 млн долл. Главными победителями торгов стали Chevron USA Inc., Exxon Mobil Corp. и BP Exploration & Production Inc⁵.

Однако легитимность торгов была оспорена: экологическая организация Earth Justice подала иск против аукциона в окружной суд федерального округа Колумбия. Тот привлёк Министерство внутренних дел к ответственности за то, что ведомство еще до тендера недооценило климатические последствия и риски для сообществ Мексиканского залива. В итоге в январе 2022 г. федеральный судья аннулировал сделку из опасений, связанных с ее потенциальным воздействием на изменение климата⁶. Данное решение означало не

⁴ Denchak M., Lindwall C. What Is the Keystone XL Pipeline? Natural Resources Defense Council. March 15, 2022. (<https://www.nrdc.org/stories/what-keystone-pipeline>).

⁵ Adams M. Firms submit \$191 million in high bids in Lease Sale 257. Oil & Gas Journal. Nov. 17, 2021. (<https://www.oil.com/general-interest/government/article/14214188/firms-submit-191-million-in-high-bids-in-lease-sale-257>).

⁶ US judge nullifies DOI's GoM Lease Sale 257 over climate change concerns. NS Energy. 31 Jan 2022. (<https://www.nsenergybusiness.com/news/us-judge-cancels-gom-lease-sale-257/>).

только отмену результатов ноябрьского тендера: под удар попали все возможные в будущем тендеры по территории Lease Sale 257. Согласно выводам инстанций, Министерство внутренних дел неточно выявило и не приняло во внимание выбросы парниковых газов, которые могут возникнуть в результате продажи прав на аренду участков.

Ситуация с Lease Sale 257 серьезно ухудшила «зеленый» имидж администрации Байдена; впрочем, она не была единственной в своем роде. Даже решение об отмене строительства Keystone XL вызывало сомнения в чистоте намерений: как известно, единственной альтернативой этому трубопроводу была и остается железнодорожная перевалка. Последняя увеличивает осуждаемый экологами углеродный след доставки каждой тонны нефти. Также следует отметить, что в США этот прибыльный бизнес не без оснований связывают с именем одного из ведущих спонсоров предвыборной кампании Байдена.

Нефтяной разворот Дж. Байдена

Перечисленные факты меркнут на фоне энергетической дискуссии, которая не утихает в США с конца февраля 2022 г. Конфликт коллективного Запада с Россией, де-факто возглавляемый США, позволил реально оценить приверженность администрации Байдена провозглашенным климатическим лозунгам. Как оказалось, цена им невелика: забыв об объявленной «войне за климат», Штаты подготовили и спровоцировали настоящую прокси-войну с тысячами человеческих жертв. В результате они продемонстрировали взаимозаменяемость этих инструментов, один из которых был сочтен более эффективным в борьбе с геополитическими конкурентами.

В свете продиктованной администрацией Байдена климатической повестки предпринятые им в последние месяцы шаги можно назвать «ночным кошмаром» «зеленых». Перечислим вкратце лишь некоторые.

В апреле 2022 г. Байден нарушил обещание не бурить скважины на федеральных землях США. Планы сдавать в аренду меньше земли для бурения, взимать более высокую плату с нефтегазовых компаний, а также регулярно отслеживать изменения в экологической обстановке на промыслах были положены под сукно. Взамен администрация объявила, что США возобновят бурение нефтяных и газовых скважин на государственной земле.

31 марта 2022 г. президент США назвал кризисной ситуацию с высокими ценами на бензин на американских автозаправках. Стоимость галлона бензина поднялась с 2 долл. в 2020 г. до 5 долл. (на дизель – около 6 долл.). Чтобы сбить цены, власти планировали высвободить 180 млн баррелей нефти из стратегического резерва (SPR) США. Первые продажи стартовали в мае 2022 г. Мера имела только частичный успех, за неполный год сбив цены примерно на 1 долл. Однако возникли вопросы по поводу использования стратегического резерва, который создавался в совершенно других целях, для регулирования рынка.

Одновременно администрация начала небывалый прессинг в отношении нефтяников и газовиков, требуя от них резко увеличить добычу. Байден пошел на неприкрытый шантаж, призвав к политике «плати или качай». Для нефтегазовых компаний она означала бы новые платежи за расположенные на федеральных землях участки разработки, которые они по разным причинам не используют. Тот факт, что эти участки компании взяли в аренду по итогам тендеров и уже заплатили за это правительству, президент США не упоминал.

Однако в вопросе увеличения добычи «зеленая» администрация столкнулась с результатами собственной климатической политики, одним из лозунгов которой был «топливо должно остаться в земле». Данный слоган, тиражируемый всеми «зелеными» НПО,

в реальной экономике привел к ряду неприятных для нефтегазовой отрасли последствий. В частности, пенсионные фонды вышли из капиталов финансовых институтов, которые кредитуют проекты углеводородного топлива; далее по цепочке финансовые институты вышли из проектов upstream и downstream в нефтяной и газовой промышленности. В итоге за последние годы в отрасли был искусственно сформирован устойчивый дивестиционный тренд, приведший к недофинансированию, прежде всего, разведки и разработки новых месторождений, без которых невозможно даже просто воспроизводить существующие объемы добычи.

В США к тренду добавилась традиционная зависимость бизнеса американских «сланцевиков» от кредитов: горизонтальная скважина в плотных сланцевых породах «работает» 5–7 лет, после чего ее надо заменить новой, что требует капиталовложений (для традиционной добычи цикл составляет 30–35 лет). Несколько лет назад падение цен на углеводороды привело к разорению ряда мелких и средних «сланцевых» компаний, которые не могли расплатиться за взятые ими кредиты. «Выжившие» смогли справиться с ситуацией за счет реструктуризации кредитов, платежи по которым не закрыты до сих пор.

Данный опыт не хотят повторять нефтяные компании, которые понимают, что новые обязательства по расширению добычи могут привести к разорению – тем более, что условия кредитования будут далекими от благоприятных. Банки не хотят попасть в «черные списки» «зеленых» НПО, так как это чревато серьезными репутационными потерями и оттоком вкладчиков. Соответственно, льготы под такие проекты они выдавать не будут.

Пассивность нефтяных компаний имеет еще одно веское основание: они понимают, что государство требует от них идти на риск, однако не собирается защищать бизнес от нападков по «климатической» линии. Данное подозрение подтвердилось в мае 2022 г.: на пике своей зависимости от американских нефтяных компаний демократическая администрация Байдена не предприняла шагов, чтобы защитить их от атаки со стороны контролируемого теми же демократами штата Нью-Йорк. Штат принял закон, который требует от нефтяных, газовых и угольных компаний компенсации за сокрытие информации о том, что их деятельность приводит к повышению температуры и изменению климата. При этом выплаты должны покрывать период, начиная с 2000 г., – их общая сумма составляет 30 млрд долл.⁷

Миссия на Ближний Восток и ее итоги

В сложившейся ситуации властям США трудно требовать от нефтяных компаний США самопожертвования. Тем более сложно убедить другие нефтедобывающие страны увеличить добычу, чтобы сбить мировые цены на нефть. Однако Соединенные Штаты решили попытаться найти желающих добровольно сократить собственные доходы или добывать больше нефти за прежние деньги. Первыми результатами такой политики стали безуспешные переговоры с Венесуэлой и с Ираном.

После этого провала единственная надежда получить желаемый результат была возложена на зависимые в военном отношении страны арабского Востока. Однако и здесь климатическая повестка Запада вернулась Штатам бумерангом: давно страдающие от спровоцированного ею дивестиционного тренда арабские нефтедобывающие страны обрели наконец шанс взять реванш. Впечатляющее начало положил наследный принц Саудовской

⁷ Lisa K. Fossil fuel giants would pay New York state \$30 billion under new climate bill. Spectrum news. May, 27, 2022. (<https://spectrumlocalnews.com/nys/central-ny/politics/2022/05/27/fossil-fuel-giants-to-pay-state--30b-under-new-climate-bill>).

Аравии Мухаммед ибн Салман, который в марте 2022 г. в ответ на звонок Дж. Байдена просто отказался подойти к телефону.

Байденоу пришлось смириться с таким отношением и готовиться к разрекламированному визиту на Ближний Восток. Однако переговоры ни к чему не привели: ни ОАЭ, ни Саудовская Аравия не пошли Вашингтону навстречу. Как отметил ведущий аналитик Королевского института международных отношений (Chatham House) С. Вакил, «Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовская Аравия обнародовали свои растущие претензии к Вашингтону... заняв нейтральную военную позицию и сохранив приверженность существующим договоренностям ОПЕК+ по добыче» [Vakil 2022].

В самих Штатах итоги миссии Байдена рассматривают по-разному. Например, бывший посол США в Египте и Израиле Д. Курцер и сотрудник фонда Карнеги А. Миллер считают, что причиной неудачи президента США стало недостаточное внимание к региону Ближнего Востока в последние годы. В качестве аналогии они приводят фразу Дж. Шульца, их бывшего начальника в Госдепартаменте: «Если вы посадите сад и уедете на полгода, что у вас будет, когда вы вернетесь? Сорняки. С дипломатией то же самое» [Miller, Kurtzer 2022].

Будучи хранителями традиций старой дипломатической школы, построенной на обтекаемых формулировках, Курцер и Миллер явно проявляют деликатность, полагая, что такой небывалый отпор Штатам можно объяснить только невниманием к региону. Под словом «невнимание», видимо, подразумевается нечто большее, а именно: открытое пренебрежение интересами арабских нефтедобывающих стран, демонизация их как производителей «грязного» топлива, отказ многих банков от финансирования проектов нефтедобычи в этих странах. На протесты арабского мира против такой агрессивной «климатической» атаки США не реагировали годами, делая вид, что ничего не происходит.

Несколько другой позиции придерживается профессор Колумбийского университета А. Туз: по его мнению, сам факт обращения президента США к арабским странам с просьбой добывать больше нефти свидетельствует о банкротстве климатической политики Америки (провозглашающей всеобщий отказ от углеводородов). Он также недоумевает, почему администрацию Байдена не устраивают высокие цены на нефть, ведь в рамках климатической доктрины это положительный знак [Abadi 2022].

Трудно не согласиться с А. Тузом: чем ниже цены на минеральное топливо, тем сложнее вывести «зеленые» источники энергии на приемлемый уровень рентабельности. Низкие цены на органическое топливо означают большие субсидии на возобновляемые источники (ВИЭ), которые либо выделяет государство, либо их перекладывают на потребителя через механизм «зеленых тарифов». С возрастанием цен на нефть, газ и уголь ВИЭ быстро выходят на уровень окупаемости, сопоставимый с традиционной энергетикой. Казалось бы, «зеленые» действительно должны радоваться повышению цен.

Тем не менее, необходимо принимать во внимание планы масштабных бюджетных трат на ВИЭ, анонсированные демократами еще во время предвыборной кампании. Конечно, банальное коррупционное «освоение» бюджетных средств нельзя считать единственным стимулом прихода команды Байдена во власть, однако и такая мотивация могла присутствовать. За спиной нынешней администрации стоят многочисленные компании «зеленой» энергетики, фонды, банки, инжиниринговые, консалтинговые, юридические фирмы и другие потенциальные бенефициары климатических программ. Ранее они не получили триллионные ассигнования по плану Обамы «Чистая энергия» (Clean Power Plan), который заблокировал в 2016 г. Верховный суд США и окончательно свернул Д. Трамп. С приходом Дж. Байдена в Белый дом выгодоприобретатели решили вознаградить себя за долгое ожидание.

Битва за правила игры

Намерениям администрации предстояла нелегкая проверка в наступившей после февраля 2022 г. эпохе турбулентности. Примером тому служит судьба законопроекта по т. н. плану «Отстроим заново лучше» (Build Back Better, BBB) с намеченным бюджетом в 1,5 трлн долл.⁸, который подготовили в июле 2021 г. Против документа единодушно выступили республиканцы, из-за чего он не смог пройти согласование в Сенате. Законопроект Build Back Better, который в декабре 2021 г. подписал президент Дж. Байден, предусматривал значительно меньший бюджет – 555 млрд долл.

Новую версию законопроекта согласовать также не удалось: главным виновником провала объявили Дж. Манчина, сенатора-демократа с центристскими взглядами из угольного штата Западная Вирджиния. Встав на сторону республиканцев, в июле 2022 г. он лишил демократов возможности набрать большинство голосов в Сенате, необходимое для принятия законопроекта Build Back Better. Как сообщает газета Washington Post, не помогли даже уступки для отрасли ископаемого топлива, которые Манчину обещал Ч. Шумер, лидер демократического большинства в Сенате⁹.

Впрочем, при всей важности роли личности в истории на судьбу законопроекта в большей мере повлияли объективные факторы. В первую очередь сыграли роль опасения о дальнейшем росте инфляции, и без того бьющей рекорды в Соединенных Штатах, и падающий по этой и другим причинам рейтинг президента. Неприятности команды Байдена с продвижением климатической повестки не закончились на блокировке Build Back Better: еще один удар нанес Верховный суд США. Большинство голосов (6:3) суд постановил, что Закон США о чистом воздухе (Clean Air Act) не предоставляет Агентству по охране окружающей среды широких полномочий по регулированию выбросов парниковых газов от электростанций¹⁰. По мнению консервативных судей, их решение направлено против того, что они считают неконтролируемой властью федеральных агентств. Тем самым администрация лишилась критически важного рычага воздействия на генерирующий сектор, который позволил бы в широких пределах регулировать нормы удельных выбросов парниковых газов на электростанциях, создавая проблемы для традиционной генерации.

Суть решения пояснил генеральный прокурор Западной Вирджинии П. Моррисси, который возглавил процесс против Агентства по охране окружающей среды. По его словам, «Агентство по охране окружающей среды больше не может обходить Конгресс, чтобы осуществлять широкие регулирующие полномочия, которые радикально изменяют энергетическую сеть страны и заставят штаты кардинально отказаться от производства электроэнергии на угле»¹¹.

Итог голосования в Верховном суде вызвал немедленную реакцию президента США, который назвал вердикт «еще одним разрушительным решением, направленным на то, чтобы отбросить нашу страну назад». Он также подчеркнул, что не отступится от использования своих законных полномочий для защиты общественного здравоохранения и борьбы с климатическим кризисом¹².

⁸ Romm T., Stein J. White House officials are scrambling to advance the president's environmental agenda after talks with Sen. Joe Manchin III stalled. Washington Post. July 19, 2022. (<https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2022/07/18/biden-climate-emergency-manchin/>).

⁹ Там же.

¹⁰ Sherman M. Supreme Court limits EPA in curbing power plant emissions. AP News. June 30, 2022. (<https://apnews.com/article/supreme-court-epa-ruling-2e893673819a1b6c6aa272a5e814f0b0>).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Первый климатический закон: оценка эффективности

Президенту США удалось взять частичный реванш: в августе 2022 г. через Конгресс прошел первый закон климатического характера – т. н. Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, IRA)¹³. Тем не менее, заложенный в IRA бюджет – 370 млрд долл. – оказался в 1,5 раза меньше, чем даже усеченный вариант законопроекта Build Back Better. Важно отметить, что эти ассигнования выделены в расчете на десятилетие; в пересчете на год средний объем выделяемых средств составит 37 млрд долл. Много ли это или мало для решения проблемы, которую Дж. Байден назвал «экзистенциальной угрозой»¹⁴? Все познается в сравнении: во всяком случае, на помощь нынешней украинской власти Вашингтон ассигнует намного *большие* суммы. Данный факт говорит о реальном соотношении приоритетов в американской политике намного лучше, чем заявления Белого дома о продолжении борьбы с климатической угрозой.

К утвержденному документу возникают и другие вопросы: например, в его названии (Закон о снижении инфляции) климат не упоминается вообще. Вряд ли такой выбор случаен: похоже, в администрации поняли, что отсылка к климатической угрозе в нынешней ситуации на рядовых американцев может не подействовать. В результате авторы «замаскировали» свои реальные намерения под решение другой, действительно актуальной для Америки проблемы – инфляции.

Кроме этого, в принятом законе бросается в глаза несоответствие обозначенной в названии цели и средств ее достижения. Согласно доминирующей в США либерально-монетаристской доктрине, главным способом борьбы с инфляцией выступает сокращение бюджетных расходов. С точки зрения этой теории недопустимо решать проблему инфляции бюджетными ассигнованиями. То, что американские власти допускают такие очевидные несообразности, наводит на мысли о деградации качества управления в крупнейшей ядерной державе.

Закон о снижении инфляции (IRA) содержит в себе типовые для документов подобного рода меры, в т. ч.:

- расширение производства возобновляемых источников энергии;
- налоговые льготы для стимулирования продаж электромобилей;
- развитие низкоуглеродных технологий, в т. ч. в сельском хозяйстве и транспорте;
- налоговые кредиты на производство чистого водорода;
- стимулирование использования тепловых насосов;
- финансирование сокращения утечек метана при добыче природного газа в рамках участия США в Глобальной инициативе по метану (создана на Конференции ООН по климату в Глазго, ноябрь 2021 г.);
- поддержка пожароустойчивых лесов, сохранения лесов и посадки деревьев в городах.

Первые отзывы экспертов на принятый Закон о снижении инфляции дают неоднозначную картину. В частности, Совет по международным отношениям (CFR), назвав закон «историческим», отметил в качестве основного недостатка тот факт, что он почти полностью ориентирован на цели сокращения выбросов парниковых газов при отсутствии значимой адаптационной компоненты [Hill, Babin 2022]. Критика имеет под собой основа-

¹³ H.R.5376 – Inflation Reduction Act of 2022. 117th Congress (2021–2022). Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>).

¹⁴ Remarks by President Biden Before Signing Executive Actions on Tackling Climate Change, Creating Jobs, and Restoring Scientific Integrity. The White House. JANUARY 27, 2021. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/27/remarks-by-president-biden-before-signing-executive-actions-on-tackling-climate-change-creating-jobs-and-restoring-scientific-integrity/>).

ния, поскольку Парижское соглашение ООН по климату отдает равный приоритет мерам по митигации (сокращению выбросов) и по адаптации. Для США, которые претендуют на глобальное климатическое лидерство, такой дисбаланс недопустим. CFR отмечает еще один дефект принятого закона с точки зрения климатических целей: морская ветроэнергетика в нем привязана к добыче нефти и газа. Предполагается, что в течение десяти лет Министерство внутренних дел не сможет выдавать разрешение на аренду акваторий под морские ветроэнергетические установки, если в предыдущем году не было арендовано как минимум шестьдесят миллионов акров для добычи нефти и газа. Очевидно, что данное положение стало продуктом компромисса с нефтяным лобби, без которого законопроект не прошел бы одобрение в Сенате. Тем не менее, такой подход неприемлем в глазах не только «зеленых» НПО, но и, к примеру, Евросоюза, который практикует совсем иной подход к сооружению офшорных ветроэнергетических установок.

Подводя итог оценкам Закона о снижении инфляции, уместно задаться вопросом: приведет ли законодательство к значительному сокращению выбросов парниковых газов? Как ожидаемые сокращения соотносятся с обязательствами США по снижению выбросов на 50–52% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г.?

К настоящему моменту комментарии экспертов в основном базируются на результатах одного исследования: имитационного моделирования, которое провел аналитический центр Energy Innovation незадолго до окончательного утверждения Акта [Mahajan et al 2022]. Исследователи предложили следующие сценарии сокращения выбросов на период до 2030 г., коррелирующие с интенсивностью и эффективностью принимаемых в рамках нового закона мер:

- обычный сценарий (business-as-usual): выбросы продолжают в прежнем масштабе в отсутствие нового закона;
- высокоэмиссионный;
- умеренный;
- низкоэмиссионный.

В моделировании Energy Innovation объемы выбросов парниковых газов и уровни снижения выбросов к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. выглядят следующим образом (см. таб. 1).

Таблица 1

Объемы выбросов парниковых газов в США в 2030 г. и уровень снижения выбросов к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. (прогнозы центра Energy Innovation)

Table 1

US GHG Emissions in 2030 and emission reduction rates by 2030 compared with 2005 levels (Energy Innovation forecasts)

Сценарий	Объем выбросов, парниковых газов в 2030 г. (в млрд т CO ₂ -эквивалента)	% снижения выбросов в 2030 г. по отношению к 2005 г.
Обычный сценарий (Business-as-usual)	5,133	–24%
Высокоэмиссионный	4,259	–37%
Умеренный	4,126	–39%
Низкоэмиссионный	3,987	–41%

Источник: [Mahajan et al 2022].

Source: [Mahajan et al 2022].

Как видно из таб. 1, даже самый оптимистичный из предложенных экспертами Energy Innovation сценариев (низкоэмиссионный) предполагает, что IRA приведет к сокращению выбросов к 2030 г. на 41% по сравнению с уровнем 2005 г. Такой результат будет на 9–11% ниже заявленных обязательств США. В остальных сценариях разрыв возрастает, хотя и незначительно: 11–13% (умеренный) и 13–15% (высокоэмиссионный).

Даже если прогнозы Energy Innovation окажутся верными, Штаты не смогут выполнить свои обязательства по сокращению национальных выбросов парниковых газов. Однако, если усомниться в корректности заложенных в модели параметров, то ситуация в плане выбросов для США складывается еще более негативная. Основания для таких сомнений есть: в отчете Energy Innovation разработчики моделей признаются в наличии серьезных неопределенностей по такому базовому параметру, как будущие объемы добычи нефти и газа. Учитывая стремление администрации США увеличивать добычу нефти и особенно сланцевого газа, можно ожидать, что объем выбросов превысит прогнозируемые. К ним следует также прибавить выбросы от транспортировки и сжижения газа на новых терминалах на побережье США, разрешения на строительство которых уже выдали власти страны с прицелом на замену российского газа в Европе американским.

Кроме этого, необходимо учитывать проявившийся в 2021 г. тренд на рост потребления в США угля – самого «грязного» по удельным выбросам вида топлива. В 2021 г. его использование впервые за последние 7 лет возросло на 14,4% – с 476 млн т до 545 млн т¹⁵. Экстраполяция такого тренда может привести к неутешительным итогам с точки зрения только абсолютных национальных выбросов. Что же касается обещания Байдена перестроить к 2035 г. энергетический сектор на модель нулевых выбросов, с большой степенью вероятности, на них придется поставить крест.

Глобальный имидж и глобальные перемены

Как противоречивая динамика событий и действий власти отразится на глобальном имидже Соединенных Штатов – особенно в свете их претензий на климатическое лидерство? Данный вопрос серьезно беспокоит как руководство Белого дома, так и американские экспертные центры, которые понимают, что действия администрации Байдена (особенно в последний год) плохо согласуются с климатическими приоритетами. Авторитета Штатам в мировом сообществе они также не прибавляют. Как отметил специальный посланник США по климату Дж. Керри, неудачи американской климатической программы «замедлили темпы» усилий других стран в сфере сокращения выбросов [Hill, Babin 2022]. Соответственно, администрация Байдена прилагает все усилия для того, чтобы представить закон IRA как крупнейшее достижение в климатической политике США. По мнению экспертов Совета по международным отношениям, этот закон позволит США укрепить свои международные позиции. Более того, предполагается, что «принятие Соединенными Штатами крупнейшего климатического законодательства в своей истории может вдохновить другие страны принять меры, чтобы избежать отставания» [Hill, Babin 2022].

Подобные высказывания свидетельствуют: в Соединенных Штатах до сих пор всерьез верят, что климатическая политика Америки может выступать предметом для подражания. Однако такие соображения вызывают сомнения. Об эффективности IRA можно будет судить, когда он проработает хотя бы несколько лет. Существующие прогнозы говорят о том, что он не обеспечит выполнение Америкой собственных обязательств.

¹⁵ Coal consumption in the United States from 2006 to 2021. Statista.com. (<https://www.statista.com/statistics/243934/coal-consumption-in-the-united-states/>).

В реальных действиях администрации США на внутреннем рынке до сих пор не просматривается вектор в направлении снижения выбросов парниковых газов. Наоборот, линия на увеличение добычи нефти и газа и рост потребления угля свидетельствуют об обратном, что подтвердили результаты 2021 г.: в США выбросы CO₂, связанные с энергетикой, увеличились на 296 млн т (6%) по сравнению с уровнем 2020 г.¹⁶

Дела с усилиями США по снижению выбросов парниковых газов за пределами государства обстоят еще хуже. Достаточно вспомнить о настойчивых требованиях Вашингтона к нефтедобывающим странам нарастить добычу (что, разумеется, выразилось бы в увеличении выбросов метана и CO₂). Более того, Штаты провоцируют рост глобальных выбросов даже там, где без их вмешательства они бы не произошли: так, США в июне 2022 г. посодействовали блокированию проекта сооружения в Греции газового хаба от газопровода Medgaz, рассчитанного на снабжение самой Греции и Европы из месторождения «Левиафан» в Средиземном море. Выбросы от такого трубопровода с коротким плечом были бы в разы ниже выбросов от схемы с американским СПГ (включающей сжижение и разжижение газа, а также длительную корабельную транспортировку). За один год разница могла бы составить миллионы тонн CO₂. Однако жесткое давление американской делегации во главе с Викторией Нуланд вынудило Грецию отказаться от трубопроводного проекта и согласиться строить терминал по приему СПГ из США.

Такие ситуации не лучшим образом отражаются на отношениях США с ЕС, лидеры которого изначально возлагали на Дж. Байдена большие надежды. Так, механизм пограничного углеродного налога (т.н. Carbon border adjustment mechanism, CBAM) Еврокомиссия разрабатывала в расчете на приход к власти Кабинета демократов. Однако новая администрация США отнеслась к инициативе весьма прохладно. В марте 2021 г. Дж. Керри предупредил, что этот налог ЕС должен быть только крайней мерой, заявив, что он «имеет серьезные последствия для экономики, отношений и торговли»¹⁷. Примечательно, что после введения CBAM Демократическая партия выдвинула предложение о пограничном налоге на выбросы углерода, но Белый дом официально его не одобрил. Тем не менее, резкое ухудшение отношений с Китаем заставило власти США посмотреть на вопрос с точки зрения давления на эту страну. Как средство влияния на Китай пограничный углеродный налог может оказаться вполне востребованным. В частности, первое предложение такого рода внесли в Конгресс в июле 2021 г. Авторами проекта стала группа сенаторов-демократов во главе с К. Кунсом (Делавэр) и С. Питерсом (Калифорния). Они предложили ввести углеродный налог на импорт из Китая и ряда других стран; согласно оценке авторов, доход от такой меры может составить до 16 млрд долл. в год¹⁸. Тариф предлагалось ввести с 2024 г. и применять его примерно к 12% продукции, импортируемой в Соединенные Штаты. В первую очередь налогом планировалось охватить нефть, природный газ и уголь, а также товары с большим углеродным следом, такие как алюминий, сталь, железо и цемент.

Тем не менее, предложение встретило сильную оппозицию в Сенате – прежде всего со стороны республиканцев, обеспокоенных перспективой торговой войны с Китаем. Белый

¹⁶ U.S. energy-related CO₂ emissions rose 6% in 2021. U.S. Energy Information Administration. May 13, 2022. (<https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52380#:~:text=In%202021%2C%20U.S.%20energy%2Drelated,19%20pandemic%20began%20to%20subside>).

¹⁷ Taylor K. US raises concerns over Europe's planned carbon 'border tax'. EURACTIV.com. May 11, 2021. (<https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/us-raises-concerns-over-europes-planned-carbon-border-tax/>).

¹⁸ Friedman L. Democrats Propose a Border Tax Based on Countries' Greenhouse Gas Emissions. The New York Times. July 19, 2021. (<https://www.nytimes.com/2021/07/19/climate/democrats-border-carbon-tax.html>).

дом также не поддержал инициативу, так как был осведомлен о негативной реакции Си Цзиньпина и группы BASIC (Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай) в целом на инициативу ЕС.

Впрочем, драматичные события 2022 г. отодвинули обсуждение этой проблемы на второй план. Противостояние США и Китая привело в августе 2022 г. к небывалому шагу Пекина: полному разрыву сотрудничества с США в области климата. Этот шаг потребовал от Китая немалой решительности, учитывая то, какое внимание он уделял данной тематике и сколько усилий прилагал, чтобы позиционировать себя как ответственного игрока в глобальных климатических усилиях. Это действие также стало шоком для Соединенных Штатов, которые на протяжении многих лет вовлекали Китай в сотрудничество по климатической повестке, создавая новые форматы и программы взаимодействия и не без оснований рассматривая их в качестве инструмента влияния.

Официально Китай объявил об отмене сотрудничества, отказавшись участвовать в двусторонней рабочей группе по климату с США сразу после поездки спикера Палаты представителей Н. Пелоси на Тайвань. Однако Штаты закон IRA сочли достаточным поводом для того, чтобы требовать от Пекина возобновить взаимодействие. Посол США в Китае Н. Бернс написал в Твиттере: «США работают по проблеме изменения климата. Недавний законопроект, принятый Конгрессом, является крупнейшей инвестицией в изменение климата в нашей истории и может привести к сокращению выбросов в США примерно на 40% к 2030 году. КНР должна последовать этому примеру и пересмотреть свое приостановление сотрудничества в области климата с США»¹⁹.

В ответ МИД КНР иронично отметил: «Приятно слышать. Но что важно, так это то, смогут ли США добиться результата?»²⁰.

Намек более чем прозрачный: Штатам дали понять, что подходит к концу то время, когда они занимали особое положение в глобальной климатической повестке, то входя в Киотский протокол и Парижское соглашение, то выходя из них.

Соединенные Штаты не привыкли к тому, чтобы их оценивали по результатам, на общих основаниях. Данный факт подтверждает позиция посла США в Китае Н. Бернса, который недоумевает, почему исчезли знаки лояльности, несмотря на то что документ уже подписан.

Ответ Китая однозначно подтверждает: Пекин больше не намерен мириться с таким положением. Он начинает требовать ответственности от Америки, причем от имени всех развивающихся стран. Пекин имеет на такие высказывания полное основание, поскольку на протяжении многих лет он считается негласным лидером группы G77+China, которая объединяет 134 страны – весь развивающийся мир. Именно G77+China представляет развивающиеся страны на глобальных климатических переговорах ООН.

Китайский МИД в качестве условия возобновления сотрудничества обозначил, что США должны финансировать Зеленый климатический фонд под эгидой ООН, а главное – выполнить обещание развитых стран выделять развивающимся странам помощь на климатические проекты, объем которой к 2020 г. должен был достигнуть 100 млрд долл. в год. Данное обязательство Х. Клинтон приняла в 2009 г. на Конференции ООН по климату в Копенгагене, оно вошло в т. н. Копенгагенское соглашение (Copenhagen Accord).

Однако к сумме в 100 млрд долл. в год развитые страны не приблизились до сих пор, причем сильнее всех отстают США. По данным доклада исследовательского центра World

¹⁹ China responds coolly to US climate bill, rejecting a call to resume cooperation. Climate Change News. 17/08/2022. (<https://www.climatechangenews.com/2022/08/17/china-responds-coolly-to-us-climate-bill-rejecting-a-call-to-resume-cooperation/>).

²⁰ Там же.

Resources Institute, основной вклад внесли Германия, Франция и Япония, у которых климатическое финансирование составило более 0,25% валового национального дохода. Показатель США оказался самым низким среди всех развитых стран: 0,03% ВНД [Bos et al 2021]. Не лучше обстоит дело и с финансированием Зеленого климатического фонда: за весь период его работы вклад Штатов составил менее 1 млрд долл., в то время как Япония внесла 3 млрд долл., а Евросоюз – более 9 млрд долл.²¹

На разрыв между обязательствами США и их реальным вкладом неоднократно обращали внимание развивающиеся страны. Реальный объем платежей США в рамках 100-миллиардного пакета, исходя из масштабов экономики, должен составить десятки миллиардов долларов в год – сумму, сопоставимую с бюджетным финансированием в рамках закона IRA. В Пекине требуют именно адекватного вклада США (The US Climate Fair Share). В рамках встречи Си Цзиньпина с Дж. Байденом на полях саммита G20 на Бали (ноябрь 2022 г.) Китай согласился на возврат в формат сотрудничества с США по климату, но добился взамен серьезных уступок от США. Штатам пришлось пойти на ответный шаг: они мобилизовали страны Запада для создания нового фонда, который будет возмещать развивающимся странам потери и ущерб от изменения климата. Соответствующее решение приняли на прошедшей в ноябре-декабре 2022 г. Конференции ООН по климату в Шарм-эль-Шейхе. Данный шаг, тем не менее, вряд ли приблизит признание США в качестве глобального климатического лидера со стороны развивающихся стран, которые осведомлены о роли Китая в этих договоренностях.

* * *

Пришедшая к власти на лозунгах борьбы с изменениями климата администрация Байдена за два с лишним года не смогла развернуть климатическую политику, сколь-нибудь сопоставимую по масштабности и системности со стратегией Евросоюза в этой области. Государственный аппарат не обеспечил быстрый разворот в сторону климатической тематики, несмотря на продуманность организационно-управленческих решений и механизмов координации, заложенных администрацией Байдена для продвижения данной повестки.

Вместо организованной работы администрация США все больше склоняется к методам «ручного управления», а ее действия стали обретать бессистемный и хаотичный характер. Их направленность открыто противоречит климатическим приоритетам: курс на увеличение добычи нефти и газа, а также рост потребления угля привели к первому за несколько лет увеличению выбросов парниковых газов в энергетике США. Прогнозы демонстрируют, что США не смогут выполнить намеченные на 2030 г. обязательства по снижению выбросов.

Сложившаяся ситуация ставит под сомнение претензии США на роль глобального климатического лидера. Их, по всей вероятности, отвергнут развивающиеся страны и Китай. Последний превратил сотрудничество с США по климатической тематике в инструмент манипуляции. Шаги Пекина привели США и западные страны к капитуляции перед требованиями развивающегося мира в части климатического финансирования. Впоследствии конфронтационные тренды последних месяцев могут распространиться на глобальную климатическую повестку. Такой поворот событий потребует от России адекватных действий и возможного пересмотра форматов и тактики внешней и внутренней климатической политики.

²¹ China responds coolly to US climate bill, rejecting a call to resume cooperation. Climate Change News. 17/08/2022. (<https://www.climatechangenews.com/2022/08/17/china-responds-coolly-to-us-climate-bill-rejecting-a-call-to-resume-cooperation/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рогинко С.А. (2021) Климатический поворот США: цели и средства // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 53–65.

Abadi C. (2022) Biden's Push for Lower Energy Prices Amounts to a "Declaration of Bankruptcy" // *Foreign Policy*, July 14. (<https://foreignpolicy.com/2022/07/14/biden-lower-energy-prices-bankruptcy-climate-policy/>).

Bos J., Gonzalez L., Thwaites J. (2021) Are Countries Providing Enough to the \$100 Billion Climate Finance Goal? // *World Resources Institute*, October 7. (<https://www.wri.org/insights/developed-countries-contributions-climate-finance-goal/>)

Hill A., Babin M. (2022) What the Historic U.S. Climate Bill Gets Right and Gets Wrong // *Council on Foreign Relations*. August 17. (<https://www.cfr.org/in-brief/us-climate-bill-inflation-reduction-act-gets-right-wrong-emission>).

Mahajan M., Ashmoore O., Rissman J., Orvis R., Gopal A. (2022) *Modeling the Inflation Reduction Act Using the Energy Policy Simulator*. *Energy Innovation*. August.

Miller A., Kurtzer D. (2022) Biden's Brief Middle East Pivot Won't Last // *Foreign Policy*. July 19. (<https://foreignpolicy.com/2022/07/19/biden-middle-east-trip-saudi-israel-russia-ukraine-iran/>).

Vakil S. (2022) Biden's Middle East Trip Shows the Long Game is his Aim // *Chatham House*. July 19. (<https://www.chathamhouse.org/2022/07/bidens-middle-east-trip-shows-long-game-his-aim>).

REFERENCES

Abadi C. (2022) Biden's Push for Lower Energy Prices Amounts to a "Declaration of Bankruptcy". *Foreign Policy*. July 14. (<https://foreignpolicy.com/2022/07/14/biden-lower-energy-prices-bankruptcy-climate-policy/>).

Bos J., Gonzalez L., Thwaites J. (2021) Are Countries Providing Enough to the \$100 Billion Climate Finance Goal? *World Resources Institute*. October 7. (<https://www.wri.org/insights/developed-countries-contributions-climate-finance-goal>).

Hill A., Babin M. (2022) What the Historic U.S. Climate Bill Gets Right and Gets Wrong. *Council on Foreign Relations*. August 17. (<https://www.cfr.org/in-brief/us-climate-bill-inflation-reduction-act-gets-right-wrong-emission>).

Mahajan M., Ashmoore O., Rissman J., Orvis R., Gopal A. (2022) Modeling the Inflation Reduction Act Using the Energy Policy Simulator. *Energy Innovation*. August.

Miller A., Kurtzer D. (2022) Biden's Brief Middle East Pivot Won't Last. *Foreign Policy*. July 19. (<https://foreignpolicy.com/2022/07/19/biden-middle-east-trip-saudi-israel-russia-ukraine-iran/>).

Roginko S. (2021) Klimaticheskii povorot SShA: tseli i sredstva [US Climate Turn: Goals and Means]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 53–65.

Vakil S. (2022) Biden's Middle East Trip Shows the Long Game is his Aim. *Chatham House*. July 19. (<https://www.chathamhouse.org/2022/07/bidens-middle-east-trip-shows-long-game-his-aim>).

Информация об авторе

Рогинко Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Профессор Финансового Университета при Правительстве РФ. Адрес: 125167, г. Москва, Ленинградский пр-т., д. 49/2. E-mail: roginko@bk.ru

About the author

Sergey A. Roginko, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Environment & Development Center, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11–3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. Professor, Financial University of the Government of Russian Federation. Address: Leningradsky Ave, 49, Moscow, 125167. E-mail: roginko@bk.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 07.09.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 19.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 14.04.2023

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S0869049923020053
EDN: CELUUP

Оригинальная статья / Original article

Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер

© В.Б. БЕЛОВ, А.В. КОТОВ

Белов Владислав Борисович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), belov@instituteofeurope.ru. ORCID: 0000-0002-5096-193X

Котов Александр Владимирович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), alexandr-kotov@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-2990-3097

В ходе кардинальных изменений внешнеэкономической стратегии России в 2022 г. интересна эволюция внешнеторговых связей ЕС и РФ. Гипотеза работы заключается в том, что в условиях, когда Москва выстояла под прессом беспрецедентных ограничений, а Брюссель снизил конкурентоспособность собственного хозяйственно-политического пространства, возник новый механизм «санкционного взаимодействия» ЕС и России. Особенную актуальность теме придает развертывание в ЕС системы контроля за соблюдением принятых десяти пакетов санкций, мер стимулирования обмена данными между странами, а также доработка правил интерпретации и применения ограничительных мер. Обобщен ряд европейских и германских инициатив, которые негативно повлияли на хозяйственное сотрудничество с Россией в 2022 г. Проанализированы последствия комплексного давления Евросоюза как на РФ, так и на свой бизнес. Представлен прогноз дальнейшего развития отношений. Особое внимание уделено ФРГ – важному внешнеэкономическому партнеру России, который играет основную роль в формировании санкционной политики ЕС. Представлены результаты расчетов новых пропорций ЕС-российской и германо-российской торговли. Подробно описаны структурные сдвиги по ключевым товарным группам. Сделан вывод о том, что объем экспорта промышленных и технологических товаров из Евросоюза существенно сократился. Импорт энергоресурсов из России в ЕС по итогам года значительно возрос в стоимостном выражении, однако его физические объемы ощутимо сократились. Отмечено, что для развития экономической кооперации в неподсанкционных нишах значимость приобретают регионы Центральной Азии и Южного Кавказа, которые в длительной перспективе могут стать «мостом» между хозяйственно-политическими пространствами ЕС и России. Разработана матрица корпоративных стратегий европейских компаний по присутствию на российском рынке, которая демонстрирует, что около 40% компаний продолжают работать в России в той или иной форме. Сделан вывод о росте «двойных рисков» для экономических отношений европейских и

российских компаний в экономическом пространстве ЕС (из-за ужесточения контроля) и для остающихся европейских игроков в России, по-прежнему испытывающих мощное давление со стороны средств массовой информации.

Ключевые слова: Европейский союз, Германия, ФРГ, Россия, санкции, экономическая кооперация

Цитирование: Белов В.Б., Котов А.В. (2023) Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 72–89. DOI: 10.31857/S0869049923020053, EDN: CELUUP.

EU-Russia Economic Relations in Conditions of Restrictions

© V. BELOV, A. KOTOV

Vladislav B. Belov, Institute of Europe of RAS (Moscow, Russia), belov@instituteofeurope.ru.
ORCID: 0000-0002-5096-193X

Aleksandr V. Kotov, Institute of Europe of RAS (Moscow, Russia), alexandr-kotov@yandex.ru.
ORCID: 0000-0003-2990-3097

Abstract. The article examines the fundamental changes in the foreign economic strategy of Russia in 2022 and evolution of foreign trade relations between the EU and the Russian Federation. The study hypothesis is that the new mechanism of «sanctions' interaction» between the EU and Russia is emerging. Moscow withstood the pressure of unprecedented restrictions, while Brussels has significantly reduced the competitiveness of its own economic and political space. This problem is particularly relevant because the EU developed a system for monitoring compliance with the adopted ten packages of sanctions, measures to stimulate the exchange of data between countries, and is finalizing the rules for interpreting and applying restrictive measures. It is identified that the EU and German initiatives had a significant negative impact on economic cooperation with Russia in 2022. The consequences of the complex pressure of the European Union on Russia and on their business are demonstrated. Particular attention is paid to the FRG, Russia's main foreign economic partner, that plays a major role in shaping the EU sanctions policy. The forecast for the development of relations is made. The results of calculations of new proportions of EU-Russian and German-Russian trade are presented. Structural shifts in key product groups are analyzed. Significant reduction in exports from the European Union of a number of industrial and technological goods is formed. It is determined that EU imports of energy resources from Russia increased significantly in value terms at the end of the year, but the physical volumes of export have significantly decreased. The development of economic cooperation in non-sanctioned countries of Central Asia and the South Caucasus in the long-term may serve as a "bridge" between the economic and political spaces of the EU and Russia. The matrix of corporate strategies of European companies in terms of presence in the Russian market was developed. It is substantiated that 40% of companies continue to work in Russia. It is concluded that "double risks" develop: for the economic relations of European and Russian companies in the EU economic space due to tightening control and for the remaining European companies in Russia, which are still under pressure from the media.

Keywords: European Union, Germany, Russia, sanctions, economic cooperation

Citation: Belov V.B., Kotov A.V. (2023) EU-Russia Economic Relations in Conditions of Restrictions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 72–89. DOI: 10.31857/S0869049923020053, EDN: CELUUP.

Санкционный режим в условиях «смены эпох»

Система санкций и ответных контрмер, которая последовательно развивалась с 2014 г., стала основным экономическим языком внешнеэкономической политики в отношениях между ЕС и Россией [Политика санкций... 2020]. Постепенно в ней стали обособляться отдельные «грозды санкционного гнева»: «украинский пакет», санкции против трубопроводных проектов, «киберсанкции», «технологические ограничения» и др. с учетом ролей и интересов групп государств [Тимофеев 2021b; Силаева 2017]. В глобальном масштабе Евросоюз становится все более заметным инициатором ограничительных мер. По экспертным оценкам, в настоящее время по отдельным странам действует не менее 26 режимов ограничений ЕС. Таким образом, меры против России можно считать лишь частью его санкционной политики [Тимофеев 2021a]. На первоначальном этапе (2014 г.) санкции ЕС, согласно исследованиям, не оказывали серьезного негативного влияния на российскую экономику [Кашипаров, Смирнова 2016; Огоев, Цуцеева, Калакаева 2017]. Тем не менее, авторы признавали их потенциальный негативный эффект в долгосрочной перспективе [Широв, Янговский, Потапенко 2015; Носов 2019]. В настоящее время ситуация качественно усложняется. Произошел окончательный поворот от сотрудничества к полноценной санкционной политике [Щедрин 2018; Силаева 2018]. Усиливается контроль над пакетами ограничительных мер, разрабатываются рестрикции за обход т. н. «вторичных» санкций, западные эксперты особое внимание уделяют «всплескам» торговли с третьими странами – особенно с теми, которые находятся в непосредственной близости от России.

13 марта 2022 г. Совет ЕС продлил антироссийские санкции в отношении физических лиц и организаций. Данный факт закрепил «смену эпох» (Zeitenwende) в политических и экономических сферах, о которой федеральный канцлер Германии О. Шольц объявил в своем обращении к депутатам бундестага 27 февраля 2022 г. Можно сказать, что именно его речь (в то время председателя в G7) обозначила кардинальные перемены в отношениях с Россией. Среди приоритетов была указана необходимость санкций против российского государства [Белов 2022a]. С конца февраля 2022 г. официальный Берлин последовательно выступал основным инициатором санкционных пакетов Евросоюза, одновременно вводя собственные национальные ограничения¹ (см. рис. 1).

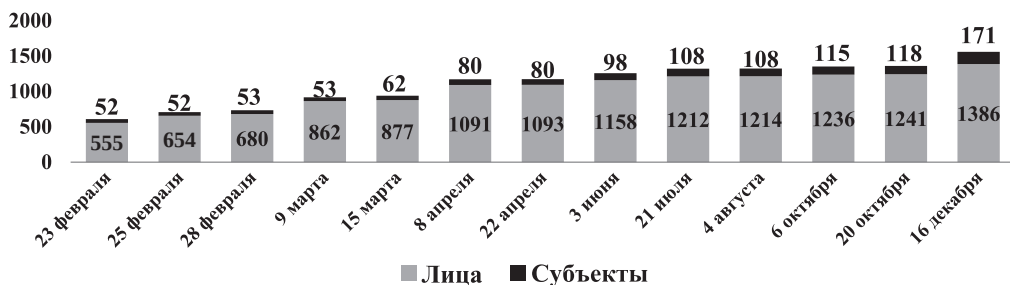

Рисунок 1. Совокупное количество санкций Европейского союза против российских физических лиц и юридических субъектов с февраля по декабрь 2022 г.

Figure 1. Cumulative number of European Union sanctions against Russian individuals and legal entities from February to December 2022

¹ Перечень и содержание ограничительных мер ЕС и Германии против России в 2022–2023 гг. см.: Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle. (https://www.bafa.de/DE/Bundesamt/bundesamt_node.html;jsessionid=8B6D4A8EAB4AD267A8573739C29912C8.intranet242).

Источник: *Cumulative number of European Union (EU) sanctions against Russian individuals and entities over the territorial integrity of Ukraine from March 2014 to February 2023*. Statista. (<https://www.statista.com/statistics/1293589/eu-sanctions-against-russia/>).

Source: *Cumulative number of European Union (EU) sanctions against Russian individuals and entities over the territorial integrity of Ukraine from March 2014 to February 2023*. Statista. (<https://www.statista.com/statistics/1293589/eu-sanctions-against-russia/>).

Спустя год О. Шольц выступил в бундестаге (2 марта 2023 г.) с заявлением, посвященным годовому «юбилею» обострения конфликта вокруг Украины. В нем он подтвердил правильность основных постулатов о «смене эпох», подчеркнув, что необходимо продолжать комплексное санкционное давление на РФ² со стороны ЕС и Германии.

Стремление к энергетической независимости от России

Одним из лейтмотивов ограничительных мер стала цель повысить независимость Германии и Евросоюза от российских первичных энергоносителей – важнейшей основы российского экспорта. О данной задаче неоднократно заявляли и в Брюсселе, и в Берлине еще до специальной военной операции (СВО) РФ на территории Украины, которая ускорила процесс отказа от российских углеводородов. С 10-го августа 2022 г. остановлен импорт угля, с 5-го декабря введен потолок цен на нефть, 5-го февраля 2023 г. были прекращены закупки нефтепродуктов.

В начале апреля Берлин ввел внешнее управление немецкими активами «Газпрома», одновременно подготовив поправки о критической инфраструктуре в Закон об энергетической безопасности. Они не только дают право на такие действия, но и позволяют в будущем национализировать подобные предприятия. В рамках ответных ограничительных мер Москвы группа Gazprom Germania перестала получать газ с мая 2022 г. С одобрения Брюсселя в ноябре активы переименованной компании переданы в собственность немецкого государства. В зоне риска находятся активы концерна «Роснефти», которые с сентября 2022 г. также перешли под внешнее управление Берлина. В середине марта 2023 г. этот режим был продлен еще на полгода.

«Газпром» по техническим причинам с июня стал последовательно сокращать поставки газа через «Северный поток – 1». С конца мая газ перестал поступать в Германию по газопроводу «Ямал – Европа». С сентября трубопроводные поставки российского газа через ФРГ прекратились. В конце сентября были взорваны две нитки первого и одна нитка второго «Северного потока». В то же время за первые девять месяцев 2022 г., по официальным немецким оценкам, на 46% возросли поставки российского СПГ в страны Евросоюза, достигнув исторического максимума в 16,5 млрд куб. м³. Часть этого объема Германия получила через другие европейские государства. С конца 2022 г. заработали первые немецкие плавучие СПГ-терминалы (FSRU) [Котов 2022b].

² Kanzler Olaf Scholz: Kein Friede über die Köpfe der Ukrainer hinweg. Deutscher Bundestag. 02.03.2023. (<https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw09-de-regierungserklaerung-kanzler-933824>).

³ Schriftliche Frage an die Bundesregierung im Monat November 2022. Frage Nr. 11/582. Berlin, 04.01.2023; Kotlyarova L., Neuber H. Kommt unser LNG auch aus Russland? Bundesregierung kann das nicht ausschließen. Berliner Zeitung. 17.01.2023. (<https://www.berliner-zeitung.de/wirtschaft-verantwortung/energie-krise-fluessigerdgas-kommt-unser-lng-auch-aus-russland-bundesregierung-kann-das-nicht-ausschliessen-li.307898>).

Берлин, поддержав Варшаву, с января 2023 г. отказался от поставок нефти по нефтепроводу «Дружба»⁴. В результате возникла проблема со снабжением крупнейших в Восточной Германии НПЗ в г. Лойна и г. Шведт (мажоритарный акционер последнего – «Роснефть» – 54,17%⁵). Предложенные решения проблемы, включая поставки казахстанской нефти через территорию России и заморского сырья через порты Ростка и Гданьска, по состоянию на середину марта оказались неэффективными.

В отличие от нефти, природный газ не попал под европейские санкции. В конце 2022 г. порядка 13% от общего объема газовых поставок в ЕС приходилось на Россию – около 67 млрд куб. м против 153 млрд в предыдущем году (примерно 40%). В Германии за аналогичный период доля сократилась с 55% до 22%. В целом нефтегазовый импорт ФРГ из РФ в натурально-вещественном измерении снизился на 47% (до 33,7 млн тонн), тогда как в стоимостном – всего на 5% (до 18,5 млрд евро). По итогу прошлого года Германия сократила импорт угля на 35% (до 12,9 млрд тонн), в денежном выражении он составил 3,3 млрд евро (минус 54% по сравнению с 2021 г.).

Авторы прогнозируют, что физические показатели импорта первичных энергоносителей из РФ в 2023 г. будут еще ниже (в основном останутся нефть и СПГ). Государства Евросоюза – в первую очередь ФРГ – относительно быстро нашли альтернативных поставщиков газа, нефти и угля. 2 марта О. Шольц в вышеупомянутом выступлении констатировал, что поставленная год назад задача о достижении «энергонезависимости от России» выполнена.

Новые пропорции торговли ЕС-Россия

Разрыв связей в энергетической кооперации привел к значительному структурному изменению баланса ЕС-российского внешнеторгового взаимодействия. После краткосрочного пика импорта ЕС из РФ в марте 2022 г., который возник из-за всплеска цен на энергоносители, связанного с санкционными пакетами, он постепенно снижался. Санкции ЕС также привели к падению помесечных экспортных поставок в РФ на 42% (с 7,1 до 4 млрд евро) (см. рис.2).

По сравнению с 2021 г., объем импорта ЕС из РФ возрос на 24% в стоимостном выражении (с 163,6 до 203,4 млрд евро), а экспорт в Россию сократился на 38% (с 89,2 до 55,2 млрд евро). Данная тенденция распространилась и на отдельные группы товарооборота между ЕС и РФ. Наиболее значительно «сжались» группы, связанные с промышленными товарами: так, экспорт ЕС в категории «машины и транспортное оборудование» в 2022 г. снизился на 58,8% (до 16,1 млрд евро) при падении импорта на 34,6% (до 1,3 млрд евро). Высокие цены на энергоносители интенсифицировали ввоз энергоемких товаров ЕС из России: в категории «Нефть, нефтепродукты и сопутствующие материалы» он возрос на 25,4% до 92,4 млрд евро, а в «Химических продуктах» – на 4,5% до 7 млрд евро⁶ (см. таб.1).

⁴ «Die Rohölversorgung Deutschlands ist gesichert»: Wirtschaft zuversichtlich trotz Ölembargo. Redaktionsnetzwerk Deutschland. 29.12.2022. (<https://www.rnd.de/wirtschaft/kein-roehoel-aus-russland-deutsche-wirtschaft-zuversichtlich-trotz-embargo-FJIFKB7JOJHP12XUKO7HKXJWGQ.html>).

⁵ Нефтеперерабатывающие активы в Германии. Роснефть. (https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Neftepererativayushie_aktivy_v_Germanii/).

⁶ EU27 (from 2020) trade by SITC product group. Eurostat. (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_2723952/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=5ffa3b2b-d599-4941-bbe5-10246322c80d).

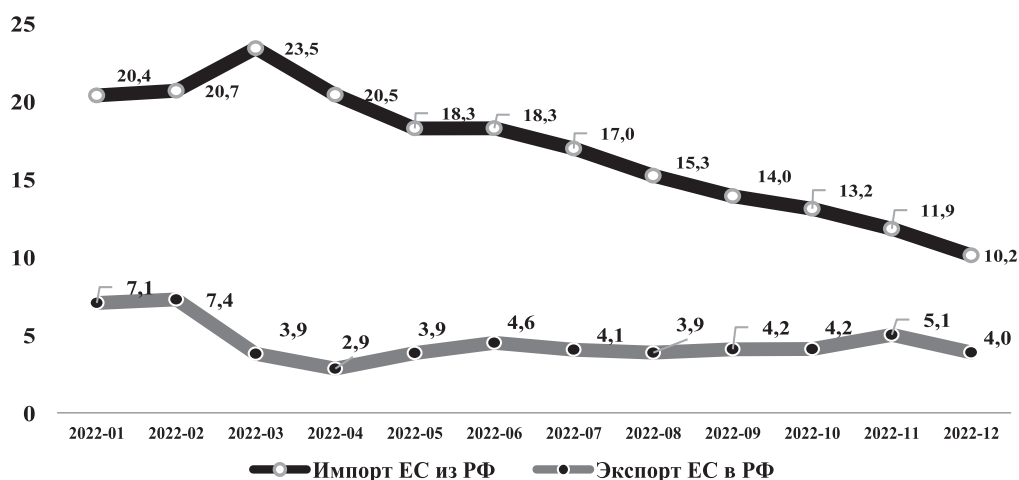

Рисунок 2. Помесячная динамика взаимной торговли Европейского союза и России в 2022 г., млрд евро

Figure 2. Monthly dynamics of mutual trade between the European Union and Russia in 2022, in bln euros

Источник: EU27 (from 2020) trade by SITC product group. Eurostat. (https://ec.europa.eu/eurostat/data-browser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_2723952/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=5ffa3b2b-d599-4941-bbe5-10246322c80d).

Source: EU27 (from 2020) trade by SITC product group. Eurostat. (https://ec.europa.eu/eurostat/data-browser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_2723952/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=5ffa3b2b-d599-4941-bbe5-10246322c80d).

Таблица 1

Основные структурные сдвиги импорта и экспорта Европейского союза
в торговле с Россией в 2022 г.

Table 1

Main structural shifts in European Union import and export in EU-Russia trade in 2022

	2021, млн евро	2022, млн евро	Динамика, %
Машины и транспортное оборудование			
Импорт	1 952,8	1 276,7	-34,6
Экспорт	39 091,4	16 095,9	-58,8
Прочие промышленные товары			
Импорт	21 034,9	18 477,4	-12,2
Экспорт	19 534,	11 876,5	-39,2
Химические вещества и сопутствующие товары			
Импорт	6 793,3	7 097,9	4,5
Экспорт	19 991,4	18 224,4	-8,8
Нефть и нефтепродукты			
Импорт	73 744,7	92 442,5	25,4
Экспорт	724,3	417,8	-42,3
Всего			
Импорт	163 641,9	203 378,2	24,3
Экспорт	89 192,8	55 182,3	-38,1

Источник: Ibid.

Source: Ibid.

Такая структурная трансформация обернулась издержками для экономик всех европейских государств. С хозяйственно-политической точки зрения наиболее пострадала ФРГ, которая и в 2022 г. оставалась основным партнером РФ в ЕС (в т. ч. по нефти и газу) [Wohlrabe, Sauer, Leiss 2022]. Среди прямых немецких потерь от введения санкций – необходимость закупать углеводороды у альтернативных поставщиков по существенно более высоким ценам (такие «необоснованные» издержки можно оценить примерно в 100 млрд евро). К косвенным убыткам германского народнохозяйственного комплекса относится значительный рост государственных расходов на поддержку экономических субъектов и домашних хозяйств (объем одобренных законодателем программ правительства в 2022 г. составил 265 млрд евро), а также потери последних в связи с исторически высокой среднегодовой инфляцией в 7,9%.

Структурный анализ внешней торговли ФРГ и России – возвышение новых регионов

Практически все санкционные пакеты, принятые Евросоюзом в 2022 г., ограничивали поставки в Россию различных машин и оборудования, электротехнических/электронных комплектующих, химических, потребительских и прочих товаров. В результате, как уже упоминалось, почти вдвое сократился их совокупный экспорт в РФ по итогам года (с 26,63 млрд до 14,60 млрд евро). Исключением стали фармацевтические продукты и медикаменты (см. таб. 2).

Таблица 2

Динамика германо-российских внешнеэкономических связей в 2022 г.
по основным группам товаров

Table 2

Dynamics of German-Russian economic relations in 2022 by main product groups

Направление товарных потоков / Товарные группы	Стоимостной объем				Натурально-вещественный объем			
	Результат 2022 г., тыс. евро		2022/2021, %		Результат 2022 г., тонны		2022/2021, %	
	Экспорт ФРГ	Импорт ФРГ	Экс- порт ФРГ	Им- порт ФРГ	Экспорт ФРГ	Импорт ФРГ	Экс- порт ФРГ	Им- порт ФРГ
Мясо и мясопро- дукты	–	3	–	–70,0%	–	0,2	–	–83,3%
Рыба и рыбопро- дукты	–	182579	–	46,6%	–	43879,7	–	18,9%
Молоко и молоч- ные продукты	40030	506	10,0%	–16,1%	5625,9	91,8	–19,5%	–44,6%
Минеральное топливо	124833	27706688	–16,2%	11,3%	42798,3	53521816	–32,9%	–41,6%
Неорганические химические продукты	56589	259372	–49,3%	–7,8%	18208,8	148238,4	–65,3%	–57,5%
Органические химические про- дукты	221465	95516	–44,6%	–33,1%	43279,6	105733,4	–62,9%	–37,5%
Фармацевтика	3000279	1612	20,5%	–52,2%	40561	124	–6,4%	–0,9%

Продолжение табл. 2

Направление товарных потоков / Товарные группы	Стоимостной объем				Натурально-вещественный объем			
	Результат 2022 г., тыс. евро		2022/2021, %		Результат 2022 г., тонны		2022/2021, %	
	Экспорт ФРГ	Импорт ФРГ	Экс- порт ФРГ	Им- порт ФРГ	Экспорт ФРГ	Импорт ФРГ	Экс- порт ФРГ	Им- порт ФРГ
Удобрения	3314	292483	-48,4%	309,8%	1417,1	496948,7	-60,8%	133,0%
Пластмассы и изделия из них	825894	192089	-43,3%	4,6%	201945,9	93310,5	-57,9%	-18,1%
Железо и сталь	53663	408279	-59,1%	-50,4%	28127	458056,5	-71,8%	-59,8%
Изделия из железа или стали	285366	27386	-38,4%	-33,3%	51611,6	10528,5	-39,9%	-66,8%
Медь и изделия из нее	46461	1251801	-62,0%	25,6%	3471,2	140466,4	-72,1%	9,2%
Никель и изделия из него	10143	637634	17,9%	51,9%	439,9	27429,7	52,8%	0,6%
Алюминий и изделия из него	46184	825413	-45,2%	6,5%	4610,2	252922,3	-58,8%	-18,4%
Свинец и изделия из него	514	13141	-59,8%	-47,2%	65,8	5673,5	-51,8%	-55,3%
Цинк и изделия из него	2036	471	-48,2%	-70,7%	136	205,3	-64,8%	-65,9%
Олово и изделия из него	606	214	-58,8%	-	19,3	5,1	-62,5%	-
Машины, аппараты	2933031	110612	-54,8%	-41,1%	176101	16570,3	-53,5%	-36,2%
Электротехническая продукция	750034	113179	-65,9%	-28,7%	29563,5	5798,8	-64,5%	-55,0%
Рельсовые транспортные средства	44682	3525	-76,0%	-83,5%	1543,2	1411,4	-73,3%	-79,5%
Автомобили, наземные ТС	971307	22722	-73,4%	-56,0%	79985,3	2901,3	-76,2%	-57,1%
Комплексные производственные мощности	43852	-	-43,0%	-	3465,4	-	-32,0%	-
Наборы разных товаров	32241	38337	-90,3%	-24,0%	3264	2947,4	-90,6%	-41,4%
Всего	14598407	35225588	-45,2%	6,4%	1625626	58072306	-53,3%	-41,8%

Источник: Федеральное статистическое управление Германии (destatis.de).

Source: German Federal Statistical Office (destatis.de).

По итогам года импорт из России значительно возрос в стоимостном выражении (с 33,12 млрд до 35,27 млрд евро), однако его физические объемы ощутимо сократились – несмотря на желание европейских компаний закупить первичные энергоносители впрок. Очевидно, что после окончательного вступления в силу всех ограничительных мер, содержащихся в десяти санкционных пакетах, в 2023 г. произойдет серьезное падение германо-российской внешней торговли по всем показателям и, соответственно, внешнеторгового оборота между ЕС и РФ.

Регион Центральной Азии становится центром долгосрочного притяжения внешней торговли ФРГ. Наиболее значительно увеличилась двусторонняя торговля с Казахстаном – примерно на 90% (9,7 млрд евро). Затем следуют Узбекистан – на 123% (1,4 млрд евро), Киргизстан – на 414% (до 0,35 млрд евро) и Туркменистан – на 32% (до 0,24 млрд евро). Замыкает список кооперация с Таджикистаном – увеличение на 66% (до 0,06 млрд евро). В абсолютном большинстве случаев значительный рост был зафиксирован как на импортной, так и на экспортной стороне товарного оборота (см. таб. 3).

Таблица 3

Динамика «восточной» внешней торговли ФРГ в 2021–2022 гг. по некоторым странам

Table 3

The dynamics of the German “eastern” foreign trade in 2021–2022 for some countries

Страна / показатель	Товарооборот, млрд евро		Импорт ФРГ, млрд евро		Экспорт ФРГ, млрд евро		Динамика, %		
	2022	2021	2022	2021	2022	2021	Импорт	Экспорт	Товарооборот
Россия	49,86	59,75	35,27	33,12	14,6	26,63	6,5	–45,2	–16,5
Беларусь	1,89	2,29	0,42	0,79	1,46	1,5	–47,5	–2,5	–18
Украина	7,92	8,51	3,15	3,11	4,78	5,36	1,1	–11,4	–6,9
Южный Кавказ									
Армения	0,63	0,29	0,16	0,11	0,48	0,18	42	165,7	118,8
Грузия	0,69	0,48	0,1	0,95	0,58	0,38	7,2	53,6	44,3
Азербайджан	2,19	1	1,72	0,71	0,47	0,3	143,2	55,2	116,7
Центральная Азия									
Казахстан	9,7	5,12	6,9	3,68	2,79	1,44	87,6	94,4	89,5
Узбекистан	1,39	0,63	85,39	54,92	1,31	0,57	55,5	129,7	123,2
Киргизстан	0,35	0,07	0,03	0,02	0,32	0,05	54,6	561	414,8
Туркменистан	0,24	0,18	0,03	<0,01	0,21	0,18	4092	14,6	32
Таджикистан	0,06	0,04	<0,01	<0,01	0,06	0,03	–19,9	73,7	66,1

Источник: *Deutscher Osthandel* 2022. (https://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/page_files/Deutscher%20Osthandel%202022_F.pdf).

Source: *Deutscher Osthandel* 2022. (https://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/page_files/Deutscher%20Osthandel%202022_F.pdf).

Таким образом, постсоветский среднеазиатский регион становится одним из важнейших центров долгосрочных интересов европейского и германского бизнеса. В санкционных рамках он будет играть роль моста между хозяйственными пространствами ЕС и России, опираясь на преимущества экономико-географического положения – в том числе на наличие природных и трудовых ресурсов и способность к балансированию между Китаем и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Данные особенности позволяют государствам региона позиционировать себя в качестве перспективной альтернативы для инвестиций и производства.

Наряду со Средней Азией возрастает значение Южного Кавказа. По итогам 2022 г. торговля ФРГ с Арменией увеличилась на 119% (до 0,63 млрд евро), с Грузией – на 44% (до 0,69 млрд евро), с Азербайджаном – на 117% (до 2,2 млрд евро)⁷. Постсоветские государства региона также становятся важным плацдармом для входа на российский рынок,

⁷ Расчеты сделаны на основе данных Восточного комитета германской экономики. См. источник таб. 3.

освоения китайских и среднеазиатских рынков – в том числе и в рамках развития китайско-российских отношений [Белов, Котов 2022; Лю, Горбунова 2022]. В сложившихся условиях контролирующие органы Евросоюза, Германии и других государств ЕС существенно усилят надзор за внешнеторговой активностью европейских компаний со среднеазиатскими и южнокавказскими странами.

Санкции и инвестиционное сотрудничество

Через год после начала СВО большинство европейских хозяйствующих субъектов остались в России. По данным Йельской школы бизнеса (США), которая ведет мониторинг т. н. санкционного списка компаний, на начало марта 2023 г. примерно 260 компаний из ЕС (из них 66 – т. е. 25% – немецких) в той или иной степени продолжают присутствовать на рынках России. Около 400 бизнес-структур приняли решение полностью завершить работу. Наибольшую устойчивость проявили секторы промышленности и потребительских товаров вторичной необходимости (124 компании, 49 из них немецкие, см. таб. 4). По данным исследователей Университета Санкт-Галлена и бизнес-школы IMD, только 8,5% фирм из стран ЕС и группы G7 полностью ушли с российского рынка⁸. Эксперты аналитических центров вступили друг с другом в жесткую дискуссию о методах изучения российского рынка, но их основные результаты в любом случае подтверждают вывод о том, что в России сохраняется «дружественный» европейский предпринимательский потенциал.

Несмотря на то, что со стороны политических кругов европейских стран в 2022 г. звучали настойчивые призывы уйти из России, руководство большинства компаний осознавало значительные издержки, связанные с таким шагом. Более того, российское государство посылало европейскому и немецкому бизнесу сигналы о том, что участники рынка, готовые продолжить работу в условиях ограничительных мер, могут рассчитывать на федеральную и региональную поддержку. Крупные игроки, которые были вынуждены остановить свой бизнес в РФ по политическим причинам (в случае Германии – все компании биржевого списка DAX), получили возможность цивилизованно передать свои российские активы новым собственникам на коммерческих условиях, иногда включая опцион на возвращение в Россию.

В этой связи следует отметить, что спустя год после начала СВО костяк немецкого бизнес-сообщества в РФ сохранился – благодаря Германо-Российской ВТП, которая оказывает своим членам комплексную поддержку, в первую очередь консультационную⁹. Позитивную роль также играет Ассоциация европейского бизнеса¹⁰. Такой институциональной помощи не хватает, например, российским компаниям в ФРГ.

Ключевым фактором, влияющим на санкционное давление на Россию и его роль в европейско-российских экономических отношениях, в 2023 г. останется борьба различных групп интересов в государствах ЕС по вопросам экономической безопасности отдельных отраслей и компаний. Ряду из них удалось добиться определенных исключений, в т. ч. по трубопроводным поставкам нефти, алмазам, ядерному топливу. Самую беском-

⁸ Nur 8,5 Prozent der westlichen Firmen sind laut Studie weg aus Russland. (<https://www.watson.ch/wirtschaft/international/641174249-nur-8-5-prozent-westlicher-firmen-sind-laut-studie-weg-aus-russland#:~:text=Nur%208%2C5%20Prozent%20der%20Unternehmen%20aus%20Staaten%20der%20G7,der%20Businessschule%20IMD%20in%20Lausanne>).

⁹ Российско-Германская внешнеторговая палата. (<https://russland.ahk.de/ru/>).

¹⁰ О нас. Ассоциация европейского бизнеса (АЕБ). (<https://aeb.ru/ru/about-the-aeb/>).

промиссную позицию по ужесточению санкционного давления и сведению к минимуму экономических отношений с РФ и присутствия дружественных европейских компаний в России по-прежнему будут занимать правительства недружественных государств – Германии, Польши, а также стран Прибалтики. Для их политического истеблишмента сохраняется важнейшая цель – нанести максимальный урон российскому бюджету и технологическому уровню народнохозяйственного комплекса РФ [Fremerey, Iglesias 2023]. Проблема с санкциями ЕС заключается в том, что объем торгового оборота в почти 260 млрд евро и налаженные кооперационные связи делают разрыв экономических отношений весьма болезненным¹¹. Тем не менее, руководство ведущих европейских стран (в отличие от основной части бизнеса и граждан) готово нести тяжелую историческую ношу и терпеть убытки.

Таблица 4

Действия европейских компаний на российском рынке (в скобках – компании ФРГ)

Table 4

European companies' actions on the Russian market (German companies in brackets)

	A	B	C	D	F	Всего
Потребительские товары вторичной необходимости	31 (6)	13 (1)	14 (3)	55 (15)	40 (9)	153 (34)
Промышленность	28 (9)	26 (5)	12 (5)	53 (9)	69 (16)	188 (44)
Потребительские товары первой необходимости	17 (3)	18 (6)	3 (1)	25 (3)	24 (7)	87 (20)
Материалы	8 (2)	8 (3)	8 (3)	13 (1)	14 (5)	51 (14)
Здравоохранение	8 (5)	13 (3)	2 (2)	3 (1)	–	26 (11)
Информационные технологии	3 (2)	2 (0)	6 (2)	17 (3)	16 (3)	44 (10)
Энергетика	3 (0)	6 (1)	4 (0)	3 (0)	11 (0)	27 (1)
Финансы	5 (0)	2 (0)	11 (1)	15 (4)	16 (2)	49 (7)
Связь и коммуникации	–	–	2 (0)	5 (0)	10 (1)	17 (1)
НКО	–	2 (1)	–	3 (1)	5 (1)	10 (3)
Другое	1 (0)	1 (0)	3 (2)	–	6 (0)	11 (2)
	104 (27)	91 (20)	65 (19)	190 (37)	211 (44)	663 (147)

Источник: Рассчитано А.В. Котовым на основе: Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. Yale School of Management. March 29, 2023. (<https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain>).

Source: calculated by A.V. Kotov based on data from: Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. Yale School of Management. March 29, 2023. (<https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain>).

Примечание: А – продолжают работу в обычном режиме; В – откладывают будущие инвестиции, продолжая основной бизнес; С – сокращают большинство основных операций; D – сокращают практически все операции, сохраняя возможность возвратиться; F – полностью прекращают российские обязательства или полностью уходят с рынка.

¹¹ Тимофеев И. Какие санкции Запад ввел против России в годовщину СВО, и чем они опасны. Российский совет по международным делам. 13 марта 2023. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakie-sanktsii-zapad-vvel-protiv-rossii-v-godovshchinu-svo-i-chem-oni-opasny/>).

Совершенствование механизмов контроля за санкциями

Ответственность за ограничительные меры и контроль над соблюдением санкционного режима лежит в первую очередь на государствах-членах ЕС¹². Национальные компетентные органы отслеживают возможные нарушения законодательства и предпринимают соответствующие действия [Chowdhry, Hinz, Kami, Wanner 2022; Demertzis, Hilgenstock, McWilliams, Ribakova, Tagliapietra 2022]. Еврокомиссия подготовила руководство по выполнению положений, касающихся отраслевого сотрудничества с Россией и рядом других стран в «санкционных условиях». На сайте ЕК размещена «Карта санкций»¹³. Любой пользователь может получить информацию от профильных контролирующих органов 27 государств-членов, в т. ч. на английском языке (кроме Люксембурга). Раздел Австрии также переведен на русский язык. Ссылки на Чехию, Латвию, Хорватию в середине марта с российского IP-адреса не открываются.

Официальный Берлин в дополнение к существующим госструктурам (в первую очередь речь идет о Федеральном ведомстве по экспортному контролю и Бундесбанке) в марте 2022 г. создал межведомственную группу по поиску скрытых российских активов подсанкционных юридических и физических лиц на германской территории. ФРГ одной из первых среди европейских стран приняла специальные нормативные акты – 27 мая вступил в силу Первый Закон о более эффективном применении санкций (Erstes Gesetz zur effektiveren Durchsetzung von Sanktionen, Sanktionsdurchsetzungsgesetz I). Он содержал важные поправки к действующим нормам и правовым актам, в т. ч. к положениям законов «О внешней торговле», «О борьбе с отмыванием денег», «О банковской деятельности, торговле ценными бумагами и надзоре за финансовыми услугами». Тем самым законодатель предоставил исполнительным властям дополнительные полномочия, чтобы работать с замороженными активами и средствами российских субъектов, попавшими под ограничения. 28 декабря 2022 г. начала действовать вторая, доработанная версия Закона о применении санкций (Sanktionsdurchsetzungsgesetz II). На основе его положений на федеральном уровне было создано Центральное управление по обеспечению соблюдения санкций. Оно ведет надзор за недвижимостью, составляет реестр активов и применяет процедурные механизмы вплоть до назначения спецпредставителей при контролируемых компаниях. Одновременно Управлению было поручено обеспечивать сотрудничество с профильными иностранными структурами. Таким образом, федеральная власть в Германии в течение 2022 г. содействовала существенному ужесточению контроля профильных государственных ведомств над соблюдением ограничительных мер на территории ФРГ. Многие компании (особенно малые и средние), опасаясь попасть под первичные и вторичные санкции (в частности, со стороны США), предпочли отказаться от российских заказов, несмотря на их очевидную выгодность. Вследствие этого количество уголовных дел, связанных с нарушением санкционных режимов, как в Германии, так и в других европейских странах, остается минимальным.

Во многом под давлением ведущих государств Европейский совет 30 июня 2022 г. принял решение (10287/1/22) выявлять нарушения ограничительных мер. Их отнесли к преступным действиям в соответствии с критериями, указанными в статье 83(1) Договора о функционировании Европейского Союза. 28 ноября 2022 г. Брюссель включил санкционные нарушения в список «уголовных преступлений ЕС», концептуально приравняв их

¹² В Евросоюзе также существует Генеральный директорат по финансовой стабильности, финансовым услугам и союзу рынков капитала и Отдел по санкциям Внешнеполитической службы ЕС.

¹³ EU Sanctions Map. (<https://sanctionsmap.eu/#/main>).

к терроризму, незаконному обороту наркотиков и оружия, отмыванию денег, коррупции, подделке платежных средств, компьютерной и организованной преступности. Данный шаг повышает возможности для уголовных наказаний за любые попытки обойти санкционные ограничения¹⁴. В тот же день министр юстиции Германии М. Бушманн и его французский коллега Э. Дюпон-Моретти призвали расширить компетенцию Европейской прокуратуры (European Public Prosecutor's Office, EPPO), чтобы она могла расследовать нарушения действующих ограничений и преследовать за них. По их мнению, EPPO способна обеспечить более эффективное соблюдение санкций ЕС против России.

2 декабря Европейская комиссия опубликовала предложения по Директиве, которая определяет и детализирует уголовные преступления и наказания за нарушения ограничительных мер ЕС¹⁵. Они были переданы на обсуждение в государства-члены. Документ содержит необходимые дефиниции преступлений, совершенных умышленно или по небрежности, включая такое действие, как «обход ограничительной меры». Примечательно, что в Германии до последнего времени данный проступок не считался уголовно наказуемым. Также в проекте подробно описаны штрафы и ответственность юридических лиц, уточняются компетенции отдельных государств-членов, включая нормы сотрудничества между национальными и правоохранительными органами ЕС. Проект директивы должен быть принят Советом ЕС и Европейским парламентом в 2023 г.

Таким образом, в отличие от США, Евросоюз пока не создал специализированную структуру, которая будет отвечать за соблюдение санкционного режима. Поэтому Брюссель внимательно изучает опыт Управления по контролю за иностранными активами Минфина США (OFAC). Есть вероятность, что он создаст подобную организацию, но спрогнозировать, будет ли это решение принято и когда, пока не представляется возможным. В феврале 2023 г. министр иностранных дел Нидерландов предложил создать в Брюсселе «штаб-квартиру» по контролю за санкциями – своеобразный орган для борьбы с обходом санкций ЕС.

В декабре 2022 г. ЕС ввел должность спецпосланника (уполномоченного) по санкциям, которую занял Д. О'Салливан – бывший представитель Евросоюза в Соединенных Штатах. Его основная задача (помимо контроля) – убеждать предпринимательские и политические группы интересов как в государствах ЕС, так и в других странах (особенно в тех, которые не присоединились к санкциям т. н. коллективного Запада) в необходимости соблюдать ограничительные меры, а также отказываться от любых форм сотрудничества с РФ. Такую работу уже начали. Одновременно Брюссель рассчитывал на усиление контроля со стороны профильных национальных ведомств.

¹⁴ Council Decision (EU) 2022/2332 of 28 November 2022 on identifying the violation of Union restrictive measures as an area of crime that meets the criteria specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022D2332>). Также следует отметить принятый в мае 2021 г. новый Регламент ЕС об экспортном контроле, вступивший в силу в сентябре того же года. Его целевая группа: чувствительные товары и технологии двойного назначения. См.: Commission' sanctions to implement new EU Export Control Regulation – Memo. European Commission. 09.09.2021. (https://policy.trade.ec.europa.eu/news/commissions-actions-implement-new-eu-export-control-regulation-memo-2021-09-09_en). В области экспортного контроля Брюссель сотрудничает и гармонизирует свои режимы с третьими странами, в т. ч. с США, Великобританией, Канадой, Японией, Австралией, Южной Кореей. Наибольшую активность по наказанию за обход санкций проявила британская сторона. См.: Тимофеев И... Какие санкции... Указ. соч.

¹⁵ Vorschlag für eine Richtlinie des Europäischen Parlaments und des Rates zur Definition von Straftatbeständen und Sanktionen bei Verstoß gegen restriktive Maßnahmen der Union. Brüssel, den 2.12.2022, COM (2022) 684 final, 2022/0398 (COD). (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:52022PC0684>).

В течение 2023 г. Европейская комиссия и команда О'Салливана будут анализировать выполнение положений десяти пакетов санкций и разрабатывать меры по устранению возможностей их обходить. Одновременно продолжится изучение и поиск альтернатив ключевым российским товарам, которые не вошли в санкционные списки из-за негативных последствий для отраслей отдельных стран. После того, как замены будут найдены и экономически обоснованы, эти товарные группы будут рекомендованы для включения в будущие санкционные пакеты. По оценкам авторов, до конца 2023 г. обнаружат не более двух-трех таких групп, и они будут менее объемными и более проработанными по сравнению с санкциями, принятыми в конце февраля. Также следует отметить, что, по сравнению с США, Евросоюз менее гибок в использовании уже существующих санкционных механизмов. Вашингтон, учитывая интересы национальных игроков, неоднократно временно снимал/смягчал ограничения на отдельные товарные группы и затем вновь вводил их. Брюссель и другие европейские столицы в такой гибкости пока замечены не были.

Выводы

Экономические отношения между ЕС и Россией, как и германо-российские, в 2022 г., вопреки ожиданиям политического истеблишмента ЕС и многочисленным негативным экспертным прогнозам, сохранились – несмотря на очевидные потери.

2023 год покажет, насколько Брюсселю и другим европейским столицам удалось обеспечить энергетическую независимость Евросоюза от РФ¹⁶. Они понимают ее как энергобезопасность, которая опирается на новый механизм отношений с альтернативными поставщиками первичных энергоресурсов из третьих стран. Очевидно, что: а) полностью исключить Россию из этой сферы не удалось, б) доля РФ в энергоимпорте продолжит сокращаться, но будет существенно выше нуля, в) в определенных подгруппах возможно постепенное увеличение оборота к концу текущего года, г) возросшие издержки по-прежнему будут негативно влиять на уровень конкурентоспособности хозяйственного пространства ЕС.

Продолжится понижительная тенденция в экспортных поставках ЕС в РФ товаров с высокой добавленной стоимостью (особенно двойного назначения), обусловленная большим количеством введенных в 2022–2023 гг. ограничительных мер. Санкционный «марафон» несколько замедлится – основное внимание переключится на выполнение и соблюдение действующих ограничений. Активизируется и усилится контроль над исполнением введенных санкций, включая создание единой европейской структуры по подобию американской OFAC. За этими процессами внимательно наблюдает Китай, который все больше становится объектом различных ограничительных мер со стороны США и ЕС.

Возрастет значение связанных со вторичными американскими санкциями рисков для экономических отношений европейских и российских компаний. Соответственно, значительно больше внимания их руководство будет уделять соблюдению предписаний (комплаенсу). Данная тенденция коснется не только и не столько российского рынка, сколько рынков в постсоветских государствах Южного Кавказа и Средней Азии, куда постепенно перемещается центр тяжести экономических отношений Евросоюза и его государств.

Оставшиеся в России европейские и немецкие компании продолжают свою работу. Не исключен и приход на российские рынки новых инвесторов, но он будет непубличным.

¹⁶ Они понимают ее как энергобезопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барковский А.Н., Алабян С.С., Морозенкова О.В. (2015) Последствия западных санкций и ответных санкций РФ // Российский внешнеэкономический вестник. № 9. С. 3–7.
- Белов В.Б. (2022a) Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 100–116. DOI: 10.15211/vestnikieran22022100116.
- Белов В.Б. (2022b) Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины // Аналитические записки Института Европы РАН. № 1. С. 56–62. DOI: 10.15211/analytics1820225662.
- Белов В.Б., Котов А.В. (2022) Антироссийская санкционная политика ФРГ: промежуточные итоги и ответные меры // Аналитические записки Института Европы РАН. № 4. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42720223742>.
- Кашпаров Д.В., Смирнова О.С. (2016) Экономические последствия санкций ЕС против России и российских контрсанкций // Вопросы экономики и управления. № 5–1. С. 97–99.
- Котов А.В. (2022a) Актуальные вызовы для немецкого бизнеса на российском рынке // Современная Европа. № 3. С. 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081.
- Котов А.В. (2022b) Развитие инфраструктуры СПГ в Германии: гонка со временем // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 83–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320228394.
- Лю Б., Горбунова А.Ю. (2022) Санкции ЕС и США открывают новые возможности для китайско-российского экономического сотрудничества // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. № 15. С. 21–26.
- Носов М.Г. (2019) Россия – ЕС: политика и торговля // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 4. С. 61–68. DOI: 10.15211/vestnikieran420196167.
- Огоев А.У., Цуциева О.Т., Калакаева К.З. (2017) Продовольственные санкции: влияние на экономическую ситуацию в России и ЕС // Экономика и предпринимательство. № 2-1. С. 88–91.
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия (2020) Издание 2-е, переработанное и дополненное. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД. 452 с.
- Силаева В.А. (2017) Формирование европейского консенсуса по вопросу антироссийских санкций: экономика versus политика // Право и управление. № 4. С. 69–77. DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-69-77.
- Силаева В. А. (2018) Эволюция европейских санкций: от единичных мер до консолидированной политики // Международная аналитика. № 2. С. 19–27.
- Тимофеев И. (2021a) Политика санкций Европейского Союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. № 2. С. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727>.
- Тимофеев И.Н. (2021b) Санкции против России: взгляд в 2021 г. Доклад № 65. Российский совет по международным делам (РСМД) М.: НП РСМД. 24 с.
- Широв А.А., Янговский А. А., Потапенко В. В. (2015) Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 3–16.
- Щедрин В.А. (2018) Экономическое взаимодействие России и ЕС в 2000-е гг.: от сотрудничества к политике санкций // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. № 4. С. 17–20.
- Chowdhry S., Hinz J., Kamin K., Wanner J. (2022) *Brothers in Arms: The Value of Coalitions in Sanctions Regimes*. Working Papers no. 2234. Kiel: Institut für Weltwirtschaft. 31 p. (https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/Ifw-Publications/-ifw/Kiel_Working_Paper/2022/KWP_2234_Brothers_in_arms_The_value_of_coalitions_in_sanctions_regimes/KWP_2234.pdf).

Demertzis M., Hilgenstock B., McWilliams B., Ribakova E., Tagliapietra S. (2022) How Have Sanctions Impacted Russia? // *Policy Contribution*. No. 18. 19 p. (https://www.bruegel.org/sites/default/files/2022-10/PC%2018%202022_1.pdf).

Fremerey M., Iglesias S. G. (2023) Nach einem Jahr Krieg: Der Schein einer stabilen russischen Wirtschaft trägt // *IW-Kurzbericht*. No. 13. 3 p. (<https://www.iwkoeln.de/studien/melinda-fremerey-simon-gerards-iglesias-der-schein-einer-stabilen-russischen-wirtschaft-truegt.html>).

Wohlrabe K., Sauer S., Leiss F. (2022) Auswirkungen des Krieges in der Ukraine und einhergehender Sanktionen gegen Russland und Belarus auf die deutsche Wirtschaft. München: Ifo Zentrum für Makroökonomik und Befragungen. 43 p. (<https://www.ifo.de/projekt/2022-02-28/auswirkungen-des-kriegs-der-ukraine-und-einhergehender-sanktionen-gegen-russland>).

REFERENCES

Barkovskij A.N., Alabjan S.S., Morozenkova O.V. (2015) Posledstviya zapadnyh sankcij i otvetnyh sankcij RF [Consequences of Western Sanctions and Retaliatory Sanctions of the Russian Federation]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. no. 9, pp. 3–7.

Belov V.B. (2022a) Novoe pravitel'stvo FRG i germano-rossijskie otnoshenija. Faktor Ukrainy. Chast' 2 [The New Government of Germany and German-Russian Relations. Factor of Ukraine. Part 2]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 2, pp. 100–116. DOI: 10.15211/vestnikieran22022100116.

Belov V.B. (2022b) Reakcija Germanii na special'nuju voennuju operaciju RF na territorii Ukrainy [Germany's Reaction to the Special Military Operation of the Russian Federation on the Territory of Ukraine]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. no. 1, pp. 56–62. DOI: 10.15211/analytics1820225662.

Belov V.B., Kotov A.V. (2022) Antirossijskaja sankcionnaja politika FRG: promezhutochnye itogi i otvetnye mery [Germany's Anti-Russian Sanctions Policy: Interim Results and Response Measures]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. no. 4. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42720223742>.

Chowdhry S., Hinz J., Kamin K., Wanner J. (2022) *Brothers in Arms: The Value of Coalitions in Sanctions Regimes*. Working Papers no. 2234. Kiel: Institut für Weltwirtschaft. 31 p. (https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/Ifw-Publications/-ifw/Kiel_Working_Paper/2022/KWP_2234_Brothers_in_arms_The_value_of_coalitions_in_sanctions_regimes/KWP_2234.pdf).

Demertzis M., Hilgenstock B., McWilliams B., Ribakova E., Tagliapietra S. (2022) How Have Sanctions Impacted Russia? *Policy Contribution*. no. 18, 19 p. (https://www.bruegel.org/sites/default/files/2022-10/PC%2018%202022_1.pdf).

Fremerey M., Iglesias S. G. (2023) Nach einem Jahr Krieg: Der Schein einer stabilen russischen Wirtschaft trägt. *IW-Kurzbericht*. no. 13, 3 p. (<https://www.iwkoeln.de/studien/melinda-fremerey-simon-gerards-iglesias-der-schein-einer-stabilen-russischen-wirtschaft-truegt.html>).

Kashparov D.V., Smirnova O.S. (2016) Ekonomicheskie posledstviya sankcij ES protiv Rossii i rossijskih kontrsankcij [Economic Consequences of EU Sanctions against Russia and Russian Counter-sanctions]. *Voprosy jekonomiki i upravlenija*. no. 5-1, pp. 97–99.

Kotov A.V. (2022a) Aktual'nye vyzovy dlja nemeckogo biznesa na rossijskom rynke [Current Challenges for German Business in the Russian Market]. *Sovremennaja Evropa*. no. 3, pp. 104–116. DOI: 10.31857/S0201708322030081.

Kotov A.V. (2022b) Razvitie infrastruktury SPG v Germanii: gonka so vremenem [Development of LNG Infrastructure in Germany: A Race against Time]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 3, pp. 83–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320228394.

Lju B., Gorbunova A.Ju. (2022) Sankcii ES i SShA otkrývajú novye vozmožnosti dlja kitajsko-rossijskogo jekonomičeskogo sotrudničestva [EU and US Sanctions Open up New Opportunities for Sino-Russian Economic Cooperation]. *Upravlenie sovremennoj organizacii: opyt, problemy i perspektivy*. no. 15, pp. 21–26.

Nosov M.G. (2019) Rossiija – ES: politika i torgovlja [Russia – EU: Politics and Trade]. *Nauchno-analitičeskij vestnik Instituta Evropy RAN*. no. 4, pp. 61–68. DOI 10.15211/vestnikieran420196167.

Ogoev A.U., Cucieva O.T., Kalakaeva K.Z. (2017) Prodovol'stvennyye sankcii: vlijanie na jekonomičeskiju situaciju v Rossii i ES [Food Sanctions: Impact on the Economic Situation in Russia and the EU]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. no. 2-1, pp. 88–91.

Politika sankcij: celi, strategii, instrumenty: hrestomatija [The Policy of Sanctions: Goals, Strategies, Tools: A Reader] (2020) Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moscow: NP RSMD. 452 p.

Shedrin V.A. (2018) Ekonomičeskoe vzaimodejstvie Rossii i ES v 2000-e gg.: ot sotrudničestva k politike sankcij [Economic Cooperation between Russia and the EU in the 2000s: From Cooperation to the Policy of Sanctions]. *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki*. no. 4, pp. 17–20.

Shirov A.A., Jantovskij A.A., Potapenko V.V. (2015) Ocenka potencial'nogo vlijanija sankcij na jekonomičeskoe razvitie Rossii i ES [Assessment of the Potential Impact of Sanctions on the Economic Development of Russia and the EU]. *Problemy prognozirovanija*. no. 4, pp. 3–16.

Silaeva V.A. (2017) Formirovanie evropejskogo konsensusa po voprosu antirossijskikh sankcij: jekonomika versus politika [Building a European Consensus on Anti-Russian Sanctions: Economics versus Politics]. *Pravo i upravlenie*. no. 4, pp. 69–77. DOI: 10.24833/2073-8420-2017-4-45-69-77.

Silaeva V. A. (2018) Jevoľjucija evropejskikh sankcij: ot edinichnyh mer do konsolidirovannoj politiki [The Evolution of European Sanctions: from Isolated Measures to a Consolidated Policy]. *Mezhdunarodnaja analitika*. no. 2, pp. 19–27.

Timofeev I. (2021a) Politika sankcij Evropejskogo Sojuza. Opyt sobytijnogo analiza [European Union Sanctions Policy. Experience in Event Analysis]. *Sovremennaja Evropa*. no. 2, pp. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727>.

Timofeev I.N. (2021b) *Sankcii protiv Rossii: vzgljadv 2021 g.* [Sanctions against Russia: A Look in 2021]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Doklad no. 65. Moscow: NP RSMD. 24 p.

Wohlrabe K., Sauer S., Leiss F. (2022) *Auswirkungen des Krieges in der Ukraine und einhergehender Sanktionen gegen Russland und Belarus auf die deutsche Wirtschaft*. München: Ifo Zentrum für Makroökonomik und Befragungen. 43 p. (<https://www.ifo.de/projekt/2022-02-28/auswirkungen-des-kriegs-der-ukraine-und-einhergehender-sanktionen-gegen-russland>).

Информация об авторах

Белов Владислав Борисович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований Института Европы. РАН. Адрес: Моховая ул., дом 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Котов Александр Владимирович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Отдела страновых исследований Института Европы. РАН. Адрес: Моховая ул., дом 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

About the authors

Vladislav B. Belov, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Research Director; Head, Country Studies Department, Center for German Studies, Institute of Europe RAS. Address: 11/3, Mokhovaya st., Moscow, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

Aleksandr V. Kotov, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Head, German Economy Sector, Center for German Studies, Department of Country Studies, Institute of Europe RAS. Address: Address: 11/3, Mokhovaya st., Moscow, 125009. E-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 15.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 21.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 17.04.2023

УДК 316.454

DOI: 10.31857/S0869049923020065
EDN: CEMGZW

Оригинальная статья / Original article

Адаптация российского малого бизнеса к шокам пандемии COVID-19: первые данные лонгитюдного исследования¹

© А.Ю. ЧЕПУРЕНКО, Е.Б. ГАЛИЦКИЙ, А.А. ОСЛОН

Чепуренко Александр Юльевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), achepurenko@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1691-8556

Галицкий Ефим Борисович, Институт Фонда «Общественное мнение» (Москва, Россия); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), galitskiy@fom.ru. ORCID: 0000-0002-8535-5083

Ослон Александр Анатольевич, Институт Фонда «Общественное мнение» (Москва, Россия); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), oslon@fom.ru. ORCID: 0000-0002-2568-5566

На данных двух волн лонгитюдного проекта ООО Институт Фонда «Общественное мнение» (июль – ноябрь 2021 г., исходный N = 750 человек) рассмотрены в динамике стратегии и факторы адаптации российского малого бизнеса к потрясениям, вызванным пандемией COVID-19. Показано, что: (1) оценка респондентами ситуации в экономике и в собственном бизнесе коррелирует с их бизнес-стратегией – предприниматели, которые стремятся к росту своего бизнеса, чаще положительно оценивают общую экономическую ситуацию, чем те, кто ориентирован на стабильность или выживание своего бизнеса. (2) Бизнес-мотивация влияет на оценку ситуации и реакцию на нее. Те, кто ведет бизнес с целью самореализации, чаще других оценивают положение дел в своем бизнесе положительно, в то время как ведущие бизнес вынужденно чаще оценивают его негативно. (3) Малые предприниматели могут менять стратегию в зависимости от динамики текущих доходов, причем их сокращение влияет на изменение стратегии сильнее, чем увеличение: предприниматели с уменьшающимся доходом бизнеса с большей вероятностью изменяют стратегию на более консервативную

¹ Исследование начато в рамках проекта «Малый бизнес в условиях (пост)пандемической реальности» (ТЗ-145) Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. В настоящее время продолжается при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Авторы выражают признательность к.э.н. А.Б. Духон за помощь в обработке и анализе данных.

(«стабильность» или «выживание»), в то время как рост доходов реже приводит к изменению стратегии на более активную («развитие»).

Ключевые слова: малый бизнес, пандемия, адаптация, Россия, лонгитюд

Цитирование: Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Ослон А.А. (2023) Адаптация российского малого бизнеса к шокам пандемии COVID-19: первые данные лонгитюдного исследования // Общественные науки и современность. № 2. С. 90–110. DOI: 10.31857/S0869049923020065, EDN: CEMGZW.

Adaptation of Russian Small Business to COVID-19 Pandemic Shocks: The First Evidence of a Longitude

© A. CHEPURENKO, E. GALITSKY, A. OSLON

Alexander Yu. Chepurenko, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia); FCTAS Institute of Sociology (Moscow, Russia), achepurenko@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1691-8556

Efim B. Galitsky, Institute of the Public Opinion Foundation (Moscow, Russia); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), galitskiy@fom.ru. ORCID: 0000-0002-8535-5083

Alexander A. Oslon, Public Opinion Foundation (FOM) (Moscow, Russia), National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), oslon@fom.ru. ORCID: 0000-0002-2568-5566

Abstract. Using the data of two waves of the longitudinal project started by the ‘Public opinion’ Foundation (July – November 2021, initial N = 750 people), the dynamics of strategies and factors of Russian small business’ adaptation to the shocks caused by the COVID-19 pandemic are examined. It is shown that: (1) assessment of the situation in the economy and in their own business correlates with the respondents’ business strategy – entrepreneurs with the growth strategy are more often positive about the general economic situation than those who are focused on stability or surviving. (2) The motivation to do business affects the assessment of the situation and the response to it. Those who conduct business for the purpose of self-fulfillment more often than others assess the state of their business affairs positively, while those who conduct business out of necessity more often evaluate it negatively. (3) Depending on the change of the current income, small entrepreneurs can quickly change the strategy, whereas the reduction in current income affects the change in strategy more strongly than their increase: entrepreneurs with decreasing business income are more likely to change the strategy to a more conservative one (“stability” or “survival”), while income growth to a lesser extent leads to a change in strategy to a more active one (“development”).

Keywords: small business, COVID-19 pandemic, adaptation strategies, Russia, longitude

Citation: Chepurenko A., Galitsky E., Oslon A. (2023) Adaptation of Russian Small Business to the COVID-19 Pandemic Shocks: The First Evidence of a Longitude. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 90–110. DOI: 10.31857/S0869049923020065, EDN: CEMGZW.

Введение

За последние два года образовался огромный пласт литературы о том, как пандемия коронавируса повлияла на макроэкономические условия деятельности и общее развитие малого предпринимательства [Fabeil et al 2020; Bartik et al 2020; Fairlie 2020; Ratten 2021 и др.], для каких категорий малого бизнеса она стала «окном возможностей» [Kuckertz et al 2020; Liguori, Pittz 2020], в какой мере она повлияла на ожидания бизнеса [Meyer et al 2022], какие типы малого предпринимательства продемонстрировали большую устойчивость к воздействию пандемийных шоков и почему [Castro et al 2020; Belitski et al 2022], а также о других аспектах воздействия пандемии на малый бизнес.

Между тем, пандемия – не одномоментный шок, а длительный процесс. Его влияние на многие сферы общества, в том числе и на сектор малого и среднего предпринимательства (МСП), оказалось длительным. Первоначальную растерянность постепенно сменило осознание необходимости стратегии реагирования на этого «черного лебедя». Одни и те же хозяйственные субъекты могли менять свои подходы, исходя из изменения общей ситуации в экономике, своих ресурсов и возможностей, а также собственных долгосрочных целей и ожиданий. Однако обычные инструменты анализа (опросы и мониторинги со сменной выборкой) не позволяют выявить и отследить динамику адаптационных изменений и стратегий предпринимателей.

Такую возможность предоставляют лонгитюдные исследования. В них используют постоянную выборку респондентов, т. н. панель лонгитюда, как источник данных о состоянии, самочувствии, ожиданиях, планах и другой информации о наблюдаемых единицах. На данный момент в международной литературе отсутствуют подобные исследования, выполненные в период пандемии.

Разумеется, у лонгитюдных исследований есть целый ряд недостатков, органически связанных с самой методикой. Прежде всего речь идет о так называемом осыпании выборки: с течением времени все больше респондентов в силу разных причин выбывают из нее, что сужает возможности для динамического анализа. Также лонгитюдные исследования не всегда репрезентативны с точки зрения статистики. Во-первых, слишком мала доля случайным образом отобранных предпринимателей, которые согласны на ежеквартальные опросы. Кроме того, такого рода респондентов можно назвать пассионариями: они готовы уделять достаточное время работе с социологами и отвечать в том числе на неудобные вопросы. Соответственно, их нельзя в полной мере считать среднестатистическими предпринимателями. Таким образом, полученные на данных лонгитюда выводы не допускают генерализации – они описывают не случайные величины, а детерминированные результаты наблюдения за конкретными предпринимателями.

Зачем же нужен лонгитюд, если он не репрезентативен? Опираясь на многолетние результаты лонгитюдных исследований вроде «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ и аналогичных зарубежных проектов («Панельное исследование динамики предпринимательства» [Reynolds 2011; Davidsson, Gordon 2012] и др.), можно предположить, что подобные проекты позволяют получить детерминированные суждения за длительный период времени. Только лонгитюд дает возможность достоверно увидеть, что происходило с конкретным предпринимателем на прошлой или позапрошлой волне, и как это повлияло на его предпринимательские решения и поведение.

Данная статья представляет собой анализ первых результатов пионерского исследовательского проекта, начатого в 2021 г. Институтом Фонда «Общественное мнение». Его цель – создать базу данных для изучения адаптационных стратегий и поведения

субъектов малого предпринимательства в условиях пандемии. Некоторые методические и содержательные результаты проекта уже представлены в отечественной литературе [Ослон и др. 2022; Чепуренко и др. 2021; Егорова, Чепуренко 2023]. Представляется, что в нынешних условиях проект не утратил своей актуальности, поскольку в 2022 г. российский малый бизнес столкнулся с резкими изменениями всех условий хозяйственной деятельности, которые стали для него столь же неожиданными, как пандемия коронавируса 2020 г.

Источник данных, анализ литературы и рабочие гипотезы

Статья подготовлена на основе данных 1-й и 2-й волн лонгитюдного опроса (июль-ноябрь 2021 г.) в рамках проекта «Социология малого бизнеса» (Проект СМБиз), осуществляемого Институтом Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). В настоящий момент уже имеются данные 3–5 волн (февраль – август 2022 г.), однако их еще предстоит обработать и проанализировать.

В Проекте СМБиз основой для систематических научно-корректных опросов предпринимателей малого бизнеса выступает Панель Малого Бизнеса (ПМБ). По состоянию на июль 2021 г. она включала в себя свыше 3155 лиц, которые идентифицировали себя как предпринимателей, дали согласие на участие в последующих исследованиях ФОМ и заполнили «Паспорт Участника Панели» со сведениями о предпринимателе и его бизнесе.

Из этой ПМБ была составлена случайная выборка лонгитюда малого бизнеса (далее также лонг-респонденты) в количестве 768 респондентов, которые согласились на участие в ежеквартальных исследованиях.

Первая волна лонгитюдного опроса состоялась в июле-августе 2021 г., в ней приняли участие 679 лонг-респондентов. Исследование проводилось методом телефонного формализованного интервью или онлайн-опроса по выбору лонг-респондента.

Структура панели лонгитюда на этапе 1-й волны была следующей:

- 76% мужчин и 24% женщин;
- 35% юридических лиц (ООО и пр.) и 64% индивидуальных предпринимателей (ИП);
- 74% микропредприятий, 8% малых и 1% средних предприятий, 16% не были включены в какую-либо группу, так как респонденты отказались отвечать на вопрос о доходе;
- 6% предпринимателей в возрасте от 18 до 30 лет, 48% в возрасте от 31 до 45 лет, 36% в возрасте от 46 до 60 лет, 10% старше 60 лет;
- 30% проживают в городах с населением более 1 млн человек, 26% – с населением от 250 тысяч до 1 млн, 18% – с населением от 50 до 250 тысяч, 11% – с населением менее 50 тысяч жителей и поселках городского типа, еще 15% – в селах;
- 6% имеют среднее общее образование и ниже, 19% – среднее специальное, 9% – неоконченное высшее, 67% – высшее образование.

Данная выборка не может считаться репрезентацией российского малого бизнеса в целом. Тем не менее, ее размер достаточен для того, чтобы провести ряд группировок и проверить некоторые гипотезы об особенностях мотивации и поведения конкретных субъектов малого предпринимательства, а также о факторах, которые влияют на изменения бизнеса и стратегии самих предпринимателей в долгосрочной перспективе.

2-я волна опроса была проведена в октябре-ноябре 2021 г. В ней приняли участие 628 человек.

В профильной научной литературе предпринимательство определяют прежде всего как вид целерациональной деятельности. Согласно теории запланированного поведения

[Ajzen 1991; Ajzen 2002 и др.], акторы, имея определенные намерения и ожидания, которые формируются в результате рациональной оценки ими внешней среды, принимают на себя риски и возможности, связанные с предпринимательской деятельностью. Соответственно, если они намерены развивать свой бизнес в условиях внезапных внешних ограничений, они действуют рационально, руководствуясь адекватной оценкой своих возможностей и ресурсов. Скорее всего, они склонны рассматривать ухудшения обстановки в экономике как преходящие, а собственные хозяйственные результаты – как вполне достаточные. Кроме того, очевидно, что предприниматели будут искать инновационные решения, которые смягчат шоки от пандемии.

Формами инновационной деятельности становятся внедрение цифровых технологий в производство, маркетинг и управленческие практики, а также перевод сотрудников на удаленную работу [Liguori, Pittz 2020; Bellitski et al 2022 и др.]. Таким образом, первая гипотеза исследования заключается в том, что предприниматели, принявшие стратегию развития, должны более позитивно, чем предприниматели, принявшие стратегию выживания или сохранения прежних масштабов бизнеса, оценивать ситуацию в экономике в целом и положение дел в своем бизнесе. Также предполагается, что они более активно используют инновационные решения в своих компаниях.

В малом предпринимательстве особенно важна личность владельца, руководителя бизнеса. Когда говорят о личных качествах предпринимателя, чаще всего учитывают различия в мотивации к предпринимательской деятельности [Carsrud, Brännback 2011; Shane et al 2003 и др.]. В международном проекте «Глобальный мониторинг предпринимательства» (GEM) бизнесмены выбирали мотивы из следующего списка: изменить мир к лучшему, обеспечить высокое благосостояние и создать значительный капитал, продолжить семейную традицию, обеспечить источник дохода в условиях недостатка других вариантов трудоустройства. Данное исследование установило, что в России наиболее распространена в качестве мотива необходимость в источнике дохода, что говорит о преобладании в стране вынужденного предпринимательства. Согласно данным GEM, различия в мотивации предпринимателей влияют на готовность предлагать новые продукты, внедрять инновации, а также на живучесть фирм [Belda, Cabrer-Borrás 2018]. Соответственно, вторая гипотеза заключается в том, что оценка ситуации в бизнесе и экономике коррелирует с мотивацией ведения бизнеса предпринимателями:

- предприниматели, которые ведут бизнес с целью самореализации, чаще других позитивно оценивают положение дел в своем бизнесе;
- предприниматели, которые ведут бизнес с целью получить высокий доход, чаще других нейтрально оценивают положение дел в своем бизнесе;
- предприниматели, которые ведут бизнес с целью прокормить себя и семью, чаще других негативно оценивают положение дел в своем бизнесе.

В международной литературе существует множество работ, посвященных анализу факторов, которые влияют на финансово-хозяйственные результаты малого бизнеса (см., напр., обзор в [Sayal, Banerjee 2017]). Однако вопрос о воздействии финансово-хозяйственных результатов на стратегические ориентации малого бизнеса в условиях глобальных потрясений изучен слабо [DeDee et al 1998; Herbane 2010; Cowling et al 2015]. Между тем, кажется очевидным, что владельцы малого бизнеса могут (и даже вынуждены) руководствоваться разными стратегиями (рост (развитие), сохранение бизнеса (удержание текущих объемов) или выживание (сокращение текущих объемов деятельности)) и менять их под влиянием текущих результатов хозяйственной деятельности – особенно в период экономических шоков [Kitching et al 2009]. Малый бизнес имеет ограниченный доступ к внешнему финансированию, тем более к долгосрочному, в результате чего ухудшение или

улучшение текущих результатов либо создает условия для роста, либо, напротив, приводит к переходу в режим выживания. Соответственно, была сформулирована третья гипотеза: в условиях пандемии и связанных с ней новых рисков (внезапное «схлопывание» рынков из-за локдауна, разрыв технологических цепочек и т. д.) наиболее часто будет применяться стратегия, нацеленная на сохранение своего бизнеса – независимо от текущей динамики доходов.

Проверка гипотез на данных двух волн лонгитюда

Таблица 1

Оценка респондентами изменения ситуации в экономике в целом за прошлый квартал
(1-я и 2-я волны лонгитюда ФОМ)

Table 1

Respondents' assessment of changes in the economic situation over the past quarter
(1st and 2nd waves of FOM longitudinal study)

Ситуация	Валидный %, 1-я волна	Валидный %, 2-я волна
улучшилась	7,7	12,2
ухудшилась	60,2	51,2
не изменилась	24,3	29,0
затрудняюсь ответить	7,8	7,5
Итого	100,0	100,0

Пессимизм в оценке общеэкономической ситуации между 1-й и 2-й волнами лонгитюда уменьшился с 60 до 51% (см. таб.1), а оптимизм несколько возрос (с 7,7 до 12,2%). Данный результат может быть отчасти связан с выбытием из выборки 15-ти респондентов, участвовавших в первой волне, что составляет 2% от численности опрошенных на второй волне (см. таб. 3). В то же время предприниматели оценивают положение дел в собственном бизнесе гораздо оптимистичнее, чем общеэкономическую ситуацию. В первой волне 67% респондентов ответили, что условия для ведения их бизнеса либо не изменились, либо улучшились, во второй таких оказалось 71%. Ухудшение заметила примерно треть респондентов в ходе первой волны и четверть – в ходе второй (см. таб. 2).

Таблица 2

Оценка респондентами изменений условий ведения их собственного бизнеса
(1-я и 2-я волны лонгитюда ФОМ)

Table 2

Respondents' assessment of changes in the condition of their own business
(1st and 2nd waves of the FOM longitudinal study)

Ситуация (условия)	Валидный %, 1-я волна	Валидный %, 2-я волна
улучшились	7,8	9,6
ухудшились	31,5	26,3
не изменились	59,2	63,1
затрудняюсь ответить	1,5	1,0
Итого	100,0	100,0

Как уже отмечалось, между волнами из лонгитюда выбыло 15 участников. Некоторые из них связали свой выход из проекта с закрытием бизнеса. Говоря о мотивах, эти предприниматели примерно поровну ссылались на сугубо экономические и исключительно личные причины. В любом случае, доля выбывших не оказала значимого эффекта на структуру выборки и не ограничила возможности сопоставления.

Как свидетельствуют рисунки 1 и 2, предприниматели, нацеленные на рост своего бизнеса, оценивают общеэкономическую ситуацию позитивнее, чем те, кто ориентирован на простое выживание или сохранение бизнеса в нынешних объемах. Корреляционный анализ по объединенному массиву 1-й и 2-й волн (таб. 3) выявил взаимосвязь между оценкой условий ведения бизнеса и использованием новых методов и технологий, но коэффициенты значимости не очень высоки.

Таблица 3

**Связь между оценкой условий ведения бизнеса и применением/неприменением
определенных бизнес-стратегий и технологий
(по объединенному массиву 2-х волн лонгитюда ФОМ)**

Table 3

**The relationship between the assessment of business conditions
and the usage of certain business strategies and technologies
(according to the combined data of 2 waves of the FOM longitude)**

Изменение условий ведения бизнеса в прошлом квартале	Инструменты стратегий				
	онлайн- продажи	интернет- решения для продвижения	удаленная работа	электронный документо- оборот	иные новые методы
Коэффициент корреляции Пирсона	0,015	0,006	0,032	–0,015	0,049
Значимость (двусторонняя)	0,587	0,843	0,257	0,607	0,085
Количество ответов	1280	1279	1271	1255	1245

Теперь следует рассмотреть связи между оценками положения в экономике в целом и в собственном бизнесе, с одной стороны, и бизнес-стратегией компании, с другой. С данной целью были построены одноуровневые классификационные деревья, что дало возможность автоматически объединить бизнес-стратегии, носители которых оценивают ситуацию практически одинаково.

Приведенные деревья классификации свидетельствуют об устойчивой связи между стратегиями предпринимателей и их оценкой ситуации в экономике. В то же время респонденты, которые не смогли точно охарактеризовать свою бизнес-стратегию в прошлом квартале, оценивают положение в экономике примерно так же, как их коллеги со стратегией сохранения бизнеса.

Что касается использования инновационных решений, то, как видно из таблицы 4, у предпринимателей с ориентацией на рост бизнеса, а также на использование удаленной работы и других новых технологий, в условиях пандемии спрос на продукцию и услуги возрос.

Ситуация в экономике в целом, на Ваш взгляд, за
прошлый квартал улучшилась, ухудшилась или не
изменилась?

Узел 0		
Категория	%	n
■ улучшилась	7,7	52
■ ухудшилась	60,2	409
■ не изменилась	24,3	165
■ затрудняюсь ответить	7,8	53
Всего	100,0	679

Какое из этих трёх слов лучше всего характеризует
вашу бизнес-стратегию в прошлом квартале:

выхижение, сохранение или рост?
Скорр. Р-значение=0,000, Хи-квадрат=49,098, ст.св.=6

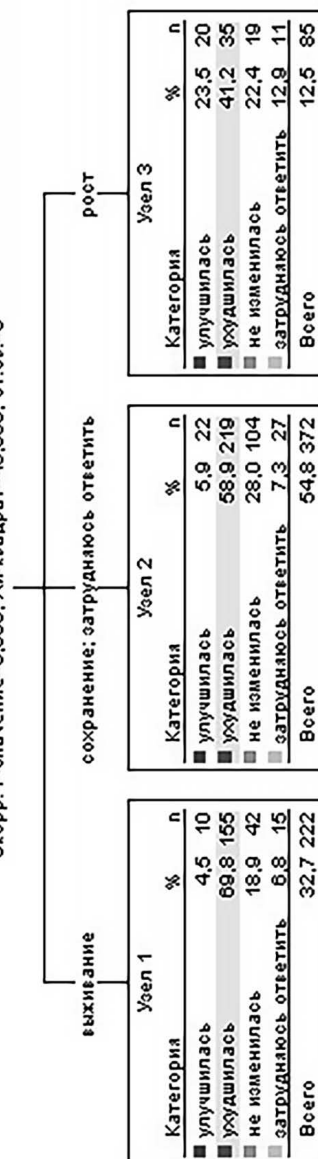

Рисунок 1. Дерево классификации респондентов по оценке общеэкономической ситуации в зависимости от бизнес-стратегии
(по итогам 1-й волны лонгитюда ФОМ)

Figure 1. Classification tree of respondents based on their assessment of the general economic situation depending on the business strategy
(according to the results of the 1st wave of the FOM longtude)

Ситуация в российской экономике в целом, на Ваш взгляд, за третий квартал улучшилась, ухудшилась или не изменилась?

Узел 0		
Категория	%	n
■ улучшилась	12,2	75
■ ухудшилась	51,2	314
■ не изменилась	29,0	178
■ затрудняюсь ответить	7,5	48
Всего	100,0	613

■ улучшилась
■ ухудшилась
■ не изменилась
■ затрудняюсь ответить

Какое из этих трёх слов лучше всего характеризует вашу бизнес-стратегию в третьем квартале:

выхивание, сохранение или рост?
 Скорр. Р-значение=0,000, Хи-квадрат=51,009, от.св.=6

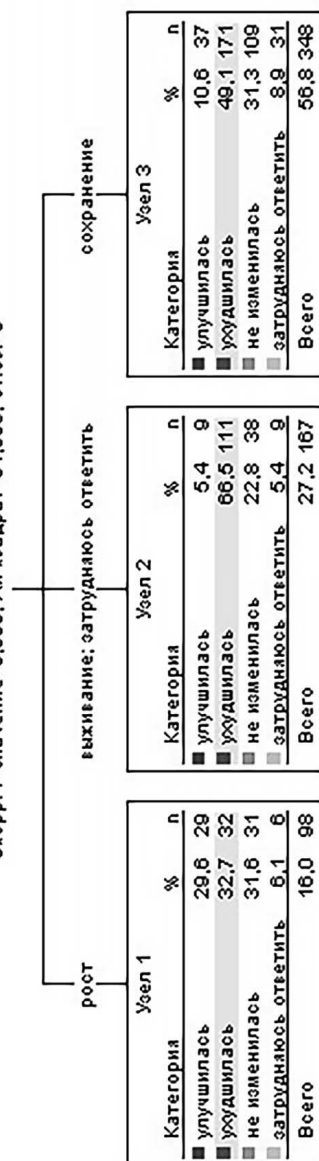

Рисунок 2. Дерево классификации респондентов по оценке общеэкономической ситуации в зависимости от бизнес-стратегии (по итогам 2-й волны лонгитюда ФОМ)

Figure 2. Classification tree of respondents based on their assessment of the general economic situation depending on the business strategy (according to the results of the 2nd wave of the FOM longtude)

Таблица 4

Связь между изменением спроса на продукцию/услуги бизнеса респондента в прошлом квартале, использованием передовых технологий и типом бизнес-стратегии респондента (по объединенному массиву 2-х волн лонгитюда ФОМ)

Table 4

Relationship between the demand for business' goods/services in the last quarter, usage of advanced technologies and business strategy type (based on combined data of 2 waves of the FOM longitude)

Динамика спроса	Стратегии	Инструменты стратегий				
	Выживание, сохранение или рост	онлайн-продажи	интернет-решения для продвижения	удаленная работа	электронный документо-оборот	иные новые методы
Коэффициент корреляции Пирсона	0,402**	-0,004	0,044	0,095**	0,046	0,084**
Значимость (двусторонняя)	0,000	0,882	0,117	0,001	0,101	0,003
Количество ответов	1292	1280	1279	1271	1255	1245

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя)

Что же касается уровня конкуренции, то, как видно из таблицы 5, корреляция между уровнем конкуренции и ориентацией на рост (и выбором соответствующей стратегии роста) значима, тогда как между конкуренцией и ориентацией на рост (и использованием новых средств и технологий организации бизнеса) она достаточно низка. Данная особенность может быть связана с тем, что около половины выборки составляют «вынужденные» предприниматели, которые не склонны применять инновационные решения при любых изменениях бизнес-стратегии.

Таблица 5

Связь между оценкой конкуренции на рынке в прошлом квартале, использованием передовых технологий ведения бизнеса и типом бизнес-стратегии респондента (по объединенному массиву 2-х волн лонгитюда ФОМ)

Table 5

Relationship between assessment of the market competition in the last quarter, the usage of advanced business technologies and the type of business strategy of the respondent (according to the combined data of 2 waves of the FOM longitude)

Динамика условий для ведения бизнеса в прошлом квартале	Стратегии	Инструменты стратегий				
	Выживание, сохранение или рост	онлайн-продажи	интернет-решения для продвижения	удаленная работа	электронный документо-оборот	иные новые методы
Коэффициент корреляции Пирсона	0,306**	0,015	0,006	0,032	-0,015	0,049
Значимость (двусторонняя)	0,000	0,587	0,843	0,257	0,607	0,085
Количество ответов	1292	1280	1279	1271	1255	1245

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя)

Таким образом, в целом предприниматели, придерживающиеся стратегий роста, более позитивно оценивают как положение собственного бизнеса, так и ситуацию в экономике. Однако связь между этими оценками и бизнес-стратегиями с использованием инновационных методов по результатам 1-й и 2-й волн обследования оказалась статистически незначима.

В ходе проверки второй гипотезы выяснилось, что предприниматели с разным типом бизнес-мотивации (см. таб. 6) примерно в равной степени негативно оценивали изменение условий ведения бизнеса (26,2% предпринимателей ради самореализации, 34% «вынужденных» предпринимателей). Однако в вопросах спроса на продукцию (таб. 7) и конкуренции (таб. 8) получены несколько иные результаты.

Таблица 6

Связь между мотивацией к ведению бизнеса и восприятием изменений условий для ведения бизнеса в прошлом квартале (1-я волна лонгитюда ФОМ)

Table 6

Relationship between motivation to do business and perceptions of changes in the business environment in the last quarter (1st wave of the FOM longitude)

Преобладающая мотивация предпринимателя (самооценка респондентов)	Характер изменения условий для ведения бизнеса респондента в прошлом квартале			
	улучшились	ухудшились	не изменились	затрудняюсь ответить
скорее ради самореализации	10,1%	26,2%	61,7%	2,0%
скорее ради высокого дохода	7,1%	30,7%	61,4%	0,7%
скорее, чтобы прокормить себя и семью	6,1%	34,0%	58,8%	1,2%
затрудняюсь ответить	16,3%	32,6%	46,5%	4,7%

Таблица 7

Связь между мотивацией к ведению бизнеса и восприятием изменений спроса на продукцию/услуги в прошлом квартале (1-я волна лонгитюда ФОМ)

Table 7

Relationship between motivation to do business and perception of changes in demand for products/services in the last quarter (1st wave of the FOM longitude)

Преобладающая мотивация предпринимателя (самооценка респондентов)	Характер спроса на продукцию/услуги бизнеса респондентов в прошлом квартале			
	возрос	снизился	не изменился	затрудняюсь ответить
скорее ради самореализации	31,5%	14,1%	51,0%	3,4%
скорее ради высокого дохода	21,4%	30,7%	46,4%	1,4%
скорее, чтобы прокормить себя и семью	20,5%	35,7%	41,8%	2,0%
затрудняюсь ответить	32,6%	34,9%	30,2%	2,3%

Так, оценивая изменение спроса на услуги/продукцию своего бизнеса в прошлом квартале респонденты, которые стремились к самореализации в бизнесе, были гораздо более оптимистичны (у 82,5 % из них спрос увеличился или не изменился), чем респонденты, движимые стремлением к высокому доходу (68%), или «вынужденные» предприниматели (62%).

При оценке изменений условий конкуренции (таб. 8) предприниматели, мотивированные самореализацией, также были наиболее позитивны. Существенных различий между суждениями стремящихся к высокому доходу и «вынужденными» предпринимателями не выявлено.

Таблица 8

**Связь между мотивацией к ведению бизнеса и восприятием конкуренции
в прошлом квартале (1-я волна лонгитюда ФОМ)**

Table 8

**Relationship between motivation to do business and perceptions of competition
in the last quarter (1st wave of the FOM longitude)**

Преобладающая мотивация предпринимателя (самооценка респондентов)	Изменилась ли (и как) конкуренция для бизнеса респондентов в прошлом квартале			
	стало легче конкурировать	стало труднее конкурировать	конкуренция практически не изменилась	затрудняюсь ответить
Скорее к первой (ради самореализации)	7,4%	20,1%	67,8%	4,7%
Скорее ко второй (ради высокого дохода)	3,6%	23,6%	68,6%	4,3%
Скорее к третьей (чтобы прокормить себя и семью)	3,7%	28,0%	64,6%	3,7%
Затрудняюсь ответить	7,0%	30,2%	60,5%	2,3%

Таким образом, на данных 1-й волны лонгитюда в целом подтверждаются гипотеза о том, что предприниматели, которые ведут бизнес с целью самореализации, чаще других позитивно оценивают положение дел в своей компании. Также верной оказалась гипотеза о том, что предприниматели, цель которых – прокормить себя и семью, чаще других оценивают ситуацию негативно. В то же время не подтвердилось предположение, что предприниматели, ведущие бизнес с целью получить высокий доход, склонны нейтрально оценивать положение своих дел. По всем параметрам их суждения оказались близки к оценкам «вынужденных» предпринимателей.

Проверка гипотезы о сравнительной устойчивости стратегии, нацеленной на сохранение бизнеса в условиях внешних шоков, показала (см. рис. 3) следующее. Большинство опрошенных (63,5%) изначально придерживались подобного пути, но по итогам 2-й волны картина немного поменялась (см. рис. 4). Больше половины респондентов (56,8%) по-прежнему стремились сохранить бизнес, но изменение уровня дохода в прошедшем квартале привело к перегруппировке опрошенных по типу стратегии.

В частности, выявились различия в стратегиях между предпринимателями с неудовлетворительным доходом и теми, у кого доход был достаточным, но снизился по сравнению с предыдущим кварталом. Среди первых резко сократилась доля ориентированных на сохранение бизнеса (до 36,3%), а нацеленных на выживание стало гораздо больше (до 58,1%). У второй группы стратегические ориентиры практически не изменились. В то же время среди тех, у кого доход возрос по сравнению с предыдущим кварталом, доля ориентирующихся на рост увеличилась с 12,5% почти до трети, а доля «выживающих» сократилась с 32,7% до 13,7%. Неизменность же дохода приводит, скорее, к увеличению доли тех, кто ориентируется просто на сохранение бизнеса – с 53,6% до 74,6% опрошенных.

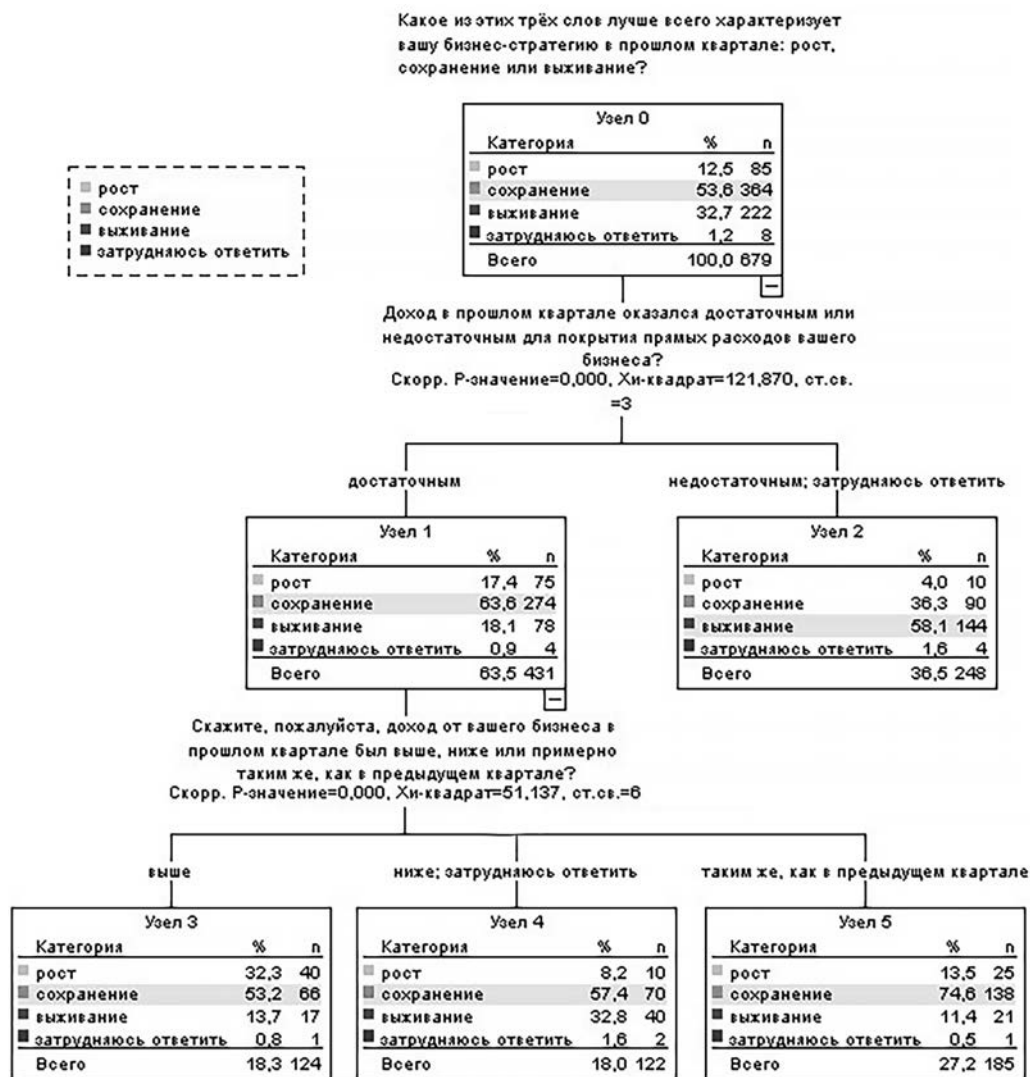

Рисунок 3. Стратегии малых предпринимателей и влияние на них динамики доходов в прошлом квартале (1-я волна лонгитюда ФОМ)

Figure 3. Strategies of small entrepreneurs and the impact on them of income dynamics in the last quarter (1st wave of the FOM longitude)

Во 2-й волне выделяется группа предпринимателей, у которых доход оказался ниже, чем в предыдущем квартале. Они различаются по оценке достаточности полученных средств для покрытия прямых затрат. Среди первых стало больше тех, кто ориентируется на стабильность бизнеса (67%), и почти не изменилась доля сторонников стратегии выживания. Среди вторых доля тех, кто ориентируется на стабильность, резко сократилась (до 12,9%), а доля «выживающих» возросла до 84,3%.

Какие из этих трёх слов лучше всего характеризуют вашу бизнес-стратегию в прошлом квартале: выживание, сохранение или рост?

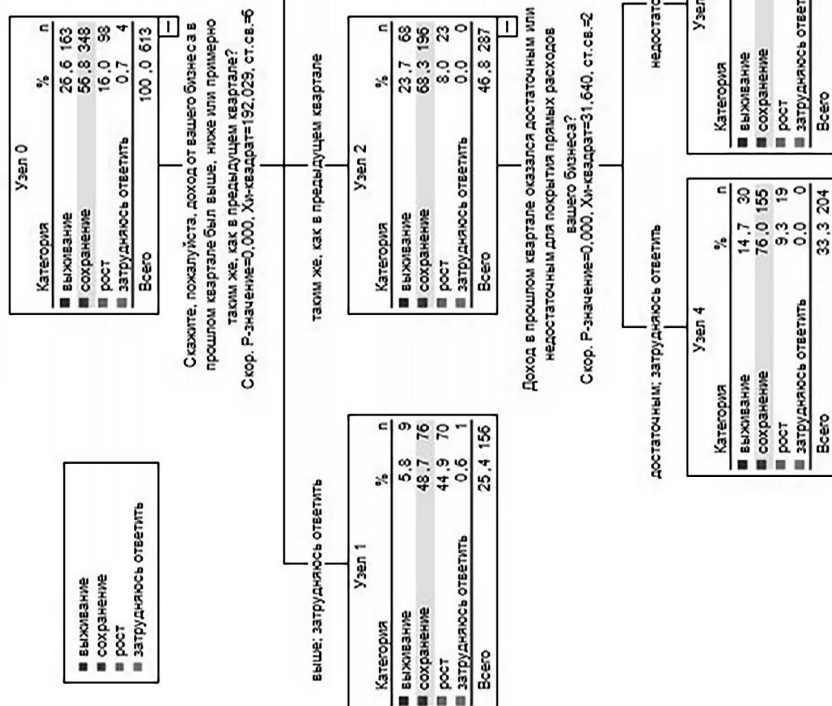

Рисунок 4. Стратегии малых предпринимателей и влияние на них динамики текущих доходов в прошлом квартале (2-я волна лонгитюда ФОМ)

Figure 4. Strategies of small entrepreneurs and the impact on them of income dynamics in the last quarter (2nd wave of the FOM longitude)

Кроме того, обнаружилась еще одна точка расхождения – между теми, у кого доход в 3-м квартале не изменился по сравнению со 2-м, но его оказалось достаточно для покрытия прямых расходов, и теми, у кого после сокращения его стало недостаточно для оперативного бизнеса. Среди последних доли ориентированных на стабильность и на выживание оказались примерно равными (49,4% и 45,8%, соответственно). В кругу же респондентов, у которых после сокращения дохода все же хватало средств на покрытие прямых расходов бизнеса, со значительным преимуществом доминировали ориентированные на стабильность (76%) по сравнению с нацеленными просто на выживание (14,7%).

Таким образом, на основе материалов 1-й и 2-й волн лонгитюда можно сделать вывод, что в стратегиях малых предпринимателей чаще доминирует нацеленность на простое сохранение бизнеса, однако в условиях внешних шоков установки могут меняться. Тем не менее, такая трансформация происходит скорее при сокращении текущего дохода (переход к выживанию наблюдается чаще), чем при его увеличении (переход к стратегии развития наблюдается реже). Важную роль играет и то, приводит ли снижение текущего дохода к невозможности покрыть прямые расходы по бизнесу.

Заключение: выводы и рекомендации

По итогам 1-й и 2-й волн лонгитюда малого предпринимательства удалось установить следующее.

Оценка респондентами ситуации в экономике и собственном бизнесе коррелирует с бизнес-стратегией. Предприниматели, нацеленные на рост своего бизнеса, оценивают общеэкономическую ситуацию (даже в условиях внешних ограничений) спокойнее, чем те, кто ориентирован на выживание (сокращение масштабов бизнеса) или сохранение бизнеса в нынешних объемах. Иначе говоря, предприниматели, создающие и ведущие бизнес с целью роста и развития, более устойчивы к внешним шокам (такое качество в современной литературе называют упругостью, *resilience*). Однако в России малое предпринимательство реже стремится к росту и масштабированию [см. *Чепуренко, Образцова 2020*], а государственная политика фактически закрепляет и поддерживает эту тенденцию, налоговыми мерами создавая условия для преобладания таких форм предпринимательства, как самозанятость и микробизнес.

Между тем, – особенно в нынешней ситуации – государству жизненно необходимо повышать в секторе малого предпринимательства долю бизнес-единиц, которые демонстрируют упругость к внешним шокам и способность к развитию. Добиться данной цели можно, проводя предсказуемую экономическую и регуляторную политику, а также принимая меры поддержки для данной группы. Среди таких средств – вовлечение в программы импортозамещения (на основе платформенных решений по развитию субконтрактации и др.), стипендиальная поддержка при подготовке квалифицированных кадров, формирование локальных и региональных кластеров развития посредством льготных условий размещения и подключения к инфраструктуре и т. д.

Мотивация ведения бизнеса имеет значение. Предприниматели, которые руководствуются целью самореализации, чаще других позитивно оценивают положение дел в своем бизнесе. Те, кто стремится прокормить себя и семью, чаще оценивают его негативно.

В данном аспекте к «вынужденным» предпринимателям по всем параметрам близки оказались те, мотивацией для которых выступает повышение дохода. Для того, чтобы лица, настроенные на самореализацию, приходили в малый бизнес, а не на госслужбу, нужно делать более прозрачной экономическую среду, проводить эффективную антимонопольную политику, упрощать доступ к госзакупкам и госзаказу, использовать «регуляторную

гильотину» для ликвидации барьеров. В противном случае, малый бизнес в России станет уделом преимущественно «вынужденных» предпринимателей. В исходной панели лонгитюда чуть больше половины респондентов (51%) относились к этой группе. Оказалось, что даже при ухудшении показателей бизнеса и негативной оценке общеэкономической ситуации они не могут позволить себе закрыть бизнес, так как не имеют альтернативных источников заработка. В результате снижается «качество» предпринимательской когорты, а также сокращаются валовые выплаты сектора – в том числе и налоговые отчисления.

В условиях внешних шоков доминирующей (и относительно устойчивой) стратегией выступает сохранение бизнеса. В то же время малый бизнес проявляет определенную гибкость в зависимости от изменений текущих доходов, однако она чаще выражается в сокращении притязаний, чем в росте амбиций. Соответственно, в условиях роста неопределенности и новых внешних рисков особенно необходима прозрачность и предсказуемость общеэкономической и финансовой политики государства, а также специальные средние- и долгосрочные меры поддержки сектора МСП. Предоставляя те или иные отсрочки (по уплате налогов, арендной платы по выплате ранее взятых кредитов) лишь на несколько кварталов, государство не обеспечивает такой предсказуемости. Усиливающийся пресс неналоговых сборов и платежей становится дополнительным бременем, которое серьезно повышает текущие коммерческие риски субъектов малого предпринимательства.

Полученные выводы позволяют углубить знания о поведении субъектов малого предпринимательства в условиях экзогенных шоков. Во-первых, стратегия развития бизнеса выступает не только результатом, но и важной предпосылкой адаптивности – устойчивости малого бизнеса к внешним шокам [Егорова, Чепуренко 2023]. Малые предприниматели не просто пассивно реагируют на изменение внешней среды, но вырабатывают проактивную позицию [Sadler-Smith 2004], что позволяет им оценивать снижение коммерческих результатов бизнеса и ухудшение общеэкономической ситуации как контролируемые обстоятельства в соответствии с теорией эффектуальной логики предпринимателей [Sarvasvathy 2001].

Во-вторых, важным результатом исследования стало выявление схожести поведения «вынужденных» и малых предпринимателей, ориентированных просто на повышение дохода, с точки зрения оценки общеэкономической ситуации и выбора стратегии поведения. Между тем, в научной литературе по предпринимательству обе категории так называемых добровольных предпринимателей (стремящиеся к повышению дохода и стремящиеся к самореализации) противопоставляют «вынужденным» предпринимателям (см., напр., [Amorósetal 2019]). Как представляется, результаты анализа поведения предпринимателей в условиях внезапных экзогенных шоков позволяют согласиться с утверждением о том, что «необходимо более глубокое понимание мотивации к предпринимательской деятельности – выходящее за пределы упрощенного противопоставления вынужденного предпринимательства добровольному, – особенно когда речь идет о возможности предсказания ожиданий предпринимателей в отношении роста их бизнеса..., тесно связанных со степенью его успешности» [Stephan et al 2015, 9].

В-третьих, еще в конце 1990-х гг. в теории предпринимательства было установлено, что не все конфигурации, демонстрирующие связанность между стратегией предпринимателя, успешностью его фирмы и состоянием экономической среды, «согласуются с нормативной теорией. Таким образом, следует разработать и протестировать альтернативные теории» [Dess et al 1997, 677]. В данной статье на материалах пилотного исследования изучены связи между тремя параметрами: 1) оценка ситуации в экономике; 2) бизнес-стратегия; 3) мотивация к ведению бизнеса. Предварительный анализ позволяет заключить, что сформулированные гипотезы по мере накопления данных следующих волн лон-

гитюда могут быть проверены уже с использованием латентных переменных, в том числе с применением методов моделирования структурными уравнениями (SEM). В результате можно будет сделать более общие теоретические выводы о взаимозависимости между переменными восприятия собственных результатов и бизнес-среды и стратегиями поведения предпринимателей.

Ограничения данного исследования связаны в первую очередь с небольшой продолжительностью проекта. Возможно, по мере накопления результатов последующих волн некоторые из них придется скорректировать или пересмотреть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егорова А.И., Чепуренко А.Ю. (2023) Факторы упругости малого предпринимательства в условиях внешних шоков в России (по данным лонгитюдного исследования) // Российский журнал менеджмента. № 1. С. 172–197.

Ослон А.А., Никифорова Е.А., Богомолова Е.В., Петренко Е.С., Кот Ю.А. (2022) На пути к антихрупкости. Как компании переживают коронавирус. М.: ИнФОМ.

Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Духон А.Б., Ослон А.А. (2021) Государственная политика в отношении малого предпринимательства в период пандемии в оценках бенефициаров // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 66–89.

Чепуренко А.Ю., Образцова О.И. (2020) Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 14. № 2. С. 199–211.

Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. No. 50. Pp. 179–211.

Ajzen I. (2002) Perceived Behavioral Control, Self-efficacy, Locus of Control, and the Theory of Planned Behavior // Journal of Applied Social Psychology. No. 32. Pp. 665–683.

Álvarez Jaramillo J., Zartha Sossa J.W., Orozco Mendoza G.L. (2019) Barriers to Sustainability for Small and Medium Enterprises in the Framework of Sustainable Development – Literature Review // Business Strategy and the Environment. No. 28. Pp. 512–524.

Amorós J. E., Ciravegna L., Mandakovic V., Stenholm P. (2019) Necessity or Opportunity? The Effects of State Fragility and Economic Development on Entrepreneurial Efforts // Entrepreneurship Theory and Practice. No. 43. Pp. 725–750.

Bartik A. W., Bertrand M., Cullen Z., Glaeser E. L., Luca M., Stanton C. (2020) The Impact of COVID-19 on Small Business Outcomes and Expectations // Proceedings of the National Academy of Sciences. No. 117. Pp. 17656–17666.

Belda P.R., Cabrer-Borrás B. (2018) Necessity and Opportunity Entrepreneurs: Survival Factors // International Entrepreneurship and Management Journal. No. 14. Pp. 249–264.

Belitski M., Guenther C., Kritikos A. S., Thurik R. (2022) Economic Effects of the COVID-19 Pandemic on Entrepreneurship and Small Businesses // Small Business Economics. No. 58. Pp. 593–609.

Briguglio L., Cordina G., Farrugia N., and Vella S. (2009) Economic Vulnerability and Resilience: Concepts and Measurements // Oxford Development Studies. No. 37. Pp. 229–247.

Carsrud A., Brännback M. (2011) Entrepreneurial Motivations: What Do We Still Need to Know? // Journal of Small Business Management. No. 49. Pp. 9–26.

Castro M.P., Zermeno M.G.G. (2020) Being an Entrepreneur Post-COVID-19-resilience in Times of Crisis: A Systematic Literature Review // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. No. 13. Pp. 721–746.

COVID-19 and Entrepreneurship: Challenges and Opportunities for Small Business (2021) Ed(s): Ratten V. Milton Park: Routledge. 136 p. (<https://doi.org/10.4324/9781003149248>).

- Cowling M., Liu W., Ledger A., Zhang N. (2015) What Really Happens to Small and Medium-sized Enterprises in a Global Economic Recession? UK Evidence on Sales and Job Dynamics // *International Small Business Journal*. No. 33. Pp. 488–513.
- Davidsson P., Gordon S.R. (2012) Panel Studies of New Venture Creation: A Methods-focused Review and Suggestions for Future Research // *Small Business Economics*. No. 39. Pp. 853–876.
- DeDee J.K., Vorhies D.W. (1998) Retrenchment Activities of Small Firms During Economic Downturn: An Empirical Investigation // *Journal of Small Business Management*. No. 36. Pp. 46–61.
- Dess G.G., Lumpkin G.T., Covin J.G. (1997) Entrepreneurial Strategy Making and Firm Performance: Tests of Contingency and Configurational Models // *Strategic Management Journal*. No. 18. Pp. 677–760.
- Fabeil N.F., Pazim, K.H., Langgat J. (2020) The Impact of Covid-19 Pandemic Crisis on Micro-enterprises: Entrepreneurs' Perspective on Business Continuity and Recovery Strategy // *Journal of Economics and Business*. No. 3. Pp. 837–844.
- Fairlie R. (2020) The Impact of COVID-19 on Small Business Owners: Evidence from the First Three Months after Widespread Social-distancing Restrictions // *Journal of Economics & Management Strategy*. Vol. 29. Pp. 727–740.
- Herbane B. (2010) Small Business Research: Time for a Crisis-based View // *International Small Business Journal*. No. 28. Pp. 43–64.
- Jansson J., Nilsson J., Modig F., Hed Vall G. (2017) Commitment to Sustainability in Small and Medium-sized Enterprises: The Influence of Strategic Orientations and Management Values // *Business Strategy and the Environment*. No. 26. Pp. 69–83.
- Kitching J., Blackburn R., Smallbone D., Dixon S. (2009) Business Strategies and Performance During Difficult Economic Conditions. Project Report. (<http://www.berr.gov.uk/files/file51879.doc>).
- Kuckertz A., Brändle L., Gaudig A., Hinderer S., Reyes C.A.M., Prochotta A., Steinbrink K.M., Berger E. S. (2020) Startups in Times of Crisis – A Rapid Response to the COVID-19 Pandemic // *Journal of Business Venturing Insights*. Vol. 13. (<https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00169>).
- Liguori E.W., Pittz T.G. (2020) Strategies for Small Business: Surviving and Thriving in the Era of COVID-19 // *Journal of the International Council for Small Business*. No. 1. Pp. 106–110.
- Meyer B.H., Prescott B., Sheng X.S. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Business Expectations // *International Journal of Forecasting*. No. 38. Pp. 529–544.
- Reynolds P.D. (2011) New Firm Creation: A Global Assessment of National, Contextual, and Individual Factors // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. No. 6. Pp. 315–316.
- Sadler-Smith E. (2004) Cognitive Style and the Management of Small and Medium-sized Enterprises // *Organization Studies*. No. 25. Pp. 155–181.
- Sarasvathy S.D. (2001) Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency // *The Academy of Management Review*. No. 26. Pp. 243–263.
- Sayal A., Banerjee S. (2017) Factors Influencing Performance of SMEs: Literature Review and Research Propositions for SMEs // *The Marketing Review*. No. 17. Pp. 3–32.
- Shane S., Locke E.A., Collins Chr. J. (2003) Entrepreneurial Motivation // *Human Resource Management Review*. No. 13. Pp. 257–279.
- Simpson M., Padmore J., Newman N. (2012) Towards a New Model of Success and Performance in SMEs // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. No. 18. Pp. 264–285.
- Smallbone D., Deakins D., Battisti M., Kitching J. (2012) Small Business Responses to a Major Economic Downturn: Empirical Perspectives from New Zealand and the United Kingdom // *International Small Business Journal*. No. 30. Pp. 754–777.
- Stephan U., Hart M., Mickiewicz T., Drews C.-C. (2015) Understanding Motivations for Entrepreneurship. Birmingham: Enterprise Research Centre.

REFERENCES

- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. no. 50, pp. 179–211.
- Ajzen I. (2002) Perceived Behavioral Control, Self-efficacy, Locus of Control, and the Theory of Planned Behavior. *Journal of Applied Social Psychology*. no. 32, pp. 665–683.
- Álvarez Jaramillo J., Zartha Sossa J. W., Orozco Mendoza G. L. (2019) Barriers to Sustainability for Small and Medium Enterprises in the Framework of Sustainable Development – Literature Review. *Business Strategy and the Environment*. no. 28, pp. 512–524.
- Amorós J. E., Ciravegna L., Mandakovic V., Stenholm P. (2019) Necessity or Opportunity? The Effects of State Fragility and Economic Development on Entrepreneurial Efforts. *Entrepreneurship Theory and Practice*. no. 43, pp. 725–750.
- Bartik A.W., Bertrand M., Cullen Z., Glaeser E.L., Luca M., Stanton C. (2020) The Impact of COVID-19 on Small Business Outcomes and Expectations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. no. 117, pp. 17656–17666.
- Belda P.R., Cabrer-Borrás B. (2018) Necessity and Opportunity Entrepreneurs: Survival Factors. *International Entrepreneurship and Management Journal*. no. 14, pp. 249–264.
- Belitski M., Guenther C., Kritikos A.S., Thurik R. (2022) Economic Effects of the COVID-19 Pandemic on Entrepreneurship and Small Businesses. *Small Business Economics*. no. 58, pp. 593–609.
- Briguglio L., Cordina G., Farrugia N., and Vella S. (2009) Economic Vulnerability and Resilience: Concepts and Measurements. *Oxford Development Studies*. no. 37, pp. 229–247.
- Carsrud A., Brännback M. (2011) Entrepreneurial Motivations: What Do We Still Need to Know?. *Journal of Small Business Management*. no. 49, pp. 9–26.
- Castro M.P., Zermeño M.G.G. (2020) Being an Entrepreneur Post-COVID-19-resilience in Times of Crisis: A Systematic Literature Review. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. no. 13, pp. 721–746.
- Chepurensko A.Y., Galitsky E.B., Oslon A.A. (2021) Gosudarstvennaya politika v otnoshenii malogo predprinimatelstva v period pandemii v ochenkakh beneficiarov [State Small Entrepreneurship Policy During the Pandemic in the Assessment of Beneficiaries]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*. no. 4, pp. 66–89.
- Chepurensko A.Y., Obraztsova O.I. (2020) Predprinimatelskaya aktivnost v Rossii i ee mezhregionalnye razlichiya [Entrepreneurial Activity in Russia and its Cross-Regional Differences]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy associacii*. no. 14, pp. 199–211.
- COVID-19 and Entrepreneurship: Challenges and Opportunities for Small Business* (2021) Ed(s): Ratten V. Milton Park: Routledge. 136 p. (<https://doi.org/10.4324/9781003149248>).
- Cowling M., Liu W., Ledger A., Zhang N. (2015) What Really Happens to Small and Medium-sized Enterprises in a Global Economic Recession? UK Evidence on Sales and Job Dynamics. *International Small Business Journal*. no. 33, pp. 488–513.
- Davidsson P., Gordon S.R. (2012) Panel Studies of New Venture Creation: A Methods-focused Review and Suggestions for Future Research. *Small Business Economics*, no. 39, pp. 853–876.
- DeDee J.K., Vorhies D.W. (1998) Retrenchment Activities of Small Firms During Economic Downturn: An Empirical Investigation. *Journal of Small Business Management*. no. 36, pp. 46–61.
- Dess G.G., Lumpkin G.T., Covin J.G. (1997) Entrepreneurial Strategy Making and Firm Performance: Tests of Contingency and Configurational Models. *Strategic Management Journal*. no. 18, pp. 677–760.
- Egorova A.I., Chepurensko A.Y. (2023) Factory uprugosti malogo predprinimatelstva v usloviyakh vneshnikh shokovv Rossii (po dannym longitudinalnogo issledovaniya) [Factors of the Resilience of Small Businesses under External Shocks in Russia (based on the longitudinal study data)]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. no. 20, pp. 172–197.

- Fabeil N.F., Pazim, K.H., Langgat J. (2020) The Impact of Covid-19 Pandemic Crisis on Micro-enterprises: Entrepreneurs' Perspective on Business Continuity and Recovery Strategy. *Journal of Economics and Business*. no. 3, pp. 837–844.
- Fairlie R. (2020) The Impact of COVID-19 on Small Business Owners: Evidence from the First Three Months after Widespread Social-distancing Restrictions. *Journal of Economics & Management Strategy*. vol. 29, pp. 727–740.
- Herbane B. (2010) Small Business Research: Time for a Crisis-based View. *International Small Business Journal*. no. 28, pp. 43–64.
- Jansson J., Nilsson J., Modig F., Hed Vall G. (2017) Commitment to Sustainability in Small and Medium-sized Enterprises: The Influence of Strategic Orientations and Management Values. *Business Strategy and the Environment*. no. 26, pp. 69–83.
- Kitching J., Blackburn R., Smallbone D., Dixon S. (2009) *Business Strategies and Performance during Difficult Economic Conditions*. Project Report. (<http://www.berr.gov.uk/files/file51879.doc>).
- Kuckertz A., Brändle L., Gaudig A., Hinderer S., Reyes C.A.M., Prochotta A., Steinbrink K.M., Berger E. S. (2020) Startups in Times of Crisis – A Rapid Response to the COVID-19 Pandemic. *Journal of Business Venturing Insights*. vol. 13. (<https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2020.e00169>).
- Liguori E. W., Pittz T. G. (2020) Strategies for Small Business: Surviving and Thriving in the Era of COVID-19. *Journal of the International Council for Small Business*, no. 1, pp. 106–110.
- Meyer B. H., Prescott B., Sheng X. S. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Business Expectations. *International Journal of Forecasting*. no. 38, pp. 529–544.
- Osion A.A., Nikiforova E.A., Bogomolova E.V., Petrenko E.S., Kot Yu.A. (2022) *Na puti k antikhrupkosti. Kak kompanii pereshivayut coronavirus* [On the Way to Anti-fragility. How Companies Perceive Coronavirus]. Moscow: FOM.
- Reynolds P.D. (2011) New Firm Creation: A Global Assessment of National, Contextual, and Individual Factors. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. no. 6, pp. 315–316.
- Sadler-Smith E. (2004) Cognitive Style and the Management of Small and Medium-sized Enterprises. *Organization Studies*. no. 25, pp. 155–181.
- Sarasvathy S.D. (2001) Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency. *The Academy of Management Review*. no. 26, pp. 243–263.
- Sayal A., Banerjee S. (2017) Factors Influencing Performance of SMEs: Literature Review and Research Propositions for SMEs. *The Marketing Review*. no. 17, pp. 3–32.
- Shane S., Locke E.A., Collins Chr. J. (2003) Entrepreneurial Motivation. *Human Resource Management Review*. no. 13, pp. 257–279.
- Simpson M., Padmore J., Newman N. (2012) Towards a New Model of Success and Performance in SMEs. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. no. 18, pp. 264–285.
- Smallbone D., Deakins D., Battisti M., Kitching J. (2012) Small Business Responses to a Major Economic Downturn: Empirical Perspectives from New Zealand and the United Kingdom. *International Small Business Journal*. no. 30, pp. 754–777.
- Stephan U., Hart M., Mickiewicz T., Drews C.-C. (2015) *Understanding Motivations for Entrepreneurship*. Birmingham: Enterprise Research Centre.

Информация об авторах

Чепуренко Александр Юльевич, доктор экономических наук, профессор, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., 20. E-mail: achepurenko@hse.ru

Галицкий Ефим Борисович, кандидат экономических наук, Начальник лаборатории анализа данных, Институт Фонда «Общественное мнение». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, 15. Доцент, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., 20. E-mail: galitskiy@fom.ru.

Ослон Александр Анатольевич, кандидат технологических наук, Президент, Фонд «Общественное мнение». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, 15. Заведующий базовой кафедрой Фонда «Общественное мнение», Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., 20. E-mail: oslon@fom.ru. ORCID: 0000-0002-2568-5566

About the authors

Alexander Yu. Chepurenko, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”. Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000. E-mail: achepurenko@hse.ru

Efim B. Galitsky, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Data Analysis Laboratory, Institute of the Public Opinion Foundation. Address: Rochdelskaya str., 15, Moscow, 123022. Associate Professor, Graduate School of Business, National Research University “Higher School of Economics”. Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000. E-mail: galitskiy@fom.ru

Alexander A. Oslon, Candidate of Technical Sciences, President, Public Opinion Foundation (FOM). General Director, Public Opinion Foundation Institute. Address: Rochdelskaya Str., 15, Moscow, 123022. Professor, Head of the FOM Basic Chair, Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”. Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000. E-mail: [oslon@fom](mailto:oslon@fom.ru)

Статья поступила в редакцию/ Received: 06.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 13.02.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 19.02.2023

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ PROBLEMS OF EDUCATION

Оригинальная статья / Original Article

Возможности и достижения в области образования: Россия и Вишеградская группа стран¹

© И. ПАУХОФОВА, Л.Я. БУХАРБАЕВА, З.Ф. ИБРАГИМОВА, М.В. ФРАНЦ

Паухофова Ивета, Институт экономических исследований Словацкой Академии наук (Братислава, Словацкая Республика), ipauhofova@yahoo.com. ORCID: 0009-0008-3862-5096

Бухарбаева Лилия Явдатовна, Уфимский Университет Науки и Технологий (Уфа, Россия), buharbaeva@mail.ru. ORCID: 0009-0005-0701-3132

Ибрагимова Зульфия Фануровна, Уфимский Университет Науки и Технологий (Уфа, Россия), badertdinova@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0585-0170

Франц Марина Валерьевна, Уфимский Университет Науки и Технологий (Уфа, Россия), tan-Marina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5324-2463

Изучена динамика неравенства образовательных достижений и возможностей в сегменте школьного образования в России и странах Вишеградской группы. Исследование основано на данных «Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся» (PISA) за 2003–2018 гг. Научная новизна работы заключается в оценке несправедливого компонента неравенства образовательных достижений как неравенства возможностей. Идея разделения неравенства на несправедливый и справедливый компоненты обоснована теорией равных возможностей, которую разработали во второй половине XX в. в западной социальной философии. Неравенство возможностей оценено с помощью параметрической методики, базирующейся на упреждающем подходе к определению равенства возможностей. Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что каждая из рассматриваемых стран уникальна. Словакия и Венгрия наиболее проблемны, что выражается в тенденции к снижению среднего уровня образовательных достижений и высоком уровне неравенства возможностей. Наиболее благополучной выглядит Польша, в которой растут образовательные достижения и снижается уровень неравенства возможностей. В РФ наблюдается тенденция к росту

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта 1/0034/23 VEGA Methodological and Empirical Aspects of Subjective Welfare Measurement.

Funding. The study was supported by grant 1/0034/23 VEGA Methodological and Empirical Aspects of Subjective Welfare Measurement.

читательской и математической грамотности при отсутствии прогресса в естественнонаучной. Уровень неравенства возможностей в РФ относительно невысокий со слабой тенденцией к снижению.

Ключевые слова: неравенство возможностей, образование, индивидуальные достижения, факторы-обстоятельства, факторы-усилия, пространственные факторы, PISA, Россия, Вишеградская группа

Цитирование: Пауховова И., Бухарбаева Л.Я., Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2023) Возможности и достижения в области образования: Россия и Вишеградская группа стран // Общественные науки и современность. № 2. С. 111–128. DOI: 10.31857/S0869049923020077, EDN: CEPST.

Opportunities and Achievements in the Field of Education in Russia and the Visegrad Countries

© I. PAUHOFOVÁ, L. BUKHARBAEVA, Z. IBRAGIMOVA, M. FRANTS

Iveta Pauhofová, Institute of Economic Research, Slovak Academy of Sciences (Bratislava, Slovak Republic), ipauhofova@yahoo.com. ORCID: 0009-0008-3862-5096

Lilia Y. Bukharbaeva, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia), buharbae-va@mail.ru. ORCID: 0009-0005-0701-3132

Zulfiya F. Ibragimova, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia), badertdinova@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0585-0170

Marina V. Frants, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia), tan-Marina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5324-2463

Abstract. The dynamics of inequality of educational achievements and opportunities in school education in Russia and the countries of the Visegrad group are studied. The study is based on the data of the “International Program for the Assessment of Educational Achievements of Students” (PISA) for 2003–2018. The methodology for assessing the inequality of possibilities is based on a parametric approach and ex-ante determination of the equality of possibilities. Research novelty is determined by the fact that an assessment of an important component of the inequality of educational achievements – the inequality of opportunities – is carried out. The idea of dividing inequality into unfair and fair components is justified within the framework of the theory of equal opportunities developed by Western social philosophy in the second half of the XX century. The completed calculations indicate that each of the countries under consideration is unique. The most problematic are Slovakia and Hungary, which have a downward trend in the average level of educational achievements and a high level of inequality of opportunities. Poland looks the most successful with an increase in educational results and a decrease in inequality of opportunities. In the Russian Federation there is an upward trend in reading and mathematical literacy, while natural science literacy stagnates. The level of inequality of opportunities in the Russian Federation is relatively low with a slight downward trend.

Keywords: inequality of opportunities, education, individual achievements, factor-circumstances, factor-efforts, spatial factors, PISA, Visegrad group, Russia

Citation: Pauhofová I., Bukharbaeva L.Y., Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2023) Opportunities and Achievements in the Field of Education in Russia and the Visegrad Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 111–128. DOI: 10.31857/S0869049923020077, EDN: CEPST.

В ситуации мировой турбулентности практически все государства сталкиваются с теми или иными серьезными экономическими, социальными, политическими проблемами, решение которых может растянуться на десятилетия. В таких условиях возрастает роль национального человеческого капитала, который в значительной мере предопределяет конкурентоспособность государства на мировой арене и его способность справляться с вызовами в долгосрочной перспективе. Система образования играет ключевую роль в формировании качественных характеристик человеческого капитала, поэтому ее роль в современных реалиях становится все важнее.

Школьное образование выступает фундаментом образовательной системы, обеспечивая как получение базовых знаний, так и решение социально-воспитательных задач. Изучение тенденций и проблем развития школьного образования имеет большое значение для понимания и долгосрочного прогнозирования общественного развития.

Динамика образовательных достижений и возможностей школьников в странах с переходными экономиками представляет интерес в силу того, что экономическую трансформацию сопровождают существенные изменения – в том числе и в образовательных системах. В социалистический период равенство образовательных возможностей представляло одну из целей социальной политики государств. Они достигали ее через бесплатное образование на всех уровнях, наличие только государственных образовательных учреждений с едиными программами и стандартами, а также через низкий уровень экономического неравенства. Переход к рыночной экономике повлек за собой, во-первых, рост экономического неравенства. Во-вторых, значительно увеличился объем платных услуг на всех уровнях образования, а также появился негосударственный сектор образовательных услуг – частные детские сады, центры дополнительного образования, школы, предлагающие для детей из обеспеченных семей другой уровень образовательных услуг, и др. Данные изменения связали образовательные достижения школьников с материальным положением семьи. С другой стороны, общемировые тренды (урбанизация, развитие информационно-коммуникационных технологий, снижение численности детей в семье) расширяют образовательные возможности. Эти процессы в каждой стране протекают по-своему. В связи с перечисленными факторами сравнительный анализ динамики образовательных возможностей и достижений в странах с переходной экономикой представляет значительный интерес.

С начала XXI в. выполняется целый ряд международных проектов, направленных на изучение и сравнительный анализ эффективности национальных систем школьного образования. Одним из наиболее известных считается PISA (Programme for International Student Assessment, Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), которую курирует ОЭСР.

Проект PISA стартовал с 1997 г.; он направлен на тестирование знаний учащихся в возрасте 15 лет. Сбор данных проводят каждые три года. Тесты проходят по трем областям знаний: чтение, математика, естествознание. Программа также изучает факторы, которые влияют на образовательные достижения, поэтому в ее рамках собирают контекстную информацию. Среди достоинств PISA следует отметить значительный объем наблюдений и свободный доступ к данным, что позволяет независимым исследователям использовать информацию для собственных задач.

Цель исследования – изучить динамику и провести сравнительный анализ неравенства образовательных достижений и возможностей в странах Вишеградской группы и РФ.

Научная новизна работы заключается в том, что в рамках изучения динамики образовательных достижений в рассматриваемых странах также оценивается несправедливый компонент неравенства образовательных достижений – неравенство возможностей. Идею

разделения неравенства на несправедливый и справедливый компоненты обосновали в рамках теории равных возможностей, которая была разработана во второй половине XX в. в западной социальной философии.

В работе кратко обсуждены основные идеи теории равных возможностей и общая классификация факторов-обстоятельств. Описана концептуальная модель, на базе которой разрабатывают опросники для учащихся, представителей школ и родителей в проекте PISA. Факторы разграничены на обстоятельства и усилия. Приведен краткий обзор работ по рассматриваемой проблематике. Дано описание методики расчетов и информационной базы исследования. Последний раздел посвящен результатам, а также сравнительному анализу неравенства образовательных достижений и возможностей в России и странах Вишеградской группы. Данное исследование продолжает цикл статей авторов по теории и практике измерения неравенства возможностей [Pauhofova et al 2020; Ibragimova, Frants 2021; Ибрагимова, Франц 2021a, 2021b].

Теория равных возможностей в применении к анализу состояния образования

Ключевая идея теории равных возможностей заключается в том, что индивидуальные достижения (блага, ценные для большинства членов общества – уровень дохода, образования, здоровья и др.) разнятся из-за множества причин, неравнозначных с точки зрения справедливости. Неравенство, которое возникает вследствие различий в принимаемых решениях и прилагаемых усилиях, считается этически приемлемым. Неравенство же, которое появляется из-за неконтролируемых индивидом обстоятельств (собственно, и называемое неравенством возможностей), оценивают как фундаментально несправедливое и подлежащее искоренению.

Неконтролируемые индивидом факторы-обстоятельства можно разделить на несколько классов. В первую очередь выделяют эндогенные генетические факторы: врожденные индивидуальные особенности, в том числе таланты и неполноценности. Данная категория также включает в себя социальную дискриминацию, когда одни и те же усилия оценивают по-разному в зависимости от неконтролируемых индивидуальных особенностей – в частности, из-за дискриминации (дискриминация по признаку пола, возраста, расы и др.).

Отдельно выделена категория базовых возможностей или условий. К ним относят обстоятельства, которые складываются на ранних этапах формирования индивида и значительно влияют на его шансы преуспеть в жизни. Неравенство базовых условий возникает по двум причинам: неравенство порождается различиями в ресурсах родительской семьи; неравенство следует из различий в уровне социального, культурного, инфраструктурного, экономического и др. развития территорий проживания индивидов (пространственное неравенство) [Barros et al 2009].

В настоящее время обеспечение равного доступа к школьному образованию всех детей считается одной из значимых целей развития образования. Теория равных возможностей относит такой доступ к категории базовых. Школьное образование получают на ранних этапах жизни, и оно влияет на дальнейшую жизненную траекторию человека: неравенство в данном вопросе продуцирует неравенство в доступе к более высоким образовательным ступеням. Максимальный достигнутый уровень образования определяет другие индивидуальные достижения на более поздних жизненных этапах, включая экономические (трудовые доходы, доступ к качественным рабочим местам и др.), политические и общественные. Таким образом, неравенство образовательных возможностей в школьном обра-

зовании транслируется далее – в неравенство экономических, политических, социальных возможностей и достижений. Соответственно, оно формирует барьеры на пути к экономической и социальной мобильности и консервирует социально-экономическое расслоение. В результате индивиды не могут полностью реализовать свой потенциал, что тормозит общественное развитие. Изучение неравенства образовательных возможностей – в том числе на школьном уровне – имеет существенное значение для понимания и долгосрочного прогнозирования общественных процессов.

Теоретическая модель детерминантов образовательных достижений школьников в проекте PISA

Одна из ключевых целей PISA – получать знания о том, что именно определяет эффективность школьного образования. Другими словами, программа выявляет роль различных факторов в образовательных достижениях учащегося. В проекте PISA используют комплексную двумерную модель, которая структурирует эти факторы (таб. 1). В соответствии с данной методикой и разрабатывают опросники для учащихся, представителей школ, родителей и учителей.

Как видно из таблицы 1, модель анализирует четыре субъекта образования: ученик, класс, школа, образовательная система в целом. Входы включают в себя факторы внешней среды, способные оказывать влияние на образовательную эффективность субъекта. Внутренние управляемые характеристики субъекта, которые в той или иной мере предопределяют его образовательную эффективность, относятся к процессам, а выходы содержат индикаторы образовательных достижений субъекта.

Данное исследование концентрируется на микроуровне – на образовательных достижениях ученика. В качестве выхода (индикатора образовательных достижений) будут использоваться баллы, набранные учащимися в тестовых заданиях по математической, читательской и естественнонаучной грамотности (первый элемент блока 1.3). Чтобы изучить неравенство возможностей в образовательных достижениях на микроуровне, необходимо выделить из представленной совокупности характеристик входов и процессов всех уровней те, которые относятся к внешним неконтролируемым обстоятельствам для выбранного субъекта – ученика.

В первую очередь в эту категорию попадают переменные блока 1.1: пол и социально-экономические характеристики. Образовательная траектория ученика, уровень родительской поддержки, навыки и ценностные установки в той или иной мере связаны с собственным выбором и усилиями учащегося, поэтому они не отнесены к факторам-обстоятельствам. Характеристики из блока 1.2 относятся к зоне персональной ответственности ученика. Свойства входов уровня класса и школы (блоки 2.1, 3.1) в большинстве своем также входят в категорию обстоятельств по отношению к ученику. Большее значение имеют характеристики школы в целом, чем особенности класса, в котором на данный момент учится ребенок, поскольку образовательные достижения формируются кумулятивно за весь срок обучения, в ходе которого может меняться и сам класс, и количество одноклассников, и работающие с ребенком учителя. Часть процессов уровня класса (блок 2.2) представляют собой неконтролируемые обстоятельства (учебная программа и др.), некоторые из них зависят от ученика (отношения с одноклассниками и педагогами). Внутренние характеристики школы также относятся к неконтролируемым обстоятельствам, как и характеристики входов и процессов уровня образовательной системы и государства в целом (блоки 4.1 и 4.2).

Таблица 1

Модель структурирования факторов образовательной эффективности

Table 1

A model structuring the factors of educational effectiveness

	1. Входы	2. Процессы	3. Результаты
1. Ученик	1.1. Пол, социально-экономический бэкграунд, образовательная траектория, семейная обстановка и родительская поддержка, навыки и ценностные установки	1.2. Посещение занятий, участие во внеклассной деятельности, мотивация, вовлеченность, выделяемое на учебу время, образовательные стратегии	1.3. Индивидуальный уровень образовательных достижений (измеряется в баллах, набранных по результатам выполнения тестовых заданий), убеждения и мотивация ученика, ожидания ученика, поведение ученика
2. Класс	2.1. Количество одноклассников, их социально-экономический статус и национальный состав	2.2. Качество преподавания, учебная программа, взаимоотношения в коллективе	2.3. Агрегированные показатели образовательных достижений одноклассников
3. Школа	3.1. Социально-экономический статус и национальный состав учеников, местоположение школы (городская, сельская), уровень финансирования, тип собственности, численность учащихся, вовлеченность родителей	3.2. Ориентации, нормы, ценности школы, взаимоотношение с учащимися, комфортность школьной среды, характеристики материального и кадрового обеспечения	3.3. Агрегированные показатели образовательных достижений учащихся школы
4. Национальная образовательная система	4.1. Уровень экономического развития, уровень социального и экономического неравенства	4.2. Финансирование школ, политика в области профессионального развития учителей, политика в отношении поддержки детей с ограниченными способностями, другие образовательные политики	4.3. Агрегированные показатели образовательных достижений учащихся

Источник: *PISA-2012 Assessment and Analytical Framework: Mathematics, Reading, Science, Problem Solving and Financial Literacy*. (https://www.oecd.org/pisa/pisaproducts/PISA%202012%20framework%20e-book_final.pdf).

Source: *PISA-2012 Assessment and Analytical Framework: Mathematics, Reading, Science, Problem Solving and Financial Literacy*. (https://www.oecd.org/pisa/pisaproducts/PISA%202012%20framework%20e-book_final.pdf).

Обзор работ, посвященных изучению образовательных достижений и возможностей в РФ и странах Вишеградской группы

Сравнительный анализ образовательных достижений и возможностей в разных странах публикуется в официальных отчетах проекта PISA² всех лет, но внимание сфокусировано на межстрановых различиях, а не на динамике изменений во времени в каждой из стран по отдельности. Публикации PISA трактуют неравенство возможностей в узком смысле – как обусловленное семейным бэкграундом ученика. Результаты оценки роли экономического, социального и культурного статуса семьи учащегося в образовательных достижениях школьников стран Вишеграда и РФ приведены в таблице 2.

Методический подход к оценке неравенства возможностей «в широком смысле», с учетом разнообразия факторов-обстоятельств, апробировали на данных PISA-2006 и предложили в работе [Ferreira, Gignoux 2014]. Используя ту же методику, в 2015 г. исследователи измерили неравенство образовательных возможностей в разных странах в динамике на данных PISA 2003, 2006, 2009, 2012 [Luongo 2015]. Несколько другой подход, основанный на регрессионном анализе, применили в работе [de la Vega, Lekuona 2013] для оценки неравенства возможностей в отношении читательской грамотности на данных PISA 2009. Результаты для стран Вишеграда и РФ, полученные в исследованиях, представлены в таблице 2.

Как следует из таблицы 2, в анализ неравенства возможностей практически всегда включают факторы семейного бэкграунда и пол. Пространственные и школьные обстоятельства учитывают «опционально», однако их включение приводит к значительному возрастанию оценки. Сравнение данных демонстрирует, что уровень неравенства возможностей в Венгрии и Словакии как правило, выше, чем в Польше, Чехии и России.

Таблица 2

**Вклад неравенства возможностей в неравенство образовательных достижений в РФ
и странах Вишеградской группы (данные PISA)**

Table 2

**Contribution of inequality of opportunities to inequality of educational achievements
in the Russian Federation and the Visegrad Group countries (PISA data)**

Публикация	Официальные публикации PISA ³	[Ferreira, Gignoux 2014]	[Luongo 2015]	[de la Vega, Lekuona 2013]
Факторы-обстоятельства	индекс экономического, социального и культурного статуса	образов., проф. и миграц. статус родителей, родной язык, количество книг дома, материальный достаток, культурные ресурсы, тип местности, где расположена школа, пол	образование и проф. статус родителей, пол	Родной язык, состав семьи, индекс экономического, социального и культурного статуса семьи школьника, атмосфера в классе, пол

² Programme for International Student Assessment. The Organisation for Economic Co-operation and Development. (<https://www.oecd.org/pisa/data/>).

³ PISA (2007) PISA 2006: Science Competencies for Tomorrow's World. Volume 1 – Analysis. The Organisation for Economic Co-operation and Development; PISA (2010) PISA 2009 Results: Overcoming Social Background – Equity in Learning Opportunities and Outcomes (Volume II). The Organisation for Economic Co-operation and Development.

Продолжение табл. 2

Публикация	Официальные публикации PISA ³	[Ferreira, Gignoux 2014]	[Luongo 2015]	[de la Vega, Lekuona 2013]
Результат*	2006: Россия: –, –, 8 Венгрия: –, –, 21 Словакия: –, –, 19 Польша: –, –, 14 Чехия: –, –, 16 2009: Россия: –, 11, – Венгрия: –, 26, – Словакия: –, 15, – Польша: –, 15, – Чехия: –, 12, –	2006: Россия: 17, 24, 18 Венгрия: 33, 34, 33 Словакия: 32, 29, 30 Польша: 24, 27, 24 Чехия: 27, 30, 28	2006: Россия: 4, 9, 5 Венгрия: 16, 18, 14 Словакия: 1, 15, 13 Польша: 11, 15, 12 Чехия: 9, 11, 8 2009: Россия: 5, 12, 5 Венгрия: 19, 24, 18 Словакия: 10, 18, 10 Польша: 13, 20, 12 Чехия: 9, 15, 8	2009: Россия: –, 37, – Венгрия: –, 34, – Словакия: –, 30, – Польша: –, 27, – Чехия: –, 20, –

Примечание: * – первое измерение соответствует математической, второе – читательской, третье – естественнонаучной грамотности.

Источник: *составлено авторами.*

Source: *compiled by the authors.*

Цель, информационная база и методика исследования

PISA – открытый проект, который предоставляет доступ не только к аналитическим отчетам исследовательской команды проекта, но и к первичным материалам: опросникам, коудбукам, базам данных, тестовым материалам и даже программному обеспечению, которое позволяет корректно производить статистическую обработку. Исследователи по всему миру могут использовать собранные данные для собственных исследовательских задач. Все первичные материалы доступны для скачивания на официальном сайте проекта⁴. В расчетах были использованы 6 баз данных 6-и волн проекта (2003, 2006, 2009, 2012, 2015, 2018). Последняя волна исследования прошла в 2022 г., но собранные данные пока не опубликованы.

Как упоминалось ранее, PISA собирает большой объем контекстной информации об ученике, которая может помочь объяснить различия в результатах тестирования знаний, в том числе переменные, описывающие внешние факторы-обстоятельства. Помимо ответов респондентов на частные вопросы, база данных включает в себя готовый набор производных переменных, которые обобщенно отражают отдельные характеристики семейного и пространственного бэкграунда. Часть из них получена путем обычных вычислений на базе ответов респондента на вопросы анкеты, часть – на базе моделей IRT теории. При отборе переменных авторы стремились включить максимально широкий набор факторов-обстоятельств. Некоторые из них – например, миграционный статус родителей – не учитываются в связи с малой вариабельностью в данных по РФ. Также исключены переменные, которые могут содержать значительный субъективный компонент (например, оценка учеником качества преподавания). Чтобы обеспечить сопоставимость результатов по годам,

⁴ Programme for International Student Assessment. The Organisation for Economic Co-operation and Development. (<https://www.oecd.org/pisa/data/>).

в исследовании анализируются переменные, содержащиеся во всех используемых волнах. Включенные в анализ факторы-обстоятельства приведены в таблице 3.

Как следует из таблицы 3, большая часть из учтенных характеристик относится к области семьи. Однако данный факт придает исследованию дополнительный интерес – появляется возможность детально проанализировать то, какие семейные особенности больше влияют на образовательные достижения ребенка.

Таблица 3

Факторы-обстоятельства

Table 3

Factors-circumstances

Группа факторов	Переменная в БД PISA	Наименование	Способ получения
Семья	HOMEPOS	Домашнее имущество	индекс вычисляется из ответов на вопросы о наличии дома у ученика товаров длительного пользования, книг, музыкальных инструментов, а также характеристик жилья
	CULTPOSS	Культурные ресурсы	индекс вычисляется из ответов на вопросы о наличии дома у ученика классической литературы, книг об искусстве и музыке, произведений искусства и музыкальных инструментов
	HEDRES	Образовательные ресурсы	индекс вычисляется из ответов на вопросы о наличии дома у ученика условий для учебы, компьютера, учебной литературы
	HISEI	Максимальный профессиональный статус родителей	индекс вычисляется из ответов на вопросы о занятости и содержании труда родителей ученика
	HESCED	Максимальный уровень образования родителей	переменная вычисляется на базе ответов на вопросы об образовании родителей и классификации образовательных уровней ISCED 1997
Территориальный фактор	SC004Q001	Тип местности, в которой расположена школа	вопрос о типе местности, в которой расположена школа (варианты ответов: деревня, маленький город, средний город, крупный город, мегаполис)
Неконтролируемые индивидуальные особенности	ST004Q001	Пол ребенка	мужской/женский

Примечание: обозначения переменных в разные годы могут отличаться; в таблице использованы обозначения 2018 г.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Индексы HOMEPOS, CULTPOSS, HISEI разделили на категории трех уровней: низкий (меньше нижнего квартиля, средний (в диапазоне от нижнего до верхнего квартиля), высокий (выше верхнего квартиля распределения). При оценке регрессий средний уровень использован как базовый. Индекс HEDRES категоризировали на два уровня: низкий (меньше медианы) и высокий (равно и выше медианы). Низкий уровень считается базовым.

По причине низкой частоты некоторых категорий переменной HESCED они были объединены. В расчетах рассматривались три уровня образования: ISCED3B_C и ниже, ISCED3A_4_5B, ISCED5A и выше. В качестве базовой была выбрана категория ISCED3A_4_5B.

Переменные SC004Q001 и ST004Q001 (тип местности и пол) не подвергались преобразованиям. Средний город и мужской пол были взяты как базовые.

Преимуществом базы PISA можно считать и малое количество пропусков в данных и их значительный объем (таблица 4).

Таблица 4

Объем наблюдений

Table 4

Scope of observations

Страна	Год	2003	2006	2009	2012	2015	2018
Словакия	N_ob	7346	4731	4555	4678	6350	5965
	N	7308	4703	4524	4606	6036	5600
Россия	N_ob	5974	5799	5308	5231	6036	7608
	N	5945	5735	5275	5168	5776	7084
Чехия	N_ob	6320	5932	6064	5327	6894	7019
	N	6042	5656	5653	–	6529	6650
Польша	N_ob	4383	5547	4917	4607	4478	5625
	N	4383	5469	4807	4438	4319	5504
Венгрия	N_ob	4765	4490	4605	4810	5658	5132
	N	4606	4369	4546	4653	5226	5025

Примечание: N_ob– общее количество наблюдений, N – после удаления пропусков

Источник: *составлено авторами.*

Source: *compiled by the authors.*

Как уже упоминалось, используемую в данном исследовании методику впервые предложили в работе [Ferreira, Gignoux 2014]. Выбор методики обусловлен тем, что она учитывает особенности данных PISA. В ее основе лежит упреждающий подход, который впервые предложил автор исследования [Van de Gaer 1993]. Согласно данной концепции, равенство возможностей достигнуто, если средние достижения индивидов одинаковы во всех однородных с точки зрения факторов-обстоятельств группах. Параметрический подход означает оценку уравнения регрессии, которое связывает достижения и факторы-обстоятельства. В работе [Ferreira, Gignoux 2014] использована линейная форма связи и оценка регрессионных коэффициентов обычным методом наименьших квадратов. Такой же стратегии придерживаются и авторы.

Методика расчетов состоит из следующих этапов:

1. Оценка уравнения регрессии, которое связывает достижение и факторы-обстоятельства.
2. Расчет прогнозных значений $\hat{y}_i$ и коэффициента детерминации R^2 , который интерпретируется как относительная мера неравенства возможностей, отражающая его вклад в неравенство достижения.
3. Вклад отдельных факторов-обстоятельств в общий уровень неравенства возможностей измеряется с применением разложения по Шепли.

Подробное описание этого способа факторной декомпозиции итоговых статистик (в данном случае коэффициента детерминации) представлено в [Shorrocks 2012]. В связи с тем, что разложение по Шепли вычислительно затратно, когда в регрессию включено большое количество факторов, авторы объединили их в 4 группы (материальные ресурсы семьи; образовательный и профессиональный статус родителей; территориальный фактор; пол ребенка) и выполняли разложение по Шепли по этим группам.

Результаты и обсуждение

Средний балл по результатам тестирования знаний по трем направлениям (математика, чтение и наука) представлен на рисунке 1.

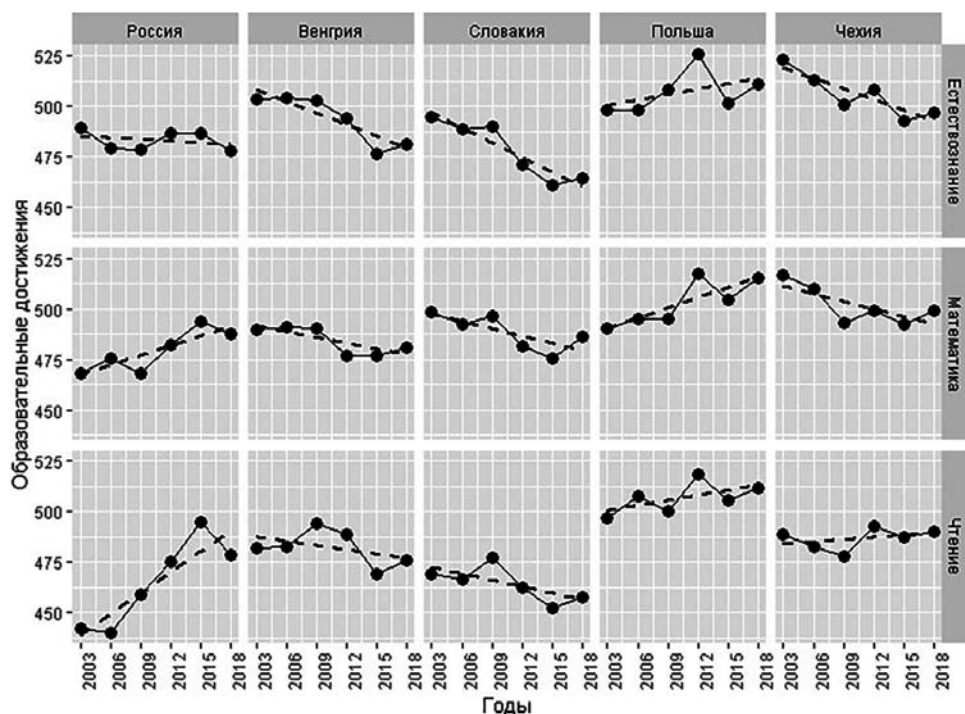

Рисунок 1. Образовательные достижения в РФ и странах Вишеградской группы

Figure 1. Educational achievements in the Russian Federation and the Visegrad Group countries

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из рисунка 1, динамика образовательных достижений школьников в рассматриваемых странах существенно различается. Россия в 2003 г. значительно отставала от всех стран Вишеградской группы по математике и чтению, но к концу рассматриваемого периода она ликвидировала отставание от Словакии и Венгрии; Чехия и Польша по-прежнему впереди. Образовательные достижения словацких школьников имеют тенденцию к снижению. В Польше, напротив, наблюдается положительная динамика.

В литературе, посвященной вопросам образования, стабильное улучшение образовательных достижений польских школьников объясняют последовательной программой развития образования [Csapó *et al* 2019, 223]. Кроме того, Польша лидирует по доле расходов на образование в ВВП среди рассматриваемых стран (4,95% в среднем за период 2003–2018 по данным Всемирного банка)⁵. Аутсайдером выступает Словакия (3,98%), которая демонстрирует самую удручающую динамику образовательных достижений.

Динамика неравенства возможностей в отношении образовательных достижений учащихся приведена на рисунке 2.

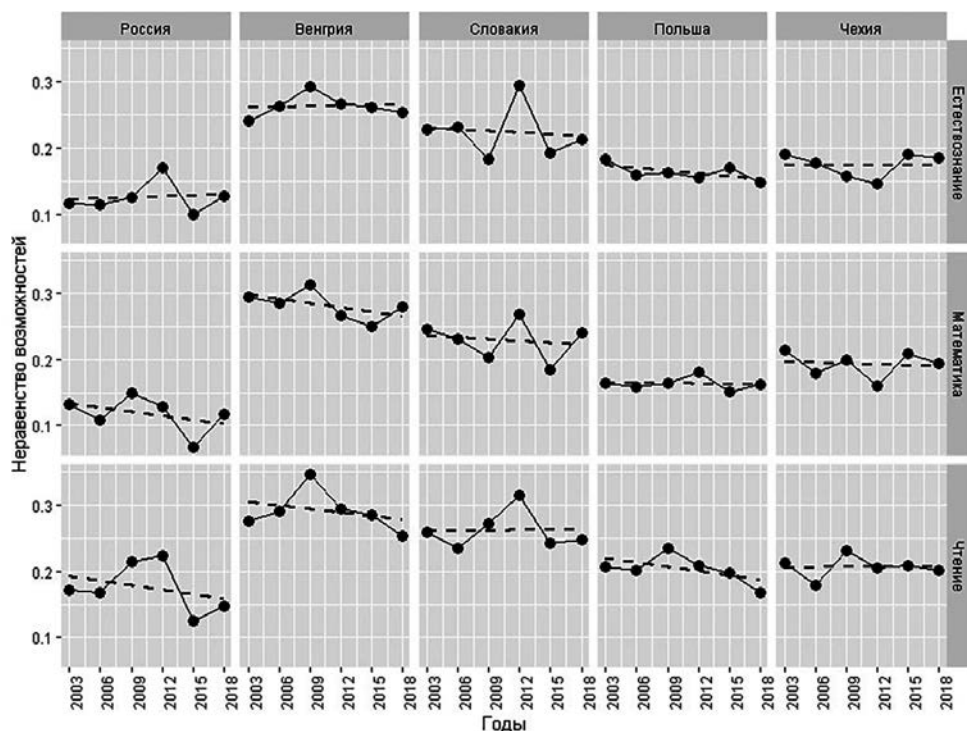

Рисунок 2. Неравенство возможностей в отношении образовательных достижений школьников в РФ и странах Вишеградской группы

Figure 2. Inequality of opportunities in relation to educational achievements of schoolchildren in the Russian Federation and the Visegrad Group countries

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

⁵ World Development Indicators. The World Bank Data. (<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>).

Как видно из рисунка 2, безусловным «лидером» по неравенству образовательных возможностей в рассматриваемых странах по всем направлениям грамотности стала Венгрия. За ней следует Словакия. Во всех странах отсутствует ярко выраженная тенденция к росту либо снижению образовательных возможностей школьников. По-видимому, рассматриваемый период (2003–2018 гг.) можно считать временем, когда самые драматичные времена переходного периода уже миновали и социально-экономические параметры стабилизировались. В большинстве случаев самый высокий уровень неравенства возможностей наблюдается в категории читательской грамотности. Такая динамика может быть связана с тем, что уровень математической и естественно-научной грамотности больше определяется врожденными способностями, в то время как читательская в большей степени формируется социальной средой – прежде всего семейным бэкграундом.

Рисунок 3. Вклад отдельных групп факторов-обстоятельств в неравенство возможностей в Словакии
Figure 3. Contribution of certain groups of factors-circumstances to inequality of opportunities in Slovakia

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рисунок 4. Вклад отдельных групп факторов-обстоятельств в неравенство возможностей в Чехии
Figure 4. The contribution of certain groups of factors-circumstances to the inequality of opportunities in the Czech Republic

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рисунок 5. Вклад отдельных групп факторов-обстоятельств в неравенство возможностей в Венгрии

Figure 5. Contribution of certain groups of factors-circumstances to inequality of opportunities in Hungary

Источник: *составлено авторами.*
 Source: *compiled by the authors.*

Рисунок 6. Вклад отдельных групп факторов-обстоятельств в неравенство возможностей в Польше

Figure 6. The contribution of certain groups of factors-circumstances to the inequality of opportunities in Poland

Источник: *составлено авторами.*
 Source: *compiled by the authors.*

Рисунок 7. Вклад отдельных групп факторов-обстоятельств в неравенство возможностей в Российской Федерации

Figure 7. The contribution of certain groups of factors-circumstances to the inequality of opportunities in the Russian Federation

Источник: *составлено авторами.*

Source: *compiled by the authors.*

Как следует из рисунков 3–7, основную роль в неравенстве возможностей играют семейные характеристики. Данный факт можно частично объяснить тем, что характеристики семьи более полно учтены в расчетах по сравнению с другими группами факторов-обстоятельств. Две составляющие семейного бэкграунда – материальные ресурсы, а также социальный и образовательный капитал родителей – в разных странах имеют разное значение. В Словакии семейные материальные ресурсы все больше преобладают над социальным и образовательным капиталом родителей. В России и Венгрии практически всегда материальный аспект имеет большее значение по сравнению с социально-образовательным. В Чехии и Польше обратная картина: социально-образовательный аспект семейного капитала зачастую важнее, чем материальный. Во всех странах пол имеет значение в неравенстве образовательных возможностей и достижений только в одной категории – читательской грамотности. Как показывают результаты регрессионного анализа, девочки при прочих равных условиях демонстрируют значимо лучший результат по чтению по сравнению с мальчиками. В официальных публикациях PISA существование этого разрыва связывают с читательскими привычками и сформированностью учебных стратегий работы с текстами⁶. Кроме того, в некоторых работах этот феномен объясняется различиями в социализации мальчиков и девочек дома и в школе [Hadjaretal 2014, 118].

Важность пространственного фактора имеет значительную тенденцию к нарастанию только в одной стране – Словакии. В России этот фактор играет наиболее существенную роль по сравнению с остальными странами на протяжении всего рассматриваемого периода. Данную особенность можно объяснить большим размером страны и особенностями размещения населения на ее территории, и, как следствие – большей степенью пространственной неоднородности.

⁶ OECD (2019) Students' socio-economic status and performance, in PISA 2018 Results (Volume II): Where All Students Can Succeed. Paris: OECD Publishing.

Заключение

Страновой анализ, выполненный в данной работе, показал, что у каждой из рассматриваемых стран есть собственный профиль проблем и достижений. Для Словакии и Венгрии характерны негативные тенденции к снижению среднего уровня образовательных достижений, а также высокий уровень неравенства возможностей. Польша, напротив, демонстрирует положительные тенденции, связанные с ростом средних образовательных результатов и снижением неравенства возможностей в школьном образовании. Результаты российских школьников в категории читательской и математической грамотности улучшаются при отсутствии прогресса в отношении естественнонаучной. Уровень неравенства возможностей в РФ относительно невысок и имеет слабую тенденцию к снижению.

Мониторинг динамики неравенства образовательных достижений и возможностей школьников имеет важное значение для понимания и долгосрочного прогнозирования общественных процессов. Качественное школьное образование необходимо для успешного прохождения следующих профессиональных ступеней, и поэтому оно влияет на будущие характеристики человеческого капитала.

Неравенство возможностей в получении школьного образования продуцирует неравенство в доступе к более высоким образовательным ступеням. Уровень образования выступает важнейшим детерминантом других индивидуальных достижений, включая экономические (трудовые доходы, доступ к качественным рабочим местам и др.), политические и общественные. Неравенство в образовательных возможностях в школьном образовании транслируется далее – в неравенство экономических, политических и социальных возможностей и достижений. Таким образом, оно формирует барьеры к экономической и социальной мобильности, а также консервирует социально-экономическое расслоение. Кроме этого, данный тип неравенства препятствует полной реализации индивидами своего потенциала, тормозя общественное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2021a) Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 2. С. 43–62. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-43-62.

Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2021b) Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 36. С. 624–652. DOI: 10.21638/spbu05.2020.404.

Barros R.P., Ferreira F.H.G., Molinas V. J. R., Chanduvi J. S. (2009) Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean. World Bank Publications. No. 2580. Washington, D.C.: The World Bank, New York: Palgrave Macmillan.

Csapó B., Fejes J.B., Kinyó L., Tóth E. (2019) Educational Achievement in Social and International Contexts. Budapest. Pp. 217–236.

de la Vega C., Lekuona A. (2013) Analyzing Inequality of Opportunity in Educational Achievements. Paper presented at the Fifth Meeting of the Society for the Study of Economic Inequality (ECINEQ). Italy. 22–24 July.

Ferreira F., Gignoux J. (2014) The Measurement of Educational Inequality: Achievement and Opportunity // World Bank Economic Review. No. 28. Pp. 210–246.

Hadjar A., Krolak-Schwerdt S., Priem K., Glock S. (2014) Gender and Educational Achievement // Educational Research. No. 56. Pp. 117–125.

- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2021) Measuring Inequality of Opportunity: Does Inequality Index Matter? // *Statistika: Statistics and Economy Journal*. No. 101. Pp. 66–90.
- Luongo P. (2015) Inequality of Opportunity in Educational Achievements: Cross-country and Intertemporal Comparisons. WIDER Working Paper. No. 043.
- Pauhofova I., Bukharbaeva L., Ibragimova Z., Frants M. (2020) Measuring of Inequality of Opportunity: Parametric Approach // *Ekonomický časopis*. No. 68. Pp. 455–476.
- Shorrocks A. F. (2012) Decomposition Procedures for Distributional Analysis: A Unified Framework Based on the Shapley Value // *The Journal of Economic Inequality*. No. 11. Pp. 99–126.
- Van de Gaer D. (1993) Equality of Opportunity and Investment in Human Capital. Ph.D. Dissertation. Leuven: Catholic University of Leuven.

REFERENCES

- Barros R. P., Ferreira F.H.G., Molinas V.J.R., Chanduvi J. S. (2009) *Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean*. World Bank Publications. No. 2580. Washington, D.C.: The World Bank, New York: Palgrave Macmillan.
- Csapó B., Fejes J.B., Kinyó L., Tóth E. (2019) *Educational Achievement in Social and International Contexts*. Budapest. Pp. 217–236.
- de la Vega C., Lekuona A. (2013) *Analyzing Inequality of Opportunity in Educational Achievements*. Paper presented at the Fifth Meeting of the Society for the Study of Economic Inequality (ECINEQ). Italy. 22–24 July.
- Ferreira F., Gignoux J. (2014) The Measurement of Educational Inequality: Achievement and Opportunity. *World Bank Economic Review*. no. 28, pp. 210–246.
- Hadjar A., Krolak-Schwerdt S., Priem K., Glock S. (2014) Gender and Educational Achievement. *Educational Research*. vol. 56, no. 2, pp. 117–125.
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2021a) Neravenstvo vozmozhnostej v obrazovanii v sovetskij i postsovetskij periody: empiricheskij analiz [Inequality of Educational Opportunity in Soviet and Post-Soviet Russia: An Empirical Analysis]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. no. 2, pp. 43–62. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-43-62.
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2021b) Neravenstvo vozmozhnostej: traktovka, metody i problemy ocenki [Inequality of Opportunities: Interpretation, Methods and Problems of Estimation]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. no. 36, pp. 624–652. DOI: 10.21638/spbu05.2020.404.
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2021) Measuring Inequality of Opportunity: Does Inequality Index Matter. *Statistika: Statistics and Economy Journal*. no. 101, pp. 66–90.
- Luongo P. (2015) *Inequality of Opportunity in Educational Achievements: Cross-country and Intertemporal Comparisons*. WIDER Working Paper. No. 043.
- Pauhofova I., Bukharbaeva L., Ibragimova Z., Frants M. (2020) Measuring of Inequality of Opportunity: Parametric Approach. *Ekonomický časopis*. no. 68, pp. 455–476.
- Shorrocks A. F. (2012) Decomposition Procedures for Distributional Analysis: A Unified Framework Based on the Shapley Value. *The Journal of Economic Inequality*. no. 11, pp. 99–126.
- Van de Gaer D. (1993) *Equality of Opportunity and Investment in Human Capital*. Ph.D. Dissertation. Leuven: Catholic University of Leuven.

Информация об авторах

Паухофова Ивета, PhD, старший научный сотрудник Института экономических исследований Словацкой Академии наук. Адрес: 811 05, Словацкая Республика, Братислава, ул. Санкова, 56. E-mail: ipauhofova@yahoo.com

Бухарбаева Лилия Явдатовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предпринимательства Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий». Адрес: 450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32. E-mail: buharbaeva@mail.ru

Ибрагимова Зульфия Фануровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий». Адрес: 450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32. E-mail: badertdinova@mail.ru

Франц Марина Валерьевна, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий». Адрес: 450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32. E-mail: tan-Marina@mail.ru

About the authors

Iveta Pauhofová, PhD, Senior Research Fellow, Department of World Economy, Institute of Economic Research, Slovak Academy of Sciences. Address: 56, Sancova, Bratislava, 811 05. E-mail: ipauhofova@yahoo.com

Lilia Y. Bukharbaeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Enterprise Economics Department, Institute of Economics and Management, Ufa University of Science and Technology. Address: 32, Zaki Validi str., Ufa, 450076. E-mail: buharbaeva@mail.ru

Zulfiya F. Ibragimova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Innovative Economics, Institute of Economics, Finance and Business, Ufa University of Science and Technology. Address: 32, Zaki Validi str., Ufa, 450076. E-mail: badertdinova@mail.ru

Marina V. Frants, Candidate of Sciences (Technics), Associate Professor, Enterprise Economics Department, Institute of Economics and Management, Ufa University of Science and Technology. Address: 32, Zaki Validistr., Ufa, 450076. E-mail: tan-Marina@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 24.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 13.04.2023

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049923020089
EDN: CERFPF

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО ROSTRUM OF A YOUNG SCHOLAR

Оригинальная статья / Original article

Евразийская интеграция в новых геополитических реалиях

© ЯН ШУПИН

Ян Шупин, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), yangshuping.fgp.msu@yandex.com.
ORCID: 0000-0003-4700-1855

Термин «Евразия» выражал различные геополитические смыслы в разные периоды мировой истории. Концепцию Евразии и евразийской интеграции необходимо адаптировать к новым геополитическим реалиям. На основе западной, российской, китайской и другой литературы проанализирован исторический переход от Малой к Большой Евразии. Приведены аргументы в пользу того, что концепция «Большой Евразии» соответствует процессам, которые происходят в мире сегодня. В целом, данная концепция предполагает расширение евразийского континентального пространства, включая Китай, Европейский союз, Индию, Пакистан, Южную Корею, Иран, АСЕАН и постсоветские территории. Изменение понятия «Евразия» вызывает необходимость в новом определении евразийской интеграции. В статье она разделена на три уровня: малая евразийская интеграция, общеевразийская интеграция, большое евразийское сообщество единой судьбы. Эти модели евразийской интеграции позволяют исключить двойственное толкование первоначальной концепции евразийской интеграции.

Ключевые слова: Малая Евразия, Большая Евразия, глобализация, геополитика, евразийская интеграция, Евразийское сообщество

Цитирование: Ян Шупин (2023) Евразийская интеграция в новых геополитических реалиях // Общественные науки и современность. № 2. С. 129–140. DOI: 10.31857/S0869049923020089, EDN: CERFPF.

Eurasian Integration in the New Geopolitical Realities

© YANG SHUPING

Yang Shuping, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), yangshuping.fgp.msu@yandex.com. ORCID: 0000-0003-4700-1855

Abstract. The term “Eurasia” has had different geopolitical meanings in world history. The concept of Eurasia and Eurasian integration should be adapted to the new geopolitical realities. Based on the Russian, Western, Chinese and other literature, the historical transition from Minor to Greater Eurasia is analyzed. It is argued that the concept of Greater Eurasia corresponds to the processes taking place in today’s world. In general, Greater Eurasia is a broad and open concept that includes the entire Eurasian continental space: China, the European Union, India, Pakistan, South Korea, Iran, ASEAN and post-Soviet territories. The changes in the concept of “Eurasia” calls for investigation of the essence of Eurasian integration. In this study it is divided into three levels: Eurasian Minor integration, general Eurasian integration, and a large Eurasian community of common destiny. The three models can replace the ambiguous interpretation of the original concept of Eurasian integration.

Keywords: Minor Eurasia, Greater Eurasia, globalization, geopolitics, Eurasian integration, Eurasian community

Citation: Yang Shuping (2023) Eurasian Integration in the New Geopolitical Realities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 2, pp. 129–140. DOI: 10.31857/S0869049923020089, EDN: CERFPF.

Введение

В настоящее время мир, эпоха и факторы развития претерпевают изменения. Человечество вновь стоит на перепутье исторического процесса¹. Очевидной тенденцией текущего периода становится перемещение центра мирового экономического развития с Запада на Восток. Быстрый экономический рост вызвал у восточных стран стремление к самодостаточности: политико-институциональной (создание уникальных политических структур) и культурно-цивилизационной (выход из тени западной цивилизации). В результате распадается сложившаяся западная моноцентрическая система миропорядка и формируется новая полицентрическая модель. Целесообразно, чтобы в основу будущего мирового порядка легли новые принципы – признание разнообразия цивилизаций и систем ценностей, преодоление устаревших западноцентрических стереотипов и геополитических шаблонов. Континентальная Евразия становится общим геополитическим пространством, где на волнах изменений разрушается барьер между культурами, закреплённый в эпоху биполярного мироустройства.

С другой стороны, пандемия и конфликт между Россией и Украиной разрушают «миф» о неразрывной взаимозависимости стран друг от друга. Глобализация, которая характеризуется высоким уровнем неравенства, сталкивается с дезинтеграцией и новой волной реконфигурации – к региональной интеграции. В пространстве Евразии сопряжение и взаимодействие между межрегиональными и региональными интеграционными процессами

¹ Доклад Председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК. Официальный сайт Правительства КНР. 25.10.2022. (<http://www.gov.cn/zhuantu/zggcdescqgdbdh/sybgqw.htm>).

(в частности, воплощенными в китайской инициативе «Один пояс и один путь» и Евразийском экономическом союзе) продемонстрировало, что идея Большой Евразии имеет значительный потенциал.

Между тем в российских, западных и китайских научных кругах до сих пор нет единого определения евразийской интеграции и Евразии, а ее изучение по-прежнему носит фрагментарный характер. Кроме того, большинство теорий интеграции основаны на европейском опыте и не уделяют достаточного внимания особенностям евразийских процессов. По мере развития человечества, улучшения взаимоотношений цивилизаций и изменения положения, роли и влияния Евразии в развитии человеческой цивилизации менялось и само восприятие этого термина. В данной статье представлен анализ изменений концепции Евразии в условиях новой геополитической реальности. Изучены исторические процессы и предложены три модели евразийской интеграции, которые позволят устранить двойственное толкование и ее концепции.

Осмысление перехода от «Малой Евразии» к «Большой Евразии»

Самый важный вопрос данного исследования – где проходят территориальные границы Евразийского региона? С точки зрения географии существование Евразийского континента бесспорно. Он включает в себя два сухопутных континента – Европу и Азию, на востоке, юге и севере граничит с Тихим, Индийским и Северным Ледовитым океанами соответственно. Как рассматривает Евразию геополитика?

Немецкий математик и географ К.Г. Ройшле в книге «Справочник по географии» (*Handbuch der Geographie*, 1958 г.) использовал понятие «Двойной континент Азия-Европа» (*Doppel erdteil Asien-Europa*). Впервые термин «Евразия» в 1880-х гг. употребил геолог Э. Зюсс. С тех пор он расширился от исключительно географического определения до литературного, философского и геополитического применения. Так, английским словом *Eurasia* называется одна из трех глобальных держав в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Во вселенной произведения Евразия занимает площадь Советского Союза, Европы и Турции. Она находится в состоянии перманентной войны с двумя другими тоталитарными сверхдержавами – Океанией (Северная и Южная Америка, Великобритания, Южная Африка, Австралия) и Остазией (Китай, Япония, Корея, часть Монголии и Индии).

Осмысление глобальной роли континентального пространства Евразии связано с развитием первых геополитических концепций. Формирование единого взгляда на евразийское пространство начал британский географ и геополитик Х. Д. Маккиндер, который назвал центральную часть Евразии Хартлендом. По его мнению, осваивать «сердцевинную» землю (Хартленд) было необходимо для мирового господства [Mackinder 1904]. В 1940 г. в работе *Geography of Peace* американский политолог Н. Спикмэн ввел термин «Римленд», обозначающий дугу прибрежной полосы, которая окружает Хартленд с запада, юга и юго-востока. Спикмэн полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией.

Положение России как трансевразийской державы, подверженной культурному влиянию как со стороны Востока (Азии), так и со стороны Запада (Европы), привела к формированию уникальной российской геополитической идеологии, известной как евразийство.

В своих работах известный российский геоэкономист П.Н. Савицкий называет Россию «срединным материком» между Европой и Азией – Евразией. В начале 1920-х гг. П.Н. Савицкий и философ Н.С. Трубецкой разработали идею евразийства, также известную как классическое евразийство. Столкнувшись с проблемой отсутствия четкого опре-

деления термина «Евразия», географ и экономист П.Н. Савицкий разделил это понятие на две субкатегории. Он отмечал, что границы Евразии совпадают с границами Российской империи и постсоветского пространства. Данные территории не принадлежат ни к Европе, ни к Азии, а представляет собой особую часть земли, «третий мир» и уникальную землю. В результате его изысканий появляется термин «Малая Евразия» (на латинском языке *Eurasia in sensu strictu*), который был введен в обращение в 1933 г. [Савицкий 1997, 45].

Главной фигурой среди исследователей евразийства в советский период выступал Л.Н. Гумилев. С теоретической точки зрения он представлял евразийство как вариант национально-державной идеи. В то же время он создал широкую историческую, географическую и этнографическую базу для развития евразийских идей. Л. Гумилев утверждал, что только евразийство может спасти Россию. По его мнению, уникальность российской нации и цивилизации коренится в геополитическом преимуществе встречи Востока и Запада, и Россия должна использовать это преимущество, чтобы развивать региональную интеграцию народов Евразии и построить единое цивилизационное пространство [Гумилев 2008]. Его аргументы легли в основу концепции неоевразийства.

Идею евразийской интеграции и евразийского союза в ее практическом выражении после распада СССР впервые предложил в марте 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев. Он предполагал, что такие объединения смогут укрепить стабильность и безопасность, а также будут способствовать социально-экономической модернизации на постсоветском пространстве.

В XXI в. А.Г. Дугин вновь трансформирует концепцию неоевразийства, предложив вариант «экстремального евразийства». Он рассматривает новое евразийство, в основе которого лежит развитие системы альянсов/осей Евразии, как фактор сопротивления американскому порядку. Он считает, что, опираясь на подобные объединения, можно найти решение дилеммы безопасности евразийской геополитики [Dugin 2015, 126]. Дугин предполагает и более широкое значение общего европейско-российского пространства (проект Большая Европа). Он рассматривает неоевразийство как альтернативу однополярной глобализации и неоколониализму Запада, продвигая тем самым новую идею плюралистического мира.

На рубеже XXI в. понятие «Евразия», которое всегда было преимущественно географическим, трансформировалась в представление о взаимосвязанном экономико-политико-стратегическом комплексе. В условиях многоаспектной глобализации и перераспределения сил и интересов на континенте понимание Евразии как территории бывшей Российской империи (а затем СССР) устарело. Малая Евразия представляет собой лишь часть огромного, но все более закрытого континента – Большой Евразии.

Геополитический конструкт «Большая Евразия» выдвинули в 2015 г. в Центре комплексных международных и европейских исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ (С. А. Караганов, Т. В. Бордачев), предложив его вместо концепции «Большой Европы» (общее пространство «от Лиссабона до Владивостока»). С. Караганов охарактеризовал «Большую Евразию» как концепцию континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанную на доверии и стремлении к всеобщей безопасности. Ее определяют как «движение к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванному преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвратить появление новых очагов напряженности, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства»².

² Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии. Россия в глобальной политике. 30.05.2017. (<http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>).

На XX Петербургском международном экономическом форуме (2016 г.) Президент Российской Федерации В.В. Путин на высшем государственном и международном уровне предложил глобальный проект «Большое евразийское партнерство». В июне 2016 г. он заявил: «Мы предлагаем подумать о создании Большого евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран»³. Данный проект подразумевает создание сети зон свободной торговли и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем континенте. В итоге должно появиться общее экономическое пространство и сообщество безопасности «от Лиссабона до Шанхая». На первом Евразийском экономическом форуме (2022 г.) В.В. Путин заявил, что Большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом. Главная его идея – создать общее пространство равноправного сотрудничества для региональных организаций. «Большое евразийское партнерство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте при учете многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов», – отметил президент России⁴. В 2019 г. президент Казахстана Н. Назарбаев призвал объединить в единый интеграционный проект XXI в. Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути и Европейский союз.

Турция и Россия имеют очень похожую историческую судьбу. Евразийская история оставила глубокий след в развитии обеих стран. После распада Советского Союза и разрушения биполярного мира евразийство как геополитическую концепцию развивались и в Турции. Независимые государства Центральной Азии и Кавказа (часть тюркского мира) способствовали распространению новой интерпретации евразийства в Турции. Они определили свои новые внешнеполитические ориентиры и цели, создав концепт Евразии как географического мега-пространства и содействуя развитию турецкой версии евразийской/неоевразийской идеологии. Премьер-министр Турции С. Демирель активно продвигал идеи евразийства и Евразии, которую он определил как «регион, населенный преимущественно тюрками, простирающийся от Адриатического моря до Великой Китайской стены». Иными словами, география турецкой Евразии – это территории с большим субстратом тюркского населения. Одновременно высокопоставленные чиновники официальной Анкары постоянно отвергали обвинения в пантюркизме как «необоснованные» [Шлыков 2017]. Концепцию Евразии стали воспринимать как трамплин для вступления Турции в ЕС, а также как окно возможностей для повышения политического веса Анкары в глазах Запада. В последние годы интерес Турции к евразийству Дугина возрос на фоне неоднократных неудачных попыток страны стать частью Евросоюза. Как и в России, в Турции обрело популярность толкование концепции «Евразии» как неприятия Запада и однополярной внешней политики Вашингтона. Турция стремится присоединиться к «евразийской оси», созданной Россией, Китаем, Индией и Ираном, о чем свидетельствует, например, желание Анкары получить статус наблюдателя при ШОС. Президент Р. Эрдоган на 22-м саммите глав государств ШОС в Самарканде заявил, что она стала одним из оков Турции в Азию.

Память о процветающем Шелковом пути 2000-летней давности до сих пор сохранилась у китайцев, поскольку, по их представлениям, тогда Китай был центром мира. Евраз-

³ Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. ТАСС. 17 июня 2016. (<https://tass.ru/ekonomika/3376295>).

⁴ Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом. ТАСС. 26 мая 2022. (<https://tass.ru/ekonomika/14737439>).

зийский фактор играл ключевую роль в его внешней политике на протяжении тысячелетий. Может показаться, что Китай всегда был сосредоточен на восточных морях, однако его интерес к этим пространствам проявился лишь 150 лет назад. Сегодня поворот Китая к Евразии становится все более важным аспектом в внешней политики страны.

Проект «Пояс и путь» состоит из двух компонентов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Первый соединяет сухопутные страны Евразийского континента, в то время как второй объединяет морские страны. Китайско-пакистанский экономический коридор и экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма смыкают сухопутный и морской пути, служа связующим звеном между сухопутным и прибрежным экономическим сотрудничеством на Евразийском континенте [Синь Гуанчэн 2018, 4–5]. Китайская стратегия «Пояс и путь» шире традиционного понимания евразийского региона России и Центральной Азии. Она выходит за рамки географии Евразийского континента, охватывая его вместе с Северной и Восточной Африкой. Стратегия «Пояс и путь», считают в Китае, выступает ответом на необходимость глубокой интеграции и системного сотрудничества на евразийском континенте.

В последние годы на саммитах лидеров ШОС появилась концепция «Сообщество единой судьбы ШОС». Выступая на 22-м саммите ШОС, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «Евразийский континент – наш общий дом»⁵. К поддержанию мира и развития на евразийском континенте стремится регион и весь мир, и ШОС призвана сыграть важную роль в этом деле. На видеосаммите ШОС в 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин также предложил создать «Четыре сообщества» – здравоохранения, безопасности, развития и в гуманитарных областях. С быстрым подъемом Китая геополитический потенциал Евразии будет играть важную роль во внешней политике. С одной стороны, Китай совершает поворот к Евразии, стремится превратить границу с 14 странами в стратегический актив. С другой, Евразия становится стратегическим ресурсом для расширения влияния Китая.

Вышеизложенное демонстрирует, что термин «Евразия» имел различные геополитические смыслы в мировой истории. В данном контексте целесообразно с исторической, логической и реалистической точек зрения говорить о концепции «Большой Евразии». В целом, это широкая и открытая концепция, которая включает в себя все евразийское континентальное пространство: Китай, Европейский союз, Индию, Пакистан, Южную Корею, Иран, АСЕАН и постсоветские территории.

Таблица 1

Осмысление перехода от «Малой Евразии» к «Большой Евразии»

Table 1

Comprehension of the transition from “Eurasia Minor” to “Greater Eurasia”

Дата	Представитель	Концепция «Евразии»
1858 г.	Карл Густав Ройшле	В книге «Справочник по географии» (Handbuch der Geographie) использован термин «Двойной континент Азия-Европа» (Doppel erdteil Asien-Europa).
1880 г.	Эдуард Зюсс	Первое употребление термина «Евразия».
1904 г.	Х.Д. Маккиндер	Освоение сердцевинной земли (Хартленд) – необходимое условие для мирового господства.

⁵ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на 22-ом заседании государств-членов ШОС. СИНЬХУА Новости. 2022-09-16. (<https://russian.news.cn/20220916/2cd9a2c37d0345e5b84c004ff6d70cf3/c.html>).

Продолжение табл. 1

Дата	Представитель	Концепция «Евразии»
1940 г.	Н. Спикмэн	«Римленд» имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией.
1949 г.	Дж. Оруэлл	Евразия находится в состоянии перманентной войны с двумя другими тоталитарными сверхдержавами – Океанией и Остзией.
1920-е годы	Классическое евразийство (П.Н. Савицкий)	Россия как континент между Европой и Азией, т. е. срединный континент – Евразия.
Советский период	Неоевразийство (Л.Н. Гумилев)	Только евразийство может спасти Россию, чья национальная и цивилизационная уникальность коренится в геополитическом преимуществе встречи Востока и Запада.
1994 г.	Н.А. Назарбаев	Идея евразийской интеграции и евразийского союза.
2010 г.	Экстремальное евразийство (А.Г. Дугин)	Создание общего европейско-российского пространства. В более широком смысле – неоевразийство как альтернатива однополярной глобализации и неоколониализму Запада, продвижение идеи плюралистического мира.
2012–2013 г.г.	С.А. Караганов, Т.В. Бордачев	«Большая Евразия» – концепция континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанных на доверии и всеобщем стремлении к безопасности.
2013 г.	Китайский проект «Пояс и путь»	Объединение всех регионов Евразийского континента, Северного и Восточно-Африканского регионов через Экономический пояс Шелкового пути (сухопутный) и Морской экономический пояс Шелкового пути 21 века (морской).
2016 г.	В.В. Путин	«Большое Евразийское партнерство»: создание единого экономического пространства и трансконтинентальной транспортной инфраструктуры на евразийском пространстве, а также создание континентальной системы безопасности от Джакарты (или Токио) до Лиссабона, которая компенсирует неудавшийся проект общеевропейской безопасности.
С 1991 г.	Т. Озал, С. Демирель, А. Давутоглу, Р.Т. Эрдоган	Турецкое евразийство и пантюркизм. География турецкой Евразии – территории с большим субстратом тюркского населения. Официальная Анкара отвергала обвинения в пантюркизме как «необоснованные».
2020 г.	Си Цзиньпин	Сообщество ШОС с единой судьбой – построение сообщества судьбы в Евразии с интегрированными экономиками, взаимозависимой безопасностью и взаимными обменах между цивилизациями.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Евразийская интеграция: адаптация к новым реалиям

В контексте перехода от «Малой» к «Большой» Евразии меняется и сама концепция евразийского интеграционного процесса.

Возникает важный вопрос: возможно ли формирование интегрированного пространства в «Большой Евразии», то есть возможна ли евразийская континентальная интеграция? Сотрудничество и торгово-экономические взаимоотношения между странами Большой Евразии в последние десятилетия становятся все более интенсивными, особенно в областях борьбы с терроризмом и развития энергетики. Тем не менее, нельзя говорить о формировании единого наднационального интеграционного объединения, подобного ЕС, на большом евразийском пространстве – как и об общеевразийском союзе с едиными законами и правилами. Скорее следует ожидать, что евразийская интеграция будет развиваться в виде сети локализованных и пересекающихся проектов и сообществ, которые решают отдельные вопросы. Предпочтительно, чтобы такие проекты были основаны не только на межгосударственном, но и на субнациональном взаимодействии [Винокуров, Либман 2012, 169].

С одной стороны, различные политические, исторические, географические и культурные факторы, определяющие евразийский континент, приводят к тому, что интеграционные процессы на его пространстве также разнообразны. Профессор Университета Цинхуа Чжао Хуашэн полагает, что у евразийской интеграции есть общее название, но отсутствует общий механизм⁶. С другой стороны, согласование интеграционных процессов в ходе выполнения субрегиональных проектов (сопряжение «Пояса и пути» с ЕАЭС, взаимодействие между ЕАЭС и АСЕАН, расширение ШОС) имеет неограниченные перспективы и влияет на сложившийся международный порядок.

В свою очередь, целый ряд вопросов заставляет задуматься о понятии евразийской интеграции. Определение и уточнение концепций помогают лучше понять реальный мир. В данной статье евразийская интеграция определяется на трех уровнях (см. рис. 1): малая евразийская интеграция, общеевразийская интеграция и большое евразийское сообщество единой судьбы.

Рисунок 1. Евразийская интеграция на трех уровнях

Figure 1. Eurasian integration at three levels

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

⁶ Чжао Хуашэн. Евразийская интеграция: адаптация к новым реалиям. Валдай. 16.07.2020. (<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-adaptatsiya/>).

Малая евразийская интеграция. Традиционное понимание евразийской интеграции как интеграции на постсоветском пространстве (особенно в рамках ЕАЭС) можно назвать малой евразийской интеграцией. Данный вид взаимодействия приобретает все большее значение для российской внешней политики в контексте разрыва отношений между Россией и Западом и попыток постепенно оторвать российскую экономику от мировой.

После распада Советского Союза США и ЕС продолжают выдавливать Россию из геополитического и экономического пространства, в то время как она ускоряет интеграцию на постсоветском пространстве. ЕАЭС был основан на базе Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), сформированного Россией, Беларусью и Казахстаном. Его цель – создать к 2025 г. общий рынок энергоносителей, в частности, газа, нефти и электроэнергии; образовать единое логистическое и транспортное пространство; согласовать экономическую политику, свободное перемещение товаров и рабочей силы; сформировать единый финансовый рынок. Не случайно подписание договора о создании ЕАЭС практически совпало по времени с возникновением кризиса на Украине.

Внутренние системы и механизмы ЕАЭС постоянно совершенствуются. Объединение достигло значительных успехов в упрощении таможенных процедур, снижении тарифов, строительстве инфраструктуры и создании единого экономического рынка, который охватывает области торговли, инвестиций, финансов, труда и жизнеобеспечения людей.

Продолжающаяся перестройка российской экономики и уход западных брендов с российского рынка откроет для стран Евразии (особенно для государств-членов ЕАЭС) новые возможности в предоставлении услуг и экспорте продукции. В то же время все большее количество бывших советских республик будет связано с ЕАЭС, что не исключает создания «мини-советской» модели с центром в России. Такая система вполне самодостаточна и способна противостоять западной либеральной экономической системе. Однако более высокая степень политической интеграции, т. е. создание Евразийского союза, остается маловероятной.

Снижение экономической привлекательности России и дисбаланс сил на евразийском пространстве препятствуют развитию малой евразийской интеграции на более высоком уровне. США, Китай и Турция все больше вовлекаются в дела континента, в результате чего традиционные евразийские страны (особенно в Центральной Азии) балансируют во внешней политике. ЕАЭС вряд ли превратится в такие тесно интегрированные объединения, как ЕС или АСЕАН.

Общевеэразийская интеграция. Второй уровень подразумевает сопряжение субрегиональных интеграционных проектов, в основе которого лежит стремление построить будущее единое евразийское экономическое пространство и поиск новых форм международного сотрудничества. Например:

- формирование трансконтинентальной транспортной инфраструктуры на евразийском пространстве в рамках китайской инициативы «Пояс и путь»;
- увеличение объемов торговли между Китаем и Европой;
- сопряжение «Пояса и пути» с ЕАЭС;
- сотрудничество ЕАЭС с АСЕАН и Ираном;
- возникновение экономической зоны свободной торговли RCEP (Всестороннее региональное экономическое партнерство);
- расширение влияния Шанхайской организации сотрудничества;
- постепенное формирование «железного треугольника» Китай-Россия-Иран;
- активный поворот южноазиатского субконтинента (Индия) в сторону Евразии.

Различные формы взаимодействия между этими субрегионами рассматриваются как готовые компоненты и узлы будущего единого евразийского экономического простран-

ства. Общеевразийская интеграция «собирает» эти компоненты и узлы без ущерба для существующих механизмов. Очевидно, что потенциал взаимодействия между субрегиональными интеграционными процессами безграничен.

Важнейшей частью экономической интеграции выступают современные логистические и транспортные коридоры, которые будут способствовать развитию торговли на Евразийском континенте. В последние годы в рамках китайского проекта «Пояс и путь» постепенно появляется евразийский каркас, соединяющий Восток и Запад, а также формируется интегрированная сеть железнодорожной, автомобильной, морской, речной и воздушной транспортной инфраструктуры. Такие проекты закладывают прочную материальную основу для общеевразийской интеграции и торгового процветания. С другой стороны, в отличие от традиционных геополитических идей, инициатива «Пояса и пути» ознаменовала смену устоявшейся парадигмы. Она заменяет традиционную геополитическую иерархию центра и периферии, преодолевая дихотомию морской и сухопутной мощи. Что более важно, данный проект способствует мирному сосуществованию и синергии между мировыми культурами и цивилизациями, которые располагаются в одном пространстве и времени.

ШОС будет играть особую роль в процессе общеевразийской интеграции. Сегодня эта организация из механизма обеспечения безопасности превратилась в многофункциональную платформу для межрегиональных взаимоотношений, которая объединяет основные субрегионы Большой Евразии. ШОС была бы наиболее подходящей кандидатурой на роль платформы или механизма общеевропейской интеграции. На фоне растущей глобальной конфронтации, доминирования мышления холодной войны и блоковой политики, «шанхайский дух»⁷ (взаимные доверие и выгода, равенство и консультация, уважение к различным цивилизациям, совместное развитие) признают и ценят все больше стран. «Шанхайский дух» – самый обязательный элемент общеевразийской интеграции и объективный ответ на вопрос о евразийской идентичности.

Сопряжение явно неприемлемо для западных политиков, поскольку разрушает традиционный европоцентризм. Они будут делать все возможное, чтобы блокировать неподконтрольную евразийскую интеграцию – вплоть до изменения правил глобализации, которые они сами создали.

Большое евразийское сообщество единой судьбы. Что может объединить страны Большой Евразии, которые фундаментально различаются по экономическим, культурным, религиозным, демографическим, технологическим и политическим характеристикам? Не выглядит ли идеалистической утопией пространство соразвития и безопасности в масштабах всего Евразийского континента? В рамках данной темы невозможно обойти эти вопросы. У государств Евразии есть общие интересы и общие проблемы, однако проблемы могут быть решены только совместными усилиями.

Будущий евразийский порядок пока невозможно описать в деталях. Идею о создании всеобщих моральных и правовых регуляторов в целом Большой Евразии можно назвать наивной. Однако в новых геополитических реалиях формирования полицентричного мира и многоаспектной глобализации культурно-цивилизационный подход оказывается лучшим инструментом для понимания модели мира. Инициатор культурно-цивилизационного подхода А.Н. Чумаков отмечает в одной из своих работ: «...конструктивный диалог, учитывающий культурные различия и цивилизационное единство разных стран и народов, является наиболее оптимальным средством решения многочисленных проблем»

⁷ Генсек ШОС Норов: «Шанхайский дух» обладает мощной силой. Вечерний Бишкек. Вечерний Бишкек. 22 июня 2021. (https://www.vb.kg/doc/402519_gensek_shos_norov:_shanhayskiy_dyh_obladaet_moshnoy_siloy.html).

[Чумаков, Стычинский 2018, 4–5]. Он также пишет, что эффективность такого диалога связана с общим опытом взаимодействующих субъектов и едиными нормами и принципами цивилизационных отношений.

На третьем уровне евразийской интеграции формируется Большое евразийское сообщество единой судьбы, которое включает в себя экономическое сообщество, сообщество безопасности и культурно-цивилизационный диалог. Первые два элемента представляют собой основу и отвечают фундаментальным интересам государств Большой Евразии. Следует повторить, что нецелесообразно и невозможно поместить экономические интересы и интересы безопасности в рамки одного механизма. Сотрудничество государств Большой Евразии должно строиться по принципу пересекающихся «клубов». В экологии сообществом считают надорганизменную систему (синоним биоценоза), специфическая характеристика которого – видовое разнообразие. В социологических науках сообщество – это группа людей с общими интересами. В ней персоналии объединены по таким признакам, как нормы, религия, ценности, род занятий и т. д. Культурно-цивилизационный диалог служит «клеем», который скрепляет различные части всей евразийской системы – Большой Евразии.

В новых геополитических реалиях усиливается противостояние, конфликты развиваются в неконтролируемых направлениях, а между великими державами растет недоверие. Данные факторы препятствуют стабильности Большого евразийского сообщества единой судьбы.

Заключение

Центр мира ускоренными темпами смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Способность традиционного Запада доминировать в мировой экономике и политике постепенно сокращается. В таких условиях Евразия начала трансформироваться из бывшего постсоветского пространства или Российской империи (Малой Евразии) в более открытый и обширный регион, который охватывает Евразийский континент («Большая Евразия»). Сущность изменения концепции «Евразии» заключается в том, что международный ландшафт в значительной степени трансформировался, и устаревшее традиционное понимание термина должно быть адаптировано к новым условиям. В целом, «Большая Евразия» – это широкая и открытая концепция, которая включает в себя все евразийское континентальное пространство: Китай, Европейский союз, Индию, Пакистан, Южную Корею, Иран, АСЕАН и постсоветские территории. Она представляется самоорганизующимся процессом, условия и предпосылки для которого постепенно созревают.

В контексте перехода от «Малой» к «Большой» Евразии меняется и сама концепция евразийского интеграционного процесса. Таким образом, в данной статье евразийская интеграция определена на трех уровнях: малая евразийская интеграция, общеевразийская интеграция и большое евразийское сообщество единой судьбы. Первая представляет собой процесс интеграции на постсоветском пространстве, особенно в рамках ЕАЭС. Общеевразийская интеграция выражается в сопряжении субрегиональных интеграционных проектов в стремлении построить будущее единое евразийское экономическое пространство, итогом чего станут новые формы международного сотрудничества. Большое евразийское сообщество единой судьбы объединяет в себе экономическое сообщество, сообщество безопасности и культурно-цивилизационный диалог на целом Евразийском континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. (2012) Евразийская континентальная интеграция. СПб: ЕАБР. 224 с.
- Гумилев Л.Н. (2008) Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Аст. 608 с.
- Синь Гуанчэн (2014) Понимание современной китайской стратегии Шелкового пути // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 4–5.
- Савицкий П.Н. (1997) Континент Евразия. М.: Аграф, 210 с.
- Чумаков А.Н., Стычинский М.С. (2018) Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. № 1. С. 3–14.
- Шлыков П. В. (2017) Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика и геополитика. № 1. С. 58–76.
- Dugin A. (2015) *Eurasian Mission: An Introduction to Neo-Eurasianism*. Budapest: Arktos Media Ltd. 182 p.
- Mackinder H.J. (1904) The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. No. 23. Pp. 421–437.

REFERENCES

- Chumakov A.N., Stychinskiy M.S. (2018) Kul'turno-tsivilizatsionnyy dialog i yego vozmozhnosti v usloviyakh global'nogo mira [Cultural and Civilization Dialogue and its Possibilities in the Global World]. *Vek globalizatsii*. no. 1, pp. 3–14.
- Dugin A. (2015) *Eurasian Mission: An Introduction to Neo-Eurasianism*. Budapest: Arktos Media Ltd. 182 p.
- Gumilev L.N. (2008) *Ritmy Yevrazii. Epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia. Epochs and Civilizations]. Moscow: Ast. 608 p.
- Mackinder H.J. (1904) The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*. no. 23, pp. 421–437.
- Savitskiy P.N. (1997) *Kontinent Yevraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf. 210 p.
- Sin' Guanchen (2014) Ponimaniye sovremennoy kitayskoy strategii Shelkovogo puti [Understanding China's Contemporary Silk Road Strategy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 12, pp 4–5.
- Shlykov P. V. (2017) Yevraziystvo i yevraziyskaya integratsiya v politicheskoy ideologii i praktike Turtsii [Eurasianism and Eurasian Integration in Turkish Political Ideology and Practice]. *Sravnitel'naya politika i geopolitika*. no. 1, pp. 58–76.
- Vinokurov Ye.YU., Libman A.M. (2012) *Yevraziyskaya kontinental'naya integratsiya* [Eurasian Continental Integration]. Saint-Petersburg: YEABR. 224 p.

Информация об авторе

Ян Шупин, аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В), Москва, 119991. E-mail: yangshuping.fgp.msu@yandex.com

About the author

Yang Shuping, PhD Student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Address: 117997, Moscow, Leninskie Gory, 1, building B, 13A. E-mail: yangshuping.fgp.msu@yandex.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 01.12.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 17.04.2023